

ЛЮДВИГ КЛАГЕС

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

ЛЮДВИГ КЛАГЕС

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2020

УДК 13
ББК 87.1
К47

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

*Серия «Альгиз» — совместный проект
с эко-защитным движением Greenline Front.*

Перевод с немецкого — А. М. Иванов.

Клагес Л.

К47 Человек и земля. Сборник статей. — М.: Тотенбург, 2020. — 242 с.

ISBN 978-5-9216-2344-6

В данный сборник немецкого философа Людвига Клагеса (1872–1956) вошли лучшие труды, опубликованные в разные годы. Как образец немецкой консервативной мысли, рассуждения автора о человеке, личности, этике, сознании остаются актуальными и в настоящее время. Статья «Человек и Земля», давшая название сборнику впервые появилась в 1913 году в связи со слетом Свободной немецкой молодежи в Мейсене и стала первым эко-манифестом.

Литературоведческие размышления автора предстают перед нами в статьях о Гёте, Вильгельме Иордане и Конраде Фердинанде Мейере, в них автор показывает себя как апологет немецкой классики, человек живущий идеями Ницше и Шопенгауэра.

Сборник дополнен биографией, написанной Г.-К. Кальтенбруннером.

**УДК 13
ББК 87.1**

© А. М. Иванов,
перевод с немецкого, 2020

ISBN 978-5-9216-2344-6 © Издательство «Тотенбург», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	10
<i>Герд-Кlaus Кальтенбруннер</i> ЛЮДВИГ КЛАГЕС — КОНСЕРВАТОР КАК ПСИХОЛОГ, КОСМИСТ И ПРОРОК ГИБЕЛИ.....	11
ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ (1913).....	39
СОЗНАНИЕ И ЖИЗНЬ (1915).....	64
О ПОНЯТИИ ЛИЧНОСТИ (1916).....	78
ЗАМЕТКИ О ПРЕДЕЛАХ ЧЕЛОВЕКА ТИПА ГЁТЕ (1917)	97
ВИЛЬГЕЛЬМ ИОРДАН (1919).....	111
О СТИХОТВОРЕНИЯХ КОНРАДА ФЕРДИНАНДА МЕЙЕРА (1925).....	134
ПОЧЕМУ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНО ПОДНИМАТЬ ПОКРОВ СТАТУИ ИСИДЫ? ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО (1919).....	144
О СЕКСЕ И ЭРОСЕ	157
ОБ ОТНОШЕНИИ ВОСПИТАНИЯ К СУЩНОСТИ (1935)	167
О СОЗНАНИИ ВО СНЕ (1919).....	179
ПИСЬМО ОБ ЭТИКЕ (1918).....	225

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник статей Людвиг Клагеса¹ лучше, чем какая-либо другая публикация, дает представление о его творчестве. Несмотря на небольшой объем, он показывает и единство его метафизики, и многогранность ее тематических вариантов.

«Подобно тому, как блуждающий луч по-разному преломляется далеко отстоящими друг от друга отдельными материальными предметами, так и для искаженного зрения становится очевидным его характер и проявляется основная идея, согласно которой одарённое Духом человечество находится в конфликте с одушевленностью жизни на Земле, со всем, происходящим на ней», — писал Клагес в предисловии к первому изданию данного сборника.

По его словам, цель этой публикации, заключалась в том, чтобы «всем тем, кто в какой-то мере знаком с концепцией автора и кого пугают мрачные картины будущего, смысл которых автор несколько десятилетий тщетно пытался раскрыть своим современникам, в миг повышенной восприимчивости удалось вспомнить, что нет повода удивляться происшедшим за это время событиям у того, кто, не будучи введен в заблуждение “благословенной ложью” всемирной истории, обращает внимание только на ее действующие ежеминутно движущие силы. У него останется место для надежды, что после ужасов ев-

¹ О Людвиге Клагесе см. статью К. Г. Кальтенбруннера в настоящем издании. Все примечания, кроме особо оговоренных, сделаны редактором.

ропейской войны, тем или иным способом, люди хотя бы задумаются над тем, что сформулировал полтора года назад автор: “Цивилизация имеет черты разнузданной жажды убийств и полнота жизни на Земле засыхает от ее ядовитого дыхания”».

Данный сборник впервые вышел в 1920 году (Мюнхен, издатель Георг Мюллер). В него вошла статья, давшая названию сборнику, и статьи «Сознание и жизнь» (опубликовано в «Альгемейне Цайтунг», Мюнхен, 1915), «О понятии личности» (там же, 1916): «О пределах человека типа Гёте» (ранее не публиковалась) и «Вильгельм Иордан (ежемесячник «Ди Швайц», 1919). Статья, по которой назван сборник, впервые появилась в 1913 году в связи со слетом Свободной немецкой молодежи в Мейсене, но это не был, как часто думают, доклад, прочитанный Клагесом на этом слёте, — это была статья в юбилейном сборнике, изданном в связи с этим слётом.

Об изменениях, внесённых до выхода сборника, отборе и подборке статей я писал в моей биографии Клагеса.

Второе издание, без изменения содержания, но с новым предисловием вышло в 1927 году (Йена, издатель Ойген Дидерихс). Третье издание (там же) было дополнено статьями «Письмо об этике» (ранее не было опубликовано) и «О стихотворениях Конрада Фердинанда Мейера» («Дер Бюхервурм», 1925). Первые три статьи и «Письма об этике» были напечатаны вручную в количестве 150 экземпляров как 47-й выпуск издательства «Рупрехт Прессе» в 1930 году в Мюнхене. Четвертое и пятое издания, идентичные третьему, вышли в 1933 и 1937 годах (Йена, издатель Ойген Дидерихс).

В том же 1937 году первые две статьи с «Приложением» вышли под заголовком «Человек и жизнь» как 42-й том «Немецкой серии» (Йена, издатель Ойген Дидерихс), который был повторно издан в 1940 году.

В 1956 году вышел последний вариант этого сборника статей (Штутгарт, издатель Альфред Крёнер) как 242-й том карманной серии того же издательства. Число статей увеличилось до десяти. Две новые статьи «Почему смертельно опасно поднимать покров статуи Исиды?» и «О сексе и Эросе» являются самостоятельными частями работы «О космогоническом Эросе» (Мюнхен, 1922, издатель Георг Мюллер, 7-е издание — Бонн, 1968, издатель Бувье)². Статью «Об этике» Клагес тогда убрал, опасаясь, что в государстве, которым правит ХДС³, это может стать предлогом для запрещения всего сборника. По моему совету, Клагес предложил в качестве замены статью «Об отношении воспитания к сущности человека» («Дер дойче Фолькэрциер», 1935). Статья «О сознании во сне» — первая часть запланированного в трех частях, но оставшегося фрагментом исследования, которое опубликовал в 1914 и 1919 гг. «Цайтшрифт фюр Патопсихологи». Для библиофилов книготорговая фирма Курт Заукке и Ко, Гамбург, издала этот сборник в 1952 году в честь 80-летия Клагеса.

Большая актуальность статьи «Человек и Земля» в связи с растущей угрозой окружающей среде привела в ее переизданию в «Верланд-Мит-

² Эта работа была издана нашим издательством см.: Клагес Л. Космогония Эроса. М.: «Тотенбург», 2018.

³ ХДС — Христианско-демократический союз Германии (Christlich Demokratische Union Deutschlands — CDU) — политическая партия, в идеологии которой сочетаются христианская демократия и консервативный либерализм. Образован в 1945 г.

тайлунген» (июнь-июль 1965) и в журнале «Шауен унд Бильдер» (март 1971).

Я ничуть не колебался, снова включив в этот сборник «Письмо об этике», которое кажется мне важным. В остальном последнее издание осталось тем же. Это была последняя книга, над новым изданием которой Клагес работал незадолго до своей смерти. Пусть это новое издание будет завещанием этого мыслителя современникам!

*Ганс Эггерт Шрёдер.
Марбах, ноябрь 1972 г.*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Наши статьи это пояснительный текст к величайшей из всех трагедий. Тот, кто еще не знает о ней, потому что лично не принимал в ней участия, не поверит, что о ней можно узнать из заметок на полях, для этого нужны многотомные труды. Мы обращаемся к тем, для кого жизнь глубже и таинственней и не сводится к человеческим пошлостям и целям, мы обращаемся ко всем любящим, а не к тем безучастным, которые, стоя в сторонке, считают себя в безопасности и выносят надлежащие приговоры. И мы хотели бы, чтобы эту нашу работу читали лишь те читатели, которые воспримут её всем сердцем и будут достаточно сильными для того, чтобы не поддаваться обману, слыша голос Души.

ЛЮДВИГ КЛАГЕС — КОНСЕРВАТОР КАК ПСИХОЛОГ, КОСМИСТ И ПРОРОК ГИБЕЛИ⁴

I. Нелегко определить своё отношение к Людвигу Клагесу, столетие со дня рождения которого отметили 10 декабря 1972 года. Тот, кто попытается это сделать, быстро обнаружит, что этот философ, подобно Хайдеггеру⁵, почти всегда вызывал либо восторженные похвалы, либо полное отрицание, и только иногда — критический разбор. Сектантской общине его учеников, мужчин и женщин, своего рода «церкви Клагеса», которая видит в произведениях своего учителя Откровение и панацею, противостоит гораздо более многочисленная группа его современников, которые находят у Клагеса лишь грубый иррационализм и фашизоидную пироманию. Правда, следует отметить, что многие из этих критиков Клагеса не читали.

Несколько цитат показывают, сколь спорной фигурой был и остаётся Клагес. Эрнст Блох⁶ пишет: «То,

⁴ См.: Kaltenbrunner Gerd-Klaus Der schwierige Konservatismus. Nikolas, 1975. S. 247. — *Прим. перев.*

⁵ Хайдеггер Мартин (1889–1976) — видный немецкий философ-идеалист.

⁶ Блох Эрнст (1885–1977) — известный немецкий философ и социолог, придерживался социалистических взглядов. Профессор Лейпцигского университета, член академии наук Германии.

о чём профессора говорили как о т. н. “красоте природы”, увлекает Клагеса целиком... он проповедует Ницше⁷ в обрамлении зимних выюг и лунного света... Человек для него лишь тогда бывает цельным, когда он неистовствует... Мы снова находим у него “вселенские флюиды” Месмера⁸, но без целительной силы, только как эстетика; “сидерическую бурю” Парацельса⁹, но с фашистской, а не с медицинской практикой». В другом месте Блох называет Клагеса «философствующим Тарзаном» и ставит его в один ряд с «фашистом Юнгом»¹⁰ и «сентиментальным поэтом пениса Дэвидом Гербертом Лоуренсом»¹¹.

Противоположного мнения придерживался Вильгельм Шюрер: «Знакомство с произведениями Клагеса дарует человеку глубокое чувство счастья благодаря воссоединению с силами вселенской жизни — это его омолаживает... Страх перед жизнью исчезает, человек чувствует, что он лишь искра космической жизни, заключённой в его теле... Дело жизни Клагеса — кладёзь премудрости, взгляд на мир поверх всех явлений человеческого и внечеловеческого мира».

⁷ Ницше Фридрих Вильгельм (1844–1900) — видный немецкий философ и филолог. Работы Ницше пользовались большой популярностью в правом и консервативном политических лагерях Германии и оказали важное влияние на идеологию национал-социализма.

⁸ Месмер Франц Антон (1734–1815) — немецкий врач и целитель, доктор медицины, родоначальник «животного магнетизма» (месмеризма).

⁹ Парацельс — Гогенгайм Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон (1493–1541) — выдающийся швейцарский алхимик, врач, философ, один из основателей современной науки.

¹⁰ Юнг Карл Густав (1875–1961) — известный швейцарский психиатр и педагог. Основоположник аналитической психологии, автор типологии Юнга.

¹¹ Лоуренс Дэвид Герберт (1885–1935) — видный английский писатель, поэт и драматург. В своих произведениях проповедовал сексуальность. Автор знаменитого романа «Любовник леди Чаттерлей».

Макс Бензе¹² в 1937 году сказал о Клагесе так: «Без его сентиментальных нюансов, которые недовольство маленького человека превратили в метафизическое духовное недовольство, Клагес не мог бы стать популярным... Устремления глубокой души заканчиваются учебником графологии, который поможет любому банкиру не брать на работу ненадёжного кассира». Бензе с неодобрением называет Клагеса «почитателем равенства под влиянием наркотиков».

Юрген Хабермас¹³ писал в 1956 году в некрологе, что важно сравнить «науку о проявлениях» Клагеса с феноменологией Гуссерля¹⁴: «У Клагеса есть много связанных с этим наблюдений, особенно в области антропологии и философии языка: может быть, они несвоевременны, но как и в случае с Ницше — их не надо превзойти, до них надо ещё дорасти».

Философствующий Тарзан и кладёзь премудрости, сентиментальный мракобес и мыслитель, до которого надо ещё дорасти — это лишь немногие примеры из более чем 2000 высказываний о Клагесе, которые собрал Ганс Касдорф¹⁵ в своей книге «Людвиг Клагес. Творчество и влияние» (1969). Понимание станет ещё более трудным, если мы добавим к этому оценки, имеющие политическую и идеологическую окраску.

¹² Бензе Макс (1910–1990) — немецкий философ, профессор в Йенском университете. Автор теории симиотической эстетики.

¹³ Хабермас Юрген (1929) — немецкий социолог и философ, профессор Франкфуртского университета. Теоретик концепций коммуникативного действия и этики дискурса.

¹⁴ Гуссерль Эдмунд Густав Альбрехт (1859–1938) — крупнейший немецкий философ-идеалист, родоначальник феноменологии.

¹⁵ Касдорф Ганс (1928–2011) — немецкий мыслитель, автор ряда книг по теологии.

Георг Лукач¹⁶ в своей инквизиторской книге «Разрушение разума» причисляет Клагеса к непосредственным предшественникам национал-социалистического мировоззрения Гитлера¹⁷ и Розенберга¹⁸. Я сам несколько лет разделял эту оценку Лукача, но после ознакомления с ранее неизвестными мне источниками эпохи Третьего рейха, я уже не могу повторять подобные утверждения без оговорок.

Нацистский идеолог А. Розенберг в 1938 году подверг Клагеса публичной критике, а в связи с 70-летием философа «Фёлькишер Беобахтер», центральный орган НСДАП, заявил: «Во всех решающих мировоззренческих вопросах не может быть никакого компромисса между нашим мировоззрением и мировоззрением Клагеса». Однако автор, на которого резко нападали нацисты, и в старости допускал однозначно антисемитские высказывания, которые клагезианцы после 1945 года стыдливо замалчивают.

Прежде чем вернуться к этому аспекту его деятельности, приведём ряд биографических сведений, которые помогут хотя бы частично объяснить многообразие и противоречивость мнений о Клагесе.

II. Людвиг Клагес родился в семье торговца текстилем 10 декабря 1872 года в Ганновере. Таким образом, он принадлежит к поколению Рильке¹⁹,

¹⁶ Лукач Георг (Лукач Дьёрдь) — настоящее имя и фамилия Дьёрдь Бернат Лёвингер (1885–1971) — венгерский философ и литературный критик. Один из теоретиков западного марксизма и неомарксизма. Член Венгерской коммунистической партии. В 1929–1945 гг. проживал в СССР.

¹⁷ Гитлер Адольф (1889–1945) — немецкий политик, глава Национал-социалистической рабочей партии Германии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei — NSDAP), рейхсканцлер Германии (1933–1945).

¹⁸ Розенберг Альфред Эрнст (1893–1946) — немецкий политик, один из главных идеологов национал-социализма.

¹⁹ Рильке Рене Карл Вильгельм Иоганн Йозеф Мария (1875–1926) — австрийский поэт-модернист.

Стефана Георге²⁰ и Альфреда Момберта²¹, Марселя Пруста²², Томаса Манна²³ и Поля Валери²⁴, а также Ленина²⁵ и Троцкого²⁶. Ещё школьником и студентом он подружился с Теодором Лессингом²⁷, который был старше его на год.

Лессинг, будущий автор, вызвавших спор книг «История как придание смысла бессмыслице» и «Духовная жизнь Земли», а также антигинденбургского памфлета, был евреем. В повседневном общении вплоть до университетских лет возникли те интуитивные догадки, которые оказали решающее влияние на идеи Лессинга и Клагеса. Можно предположить, что в этой дружбе с самого начала была какая-то напряжённость, что в конечном счёте сделало неизбежным разрыв. Семья Клагеса не была свободна от антисемитских предрассудков. Для неё

²⁰ Георг Стефан Антон (1868–1933) — выдающийся немецкий поэт-символист и переводчик. Был популярен в националистических кругах, но от сотрудничества с НСДАП отказался.

²¹ Момберт Альфред (1872–1942) — немецкий поэт-лирик. Отказался покидать Германию из-за еврейского происхождения, был помещен в концентрационный лагерь. После освобождения проживал в Швейцарии.

²² Пруст Валентен Луи Жорж Эжен Марсель (1871–1922) — знаменитый французский писатель-модернист, лауреат Гонкуровской премии.

²³ Манн Пауль Томас (1875–1955) — известный немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, противник национал-социалистического режима.

²⁴ Валери Амбруаз Поль Туссен Жюль (1871–1945) — французский философ, писатель, поэт-модернист. Член Французской академии наук.

²⁵ Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) — российский революционер, один из лидеров партии большевиков и Октябрьской революции, первый глава советского государства. Один из идеологов марксизма.

²⁶ Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович (1879–1940) — российский революционер, государственный и политический деятель Советской России. После смерти В. И. Ленина возглавил левую оппозицию. Идеолог троцкизма.

²⁷ Лессинг Теодор (1872–1933) — немецкий философ и публицист, противник национал-социализма, бежал из Германии в 1933 г. Убит в Чехословакии. В ряде вопросов Лессинг и Клагес имели схожие взгляды.

светловолосый, болезненный, мечтательный и предрасположенный к сомнамбулизму Людвиг был глупым, простосердечным Парсифалем, который рисковал подпасть под разлагающее влияние еврейской духовности. Клагес, читавший запоем, обладал телепатическими способностями и с помощью магических опытов мог вводить себя в состояние транса, и еще в юности верил, что рождён стать поэтом. Уже в школьные годы он писал драмы, лирические стихи и прозу. Учась в гимназии, он считал христианизацию германцев роковым событием в мировой истории.

Но сильнее, чем товарищи по играм, друзья и родительский дом, на юного Клагеса влиял ландшафт Нижней Саксонии — пустоши, море и облака. Правда, какое-то время он разделял буржуазную веру в прогресс — веру своего века. Радикальный позитивист Евгений Дюринг²⁸, которого помнят сегодня лишь благодаря «Анти-Дюрингу» Энгельса²⁹, оказал на него столь сильное влияние, что он пытался философствовать в позитивистско-механистическом духе. Когда ему исполнился 21 год, он приехал в Мюнхен, чтобы изучать химию.

Следует отметить, что Клагес получил прекрасное естественнонаучное образование. Он слушал в Лейпциге лекции Оствальда³⁰, основателя физической химии, а в Мюнхене получил учёную степень за экспе-

²⁸ Дюринг Карл Евгений (1833–1921) — немецкий философ, экономист и правовед. Был популярен среди немецких социал-демократов. Один из сторонников теории насилия в отношении происхождения государств.

²⁹ Энгельс Фридрих (1820–1895) — немецкий философ и политический деятель, один из главных идеологов марксизма, ближайший сподвижник Карла Маркса.

³⁰ Оствальд Вильгельм (1853–1932) — русско-немецкий химик и философ, лауреат Нобелевской премии. Преподавал в Дерптском и Лейпцигском университетах.

риментальную работу по химии («Опыт синтеза ментона»). Только после нескольких лет изучения естественных наук Клагес обратился к психологии и затем к метафизике. Таким образом, он стал философом, вопреки традиции идеалистической университетской философии, что было редким случаем для Германии.

Если не считать лекций психолога Теодора Липпса³¹, Клагес в молодые годы избегал академических учреждений. Импульсы, определившие всю его дальнейшую жизнь, он получил от тех групп и одиночек, богемы, денди и эзотериков, которые вошли в историю культуры под названием «Швабинг». Оглядываясь на свой путь становления как мыслителя, Клагес назвал мюнхенский квартал Швабинг конца XIX века «мировым предместьем»: «Здесь и только здесь был брошен жребий; тридцатилетняя война 1914–1945 годов была лишь его исполнением».

Даже если видеть в этом высказывании долю ретроспективной мистификации, оно содержит в себе зерно истины. Накануне Первой мировой войны в Швабинге жили, с одной стороны, Гитлер, Дитрих Эккарт³², Гесс³³ и Розенберг, а с другой — Ленин и Парвус-Гельфанд³⁴, который в 1917 году устроил отъезд Ленина в Россию, чреватый роковыми последст-

³¹ Липпс Теодор (1851–1914) — немецкий философ и психолог. Автор теории психологической эстетики.

³² Эккарт Дитрих (1868–1923) — немецкий журналист и драматург широко известный в националистических кругах. Сочувствовал национал-социализму, способствовал возвышению А. Гитлера.

³³ Гесс Рудольф Вальтер Рихард (1894–1987) — государственный и политический деятель Третьего рейха, ближайший соратник и заместитель А. Гитлера.

³⁴ Гельфанд Израиль Лазаревич (Парвус Александр Львович, 1867–1924) — известный деятель российской и германской социал-демократии, стоявший у истоков революции в России. Публицист и теоретик марксизма.

виями. Клагес приехал в Мюнхен, когда там менялся духовный климат и центр культурной жизни переместился из классических дворцов Виттельсбахов³⁵ в мансарды и кафе тогда ещё деревенского предместья Швабинг. Это был выбор студентов, литераторов и реформаторов жизни, мистиков-неоромантиков, дилетантов-философов и маргиналов.

Так же, как и во времена мюнхенского романтизма, когда в городе на Изаре подвизались, главным образом, не баварцы — Шеллинг³⁶, фон Гёррес³⁷, Лазо³⁸, Корнелиус³⁹, Швинд⁴⁰, Кленце⁴¹, так и теперь приезжие создали в Швабинге блестящую контркультуру. Здесь Клагес встретил поэта Стефана Георге, графолога и лирика Ганса Хинриха Буссе⁴², искусствоведа Карла Вольфскеля⁴³, эксцентричную графиню Фанни фон Ревентлов⁴⁴ и гностика Альфреда Шулера⁴⁵. Последний принадлежит к числу са-

³⁵ Виттельсбахи — с конца XII в. и до 1918 г. правящая династия в Баварии, герцоги, с 1806 г. короли.

³⁶ Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854) — немецкий философ, представитель классической немецкой школы.

³⁷ Гёррес Йохан Йозеф фон (1776–1848) — немецкий натурфилософ и публицист, защитник личной свободы и борец против прусской реакции, оказал влияние на русскую философскую мысль XIX в.

³⁸ Лазо Эрих — немецкий философ-теолог.

³⁹ Корнелиус Петер Йозеф фон (1783–1867) — немецкий художник-портретист, первый директор Дюссельдорфской академии художеств.

⁴⁰ Швинд Мориц фон (1807–1871) — австрийский художник и график.

⁴¹ Кленце Лео фон (1784–1864) — немецкий художник и архитектор, представитель неоклассицизма, основатель стиля неогрек.

⁴² Буссе Иоган Генрих (1763–1835) — прусский пастор, библиотекарь, почетный член Петербургской академии наук.

⁴³ Вольфскель Карл Йозеф (1869–1948) — немецкий писатель, драматург, переводчик еврейского происхождения, вместе с Л. Клагесом входил в мюнхенский кружок «Космикер».

⁴⁴ Ревентлов Фанни Лиана Вильгельмина София Августа цу (1871–1918) — немецкая графиня, писательница, переводчица и художница.

⁴⁵ Шулер Альфред (1865–1923) — немецкий оккультист, гностик, писатель, входил в мюнхенский кружок «Космикер».

мых значительных фигур новейшей духовной истории Германии. Хотя Шулер за всю свою жизнь не опубликовал ни строчки, кроме ранней статьи о драме Ибсена⁴⁶ «Строитель Сольнес», многие его мистические идеи повлияли на столь разных людей, как Вальтер Беньямин⁴⁷, Рильке и Альфред Кубин⁴⁸. В интеллектуальной биографии Клагеса Шулер, умерший в 1923 году, играл примерно такую же роль, как Сократ в духовном развитии Платона.

«В лице Шулера мы встретили беспримерное среди наших современников и крайне редкое даже в мировой истории явление — совершенно несомненный возврат, ранее уже жившего свидетеля жизни или, выражаясь более символическим языком, новое воплощение неугасимых искр далёкого прошлого».

Под впечатлением от этого человека, который сам считал себя реинкарнацией римлянина времён империи, Клагес пришёл к вере в реальность мифических сил. В мюнхенский период он углубился в изучение трудов базельского исследователя мифов Иоганна Якоба Бахофена⁴⁹. В 1896 году он основал с двумя друзьями «Немецкое графологическое общество», а с 1900 по 1908 год был редактором «Графологического ежемесячника».

Таким образом, к тридцати годам Клагес оказался между трезвым анализом достижений естественных наук, а позже психологии и экстатическим

⁴⁶ Ибсен Генрик Юхан (1828–1906) — выдающийся норвежский драматург, писатель, публицист, основатель европейской новой драмы.

⁴⁷ Беньямин Вальтер (1892–1940) — немецкий философ, переводчик, литературный критик, теоретик культуры.

⁴⁸ Кубин Альфред Леопольд Изидор (1877–1959) — австрийский писатель, художник-иллюстратор.

⁴⁹ Бахофен Иоганн Якоб (1815–1887) — швейцарский этнограф, религиовед, один из главных исследователей первобытного общества.

погружением в архаичные миры мифов, символов и матриархата. Клагес как эксперт-графолог работал на разные фирмы, а как экстрасенс рассматривал доисторические духовные картины, которые открыли перед ним встреча с А. Шулером и лекции Бахофена. Здесь следует добавить, что этот автор гимнов опьянению и мечте с юности страдал бессонницей. Всю свою жизнь он отвергал предложения университетов, читал только лекции по приглашению и делал доклады в частных обществах. В 1905 году Клагес организовал в Мюнхене семинар для изучения способов выражения чувств, который к началу Первой мировой войны стал чем то вроде университетского филиала.

В 1915 году этот психолог, который остался в стороне от всеобщего военного энтузиазма своих соотечественников, переселился в Швейцарию. Сменив несколько квартир, он жил с 1920 по 1928 год на вилле умершего поэта Конрада Фердинанда Мейера⁵⁰ в Кильхберге, а позже в другом доме в том же предместье Цюриха. Здесь были написаны его книги «О космогоническом Эросе»⁵¹ (1922), «Психологические достижения Ницше» (1924), «Гёте как психолог» (1932), «О сущности ритма» (1934), «Происхождение психологии» (1942), «Язык как источник психологии» (1948) и много других, но, прежде всего его главный трёхтомный метафизический труд «Дух как противник Души» (1929–1932). Кроме того, он издал в 1940 году «Отрывки и доклады» А. Шулера и в 1944 году — том «Ритмы и Руны», собрание своих стихов, эссе и афоризмов, написанных с 1889 по 1905 год.

⁵⁰ Мейер Конрад Фердинанд (1825–1898) — известный швейцарский мастер исторической новеллы, поэт-гуманист.

⁵¹ В нашей редакции см.: Клагес Л. Космогония Эроса. М.: «Тотенбург», 2018.

В 1933 году многим приверженцам Клагеса могло показаться, что пробил великий час одинокого мыслителя из Кильхберга. Многочисленная аудитория, слушавшая тогда его лекции об основах характерологии и об антагонизме Духа и Души, которые он прочёл по приглашению в Берлинском университете, как будто делали эти ожидания обоснованными. Когда гитлеровские палачи убили бежавшего в Мариенбад Теодора Лессинга — это преступление так и осталось безнаказанным — Клагес инсценировал в столице Третьего рейха, по словам одного из слушателей, «сожжение трёхтысячелетних заблуждений, сведение счетов с силами, которые сознательно вели человечество и его планету к душевной гибели... Радостно и зажигательно прозвучал призыв отплыть к новым и всё же старым берегам, и — будучи двуликими, как Янус и как сама жизнь показать, устрашая врагов, гневный гений немцев».

Теперь мы коснемся уже затронутой нами темы отношения Клагеса к национал-социализму. При этом необходимо отметить ряд фактов:

1) Сохранились ранние высказывания Клагеса о Гитлере и его окружении, которые свидетельствуют об отсутствии у него симпатий к немецкому фашизму. «Низкая натура» (1923), «разоруженный фельдмаршал» (о Людендорфе⁵², 1930). «Я настроен более пессимистически, чем когда-либо» (сразу же после прихода Гитлера к власти в 1933).

2) Клагес, который продолжал жить в Швейцарии, никогда не был членом НСДАП или Имперской палаты писателей и не имел связей с руководящими членами партии.

⁵² Людендорф Эрх Фридрих Вильгельм (1865–1937) — немецкий военачальник, генерал пехоты, автор концепции тотальной войны.

3) В 1933 году при Имперском союзе «Народ и Родина» сложился Рабочий кружок биоцентрических исследований, который первоначально возбудил надежды на связь философии Клагеса с национал-социалистической культурной революцией. Но уже в 1935 году в газете «Эрцтеблатт фюр Байерн» появилась статья, в которой Клагеса хвалили, но и критиковали, поскольку он неверно понимает задачи, поставленные фюрером. «Если бы он писал популярно и понятно для среднего читателя, его книги, вероятно, следовало бы запретить в Третьем рейхе по политическим причинам».

Годом позже созданные для Клагеса биоцентрические рабочие курсы были закрыты Гестапо⁵³. В 1938 году нацистский начальник отдела образования одного из гау⁵⁴ назвал приверженцев Клагеса «“бандой”, по которой концлагерь плачет», хотя отправлять их туда в данный момент нецелесообразно. В том же 1938 году начальник отдела печати гау Франкфурт дал указание не печатать работы клаге-зианцев, независимо от их содержания. После про-изнесённой в том же году в университете Галле критической речи Розенберга, в печати Третьего рейха началась целенаправленная кампания против Клагеса, в которой принял участие и центральный орган партии «Фёлькишер Беобахтер». Имя Клагеса после 1935 года было вычеркнуто из «Календаря немецких учёных» Кюршнера⁵⁵, а в день 70-летия Клагеса, 10 декабря 1942 г., «Фёлькишер Беобахтер» напеча-

⁵³ Гестапо — тайная государственная полиция (Geheime Staatspolizei — Gestapo).

⁵⁴ Гау (нем.) — территориальный округ в Третьем рейхе.

⁵⁵ Кюршнер Йозеф (1853–1902) — немецкий издатель, редактор, учредитель немецкого общества библиофилов. Составитель ряда энциклопедических и биографических изданий.

тал статью, в которой говорилось: «Его представления о природе и истории, о человеке и его будущем принципиально несовместимы с основными тезисами национал-социализма».

4) Клагес и после своего разрыва с Т. Лессингом в 1899 году продолжал дружить с еврейскими учёными, в частности, с выходцем из Венгрии натурфилософом Мельхиором Паладьи⁵⁶, которого Клагес цитировал чаще, чем прочих современников. После 1933 года он энергично старался опубликовать в одном немецком издательстве книгу еврея-медика Фридриха Ротшильда⁵⁷ «Символика строения головного мозга».

Несмотря на всё это, книги самого Клагеса продолжали беспрепятственно печататься в немецких издательствах на протяжении всех 12 лет существования Третьего рейха. В двух публикациях той эпохи, хотя и без прямых ссылок на Гитлера и национал-социалистическую идеологию, он допустил высказывания, которые даже при самом благожелательном отношении к этому философу иначе как антисемитскими назвать нельзя. В 1940 году он написал введение к посмертному изданию сочинений Шулера. В нём поэтически описана мюнхенская атмосфера 1900 года, но содержатся и разные выпады против «Иуды», т. е. иудеев. Они, по мнению Клагеса, один из *«враждебных жизни центров власти»*⁵⁸, а христианство — *«только одно из их орудий»*. Уже полторы тысячи лет, «но последние 250 лет точно

⁵⁶ Паладьи Мельхиор (1859–1924) — венгерский философ, проживал в Германии.

⁵⁷ Ротшильд Фридрих Соломон (1899–1995) — немецкий врач-психиатр еврейского происхождения, один из основателей биосемиотики.

⁵⁸ Здесь и далее курсив автора. — *Прим. ред.*

нет ни одной секты... которая не служила бы иудейским планам порабощения человечества».

В этой связи Клагес упоминал также теории Эйнштейна⁵⁹ и Фрейда⁶⁰, равно как и Кружок Стефана Георге. Карла Вольфскеля он называл «сионистским внедренцем».

Подобные цитаты многие приверженцы Клагеса хотели бы сегодня замолчать или смягчить. Но это писалось в то время, когда евреи, полностью лишённые прав, умирали в газовых камерах. Это знали те швейцарцы, которые после окончания Второй мировой войны требовали высылки Клагеса из их страны. Но разведывательный отдел полицейского управления Цюриха решил 16 июля 1946 года, что для такой меры нет оснований.

Клагес умер 29 июля 1956 года в Кильхберге. Тихо, как он и хотел, он был похоронен два дня спустя на местном кладбище, недалеко от могил Конрада Фердинанда Мейера и Томаса Манна⁶¹.

III. Встаёт вопрос, не страдал ли автор выше процитированных высказываний манией преследования? Возможно, это бы объяснило и мотивы философии Клагеса? Для этого необходимо, хотя и в сильно сокращённом виде, изложить основные темы этой философии.

Основа всей метафизики Клагеса — тезис о враждебности Духа Жизни. Мировая история нача-

⁵⁹ Эйнштейн Альфред (1879–1955) — выдающийся немецкий физик, основатель современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике.

⁶⁰ Фрейд Зигмунд Шломо (1856–1939) — выдающийся австрийский психолог, основатель психоанализа, оказал значительное влияние на развитие медицины, социологии, психологии и др. наук.

⁶¹ Манн Томас (1875–1955) — немецкий писатель-антифашист, лауреат Нобелевской премии по литературе.

лась с необъяснимого покушения: вампирического вторжения Духа в изначальную полярную реальность души и жизни. Глубокая пропасть разделяет переживание и сознание, Биос и Логос. Дух это не часть Души и не её вершина, а её радикальный противник. Правда, под духом Клагес понимает не столько способность мыслить, сколько, прежде всего, *волю*, точнее, ориентацию человеческой воли на покорение природы в союзе с чисто технически-инструментальным разумом. Снова и снова говорит философ о проявляющем себя, прежде всего, как воля, «Логосе, который объявил войну Миру». Воля не стимулирует жизнь и не движет ею, она её тормозит, ограничивает и в конечном счёте убивает. «Воля это всё новое и новое убийство жизни, и её символ — самоубийство». За каждым теоретическим интересом стоит *желание* познать.

Клагес критикует научно-техническое покорение природы, которым ознаменовалась новая история Европы. Оно «в очень малой степени доказывает истинность тех принципов, на которые опирается». Оно искажает и овеществляет изначальную органически-полярную, структурированную «реальность образов», которая находится в постоянном изменении, как учил Гераклит⁶². Оно приводит к тому, что созерцательная, чувствующая, готовая к восприятиям, связанная с Космосом душа начинает чахнуть. Вследствие этого мы воспринимаем уже не столько саму реальность, сколько её причинно-связанные отражения в категориях вещей и их свойств.

Клагес пытался восстановить трансцендентальный генезис различных функций индивидуаль-

⁶² Гераклит Эфесский (ок. 544 г. до н. э. — ок. 483 г. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель диалектики.

ного сознания и биологические основы переживания, восприятия и созерцания. Он пытался проследить вплоть до доисторических предпосылок процесс овеществления реальности, постоянно усиливающийся в наше время, и обозначить его важнейшие этапы. У Клагеса неразделимо сплетаются психология, теория познания, онтология, философия истории и позднеромантическая поэзия.

В глубокой древности произошла катастрофа — Дух вторгся в живую, одушевлённую реальность, вследствие чего тело становится всё более бездушным, душа — всё более бесплотной, а жизнь вообще уничтожается. Разные этапы этого процесса нашли своё отражение в мифах.

Прометей олицетворяет пробуждение сознания на том этапе, когда человечество ещё сохраняло связь с землёй и с жизнью. *Геракл* — подчинение наполненной до этого космогоническим Эросом природы «деятельному духу», а *Яхве*, имя бога евреев, знак окончательной победы враждебного жизни начала. «Но высоко в зените, всасывая в себя всё, неподвижно стоит бесцветная точка — антисердце мира, Логос».

Так Клагес уже в 1902 году описывал третий этап подчинения мира Духу. Вслед за Ницше, «волю к власти» которого он решительно отвергал, Клагес заявлял: «Историческое христианство это паулинизм, а паулинизм это особая форма яхвизма». Не естественные науки нового времени, а уже возникшее из иудейской религии христианство начало тот глобальный процесс секуляризации, жертвой которого стал почти целиком наполненный мифами и символами «пеласгический» мир бессознательного созерцания и стихийного действия. *Просвещение*,

эмпирически-рациональные *естественные науки* и технически-промышленное покорение природы уходят своими корнями в христианское, *монотеистическое* расколдовывание, десакрализацию природы, с которой до того общались средствами магии. Само христианство это уже «демифологизация», «секуляризация» и «Просвещение».

Та энергия, которую в Средние века аскеты-флагелланты обращали вовнутрь, на воспринимавшийся ими как демонический мир инстинктов и чувств, со времён Ренессанса всё больше обращалась на внешний мир. «После того как в результате “дисциплинирования” души окончательно установилось господство воли, открылся путь наружу. Святого сменил властелин, подвижника послушания — подвижник труда и уход от мира для борьбы со своими внутренними страстями превратился в войну против мира, оружием и боеприпасами которого стали научные исследования и прогнозы».

Мировая история это история всё большей профанации природы. В своей ненависти ко всему живому, чудесному, к образам Логос безжалостно расчленяет, овеществляет и расколдовывает всю природу в той мере, в какой может ею овладеть. И подобно тому, как он насилует дионисийски-эротические потенции Космоса, так же поступает и его агент, носитель и исполнитель этого болезненного процесса — человек, который подчиняет себе Землю. Но то, что человек делает с Землёй, он делает и с самим собой. Когда природа для него лишь сырьё, а планета Земля превращается в кормящийся от сельского хозяйства Чикаго, он сам превращается в паразитического робота, убивает в себе самом всё, что выходит за рамки технической рациональности и

целесообразности: дар экстатического созерцания, чувство связи со Вселенной, способность к магии, праздникам, оргиям и любви, понимание мифов, символов и искусства. Современная, порождённая христианством технико-индустриальная цивилизация антипразднична, антиэротична и антикосмична.

Капитализм это практическое христианство. Распространённая им по всему миру техника это современное воплощение Логоса: в ней он возвращается к самому себе, его режим становится абсолютно враждебным Вселенной.

Клагес пишет: «Деятельная воля, которая с начала т. н. нового времени беззастенчиво поработает силы природы, опустошает лик планеты и истощает само человечество в непрерывной “конкурентной” борьбе, готовилась в дисциплинах средневекового монашества, тысячу лет умирившего кровь. Тот, кто хочет знать все промежуточные этапы, которые прошла воля, прежде чем заставила жизнь целиком подчиниться господству Духа, пусть изучит страшную историю христианской “мистики”, которую описал нам после основательного изучения источников Гёррес в своём пятитомном труде “Христианская мистика”, с которым по великолепию и глубине во всей католической литературе может сравниться только поэзия Данте. Тогда он узнает, что мнимые “свобода”, “просвещение” и “идолопоклонство разуму” нового времени являются просто высвобождением пути *наружу*, после того как воля, в основном, завершила свою жестокую обработку *души* человека, и для него не будет удивительным, что Средневековье завершилось такими двумя изобретениями, как книгопечатание и огнестрельное оружие».

«Если Дух внедрен в жизнь Волей, а Воля — непримиримый противник жизни, то с точки зрения ещё связанного корнями с жизнью, но подпавшего под власть Духа человека обращение к Духу это уход от жизни, а для него как личности это самопреодоление, отказ от самого себя и в конечном счёте — самоубийство, а путь к этому — постоянное упражнение в самобичевании и самоотречении. Христианство, пока оно было воинствующим, в своей практике и теории было возведённой в систему борьбой с “искушениями плоти”, а триумф, к которому оно стремилось, полное подчинение жизни — и в человеке, конечно, — власти господина, т. е. воли... Самыми главными для него были упражнения в повиновении, притом безоговорочном».

Символическим подтверждением этих взглядов Клагеса служит то, что первое испытание атомной бомбы проходило под кодовым названием христианской Троицы — «Тринити», а американская программа космических полётов носила имя Аполлона, враждебного материнству бога-духа, а её конечной целью была высадка на Луне, в которой мифы видели женщину.

Каков мог быть, по Клагесу, конец этого процесса упадка земной жизни? Его ответ был апокалиптически мрачным. Подобно апокалиптикам поздней античности, таким как автор 4-й книги Ездры⁶³, Элиан⁶⁴, Мефодий Олимпийский⁶⁵, Папий Иерополь-

⁶³ Ездра (V в. до н. э.) — иудейский священник, основоположник раввинистического иудаизма.

⁶⁴ Элиан Клавдий (ок. 170–ок. 222) — древнеримский философ и писатель, представитель второй софистики.

⁶⁵ Мефодий Олимпийский (Патарский) (ок. 260–312) — христианский богослов, священномученик, почитается Православной и Католической церквями.

ский⁶⁶, Коммодиан⁶⁷ и Киприан Карфагенский⁶⁸, но без их надежд на тысячелетнее Царство Божие, Клагес предрекал: «*mundus iam senescit*» — мир состарился. Целиком превращённая в объект, рассчитанная и сделанная пригодной к использованию природы скоро не будет давать духу ни одной точки опоры, ибо, несмотря на всю свою сатанинскую силу, Дух зависит от того, с чем воюет: покончив с жизнью, он не сможет больше действовать.

Клагес говорит: «Постисторическое человечество» у дверей, «уже близок тот день, когда лишённая питающего душу материала закончится и интермедия “мыслящего разума” и начнётся последний акт постисторической эры уже не людей, а автоматов». Отдающее манией величия громкое название «мировая история» это лишь короткий «перерыв космического процесса», который скоро закончится. «Нам кажется, что саморасчленение осуществляется столь сильными ударами, что трудно угадать, появится ли раньше человек как бессознательная машина или земной шар останется без людей», что будет раньше «гибель всего или автоматизация всего».

Клагес делал такие заявления задолго до Первой мировой войны, за десятилетия до возникновения тоталитарных диктатур, применения атомной бомбы и ставшего международной проблемой кризиса окружающей среды. Уже в 1903 году он писал Фридриху Гундольфу⁶⁹, любимому ученику Георге:

⁶⁶ Папий Иеропольский (ок. 70–155) — епископ Иераполя, святой, апостольский муж.

⁶⁷ Коммодиан Газский (III в.) — латинский христианский поэт и проповедник.

⁶⁸ Киприан Карфагенский (?–258) — епископ Карфагенский, латинский богослов, святой.

⁶⁹ Гундольфингер (Гундольф) Фридрих Леопольд (1880–1931) — немецкий поэт, литературовед, автор фундаментального труда про Гёте.

«Человечество с каждым днём всё больше вырождается». Оно похоже на «плесень на загнивающей коре земного шара». В 1905 году он был уверен в том, что «предстоят самые ужасные события, одно разрушение будет следовать за другим, и никакая человеческая сила не сможет предотвратить беду». В 1913 году он поставил диагноз: «Человечество охватила не имеющая себе равных оргия опустошения, “цивилизация” приобретает черты необузданной жажды убийств, и Земля засыхает от её ядовитых испарений... Разорваны связи между человеческими творениями и Землей, замолкла навеки, если не навсегда, древняя песнь ландшафта... Мы не ошибёмся, подозревая, что “прогресс” это лишь пустые прихоти силы, методы который ведут к безумию разрушения. Под предлогами “пользы”, “экономического развития”, “культуры” в действительности уничтожается жизнь.словно всепожирающий огонь проносятся по Земле, и там, где он выжжет всё, ничего не будет расти, пока есть люди! В своей кровавой битве против всех других творений человек лишь закончит то, что он ранее делал с самим собой».

«Большинство людей не живут, а лишь существуют, либо как рабы профессий, работая как машины на крупных предприятиях, либо как рабы денег, помешанные на курсах акций, либо как рабы разобщённости жителей больших городов. Но многие инстинктивно чувствуют крушение и безрадостность жизни. Никогда недовольство не было столь велико и так не отравляло умы. Группы и группировки замыкаются в своих особых интересах, в борьбе за самосохранение жестоко конфликтуют люди разных профессий и сословий, народов, рас и вероисповеданий, а внутри каждого союза отдельными его члена-

ми движет эгоизм и честолюбие. А поскольку человек всегда представляет себе мир по образу своего собственного состояния, он верит, что и в природе идёт борьба за власть, считает себя правым, если он один победил в “борьбе за существование”, рисует себе мир наподобие большой машины, где поршни всегда должны только ударять, а шестерни скрипеть, чтобы производить “энергию”, неизвестно зачем. И он готов оболгать миллиарды жизней на всех звёздах, бросить их к подножью человеческого “я”. Раньше восхваляли любовь, отречение, растворение в божестве, а сегодня проповедуют своего рода религию успеха, а на могиле старого мира провозглашают ту веру маленьких людей, над которой так едко издевался Ницше: “Последний человек” моргает и говорит: “Мы обрели счастье!” Единственное, что мы можем сделать, это открыть глаза. Мы должны, наконец, перестать смешивать то, что глубинно расколото: силы жизни и души и силы разума и воли. Мы должны увидеть, что суть “рациональной” воли это стремление разодрать в клочки “покрывало Майи”, и что человечество, которое предаётся такой воле, в слепой ярости опустошает Землю, свою Мать, и будет делать это, пока не уничтожит всю жизнь, а в конечном счёте и самого себя. Ни одна теория не вернёт нам то, что некогда было потеряно. Повороту к лучшему помог бы внутренний поворот жизни, но это не в человеческих силах».

IV) Клагес был как бы манихеем наоборот, он считал Дух злым, разрушительным и враждебным жизни началом. Ни одно утверждение не доставило ему больше врагов, чем это. Не без иронии сказал он ненадолго до смерти: «Кажется, я должен написать еще книгу во славу Духа».

Не было недостатка в попытках представить тезисы Клагеса как «простительное недопонимание» (так высказывался уже Макс Шелер⁷⁰, позже Карл Густав Юнг). Подобным попыткам упрощения, которые к тому же не находят ни малейшей опоры в трудах этого философа, можно противопоставить потрясающие доказательства правильности столь спорных утверждений Клагеса — их в обилии даёт наше время. Можно указать на чудовищные преступления, в совершенстве организованные бюрократами, бесстрастно рассчитавшими их в соответствии с рациональными методами, на угрозу ядерной или экологической гибели мира. Клагесу в любом случае удалось раз и навсегда отнять у любого культурного и научного идеализма наивную самоуверенность.

Ни один мыслитель на переломе XIX и XX веков, не смотрел безо всяких иллюзий на грядущее, которое потом стало мучительным настоящим, так, как Клагес. По сравнению с его предостережениями «Закат Европы» Освальда Шпенглера⁷¹ — всего лишь утешительная утопия. Надежду он считал одним из главных человеческих пороков, а будущее — призраком, возникающим в мозгу. Клагес — это не только Анти-Платон и Анти-Гегель, он также Анти-Маркс и Анти-Блох.

Познакомившись с противоположенными суждениями о Клагесе, с его биографией, зная его отношение к национал-социализму и темы его философии, снова зададим два вопроса:

⁷⁰ Шелер Макс (1874–1928) — немецкий философ и социолог, один из основателей философской антропологии.

⁷¹ Шпенглер Освальд Арнольд Готтфрид (1880–1936) — известный немецкий историк, социолог, публицист.

1) Насколько правильно называть его реакционным мыслителем или интеллектуальным фашистом?

2) Насколько он актуален в постфашистскую эпоху для левых читателей, если выходить за чисто идеологические рамки?

На первый вопрос можно ответить так: Клагес был реакционером, поскольку он не верил в прогресс к лучшему. Поэтому он не примыкал к партиям и движениям, которые ставили своей целью своей целью прогресс общества. Он же повсюду видел только прогресс в сторону уничтожения, ужаса и смерти. И всё же Клагес не был реакционером, если под этим понимать человека, который хочет вернуть какие-то прежние состояния. Для этого он был слишком пессимистичен. Именно пессимизм постоянно ставили ему в вину национал-социалисты. Не возврат, а осознание и поворот — вот суть его миссии.

Его антисемитские высказывания нельзя замалчивать. Как подтвердил мне в своём письме голландский психиатр профессор Вирсма, они позволяют с большой долей вероятности говорить о параноидальных чертах в характере Клагеса. Правда, антисемитские высказывания можно найти не только у реакционеров, но и у таких мыслителей как Кант⁷², Прудон⁷³, Фурье⁷⁴ и Маркс⁷⁵. Следует учитывать также, что антисемитизм Клагеса имел не расистский, а по

⁷² Кант Иммануил (1724–1804) — выдающийся немецкий философ, основоположник классической немецкой философии.

⁷³ Прудон Пьер-Жозеф (1809–1865) — французский философ, политик и публицист, один из теоретиков анархизма.

⁷⁴ Фурье Франсуа Мари Шарль (1772–1837) — французский философ и социолог, автор термина феминизм и системы фурьеризма.

⁷⁵ Маркс Карл Генрих (1818–1883) — немецкий философ, социолог и экономист, основоположник марксизма, один из авторов Манифеста коммунистической партии.

сути своей религиозный характер. Его языческая религиозность отвергала Яхве, еврейско-христианского Бога-Духа. Имя Яхве было для него кодовым обозначением воли, которая в союзе с техническим разумом стремится к безграничному господству над природой. Когда Клагес встречал евреев, свободных от яхвизма, он с ними даже дружил, как с Карлом Вольфскем, позже — с Мельхиором Паладьи и Фридрихом Ротшильдом. Но пятном на интеллектуальной биографии Клагеса остаётся то, что он не всегда последовательно смотрел на яхвизм только как на кодовое обозначение, а иногда демонизировал еврейство вообще. Этот антисемитизм, стилизованный под философию жизни, был отражением ненависти Клагеса к ряду черт собственного характера.

Клагес был консерватором в точном смысле этого слова, но он никогда не впадал в национализм, даже в 1914 году, когда даже немецкие социал-демократы голосовали за военные кредиты. В разгар военного энтузиазма в Германии он переселился в Швейцарию. Он никогда не называл немцев богоизбранным народом и не призывал их к завоеваниям. Воля к власти и милитаризм были для него жупелом.

Не только эти соображения заставляют нас прийти к тому выводу, что чтение трудов Клагеса может принести пользу и тем, кто по разным причинам хотел бы поспорить с ним или находит ряд черт его характера отталкивающими. Мы можем сослаться на свидетеля, находящегося вне подозрений: на Вальтера Беньямина, который в написанном в 1923 году письме благодарил Клагеса за то, что в его книге «О космогоническом Эросе» он нашел подтверждение собственных мыслей, а прочитав первый том книги «Дух как противник Души», он написал Гершому

Шолему⁷⁶: «В чём бы не подозревали этого автора, это, несомненно, великое философское произведение». Он никогда раньше не думал, что столь примитивный дуализм Духа и Души «когда-либо может быть связан с воистину новыми и далеко идущими концепциями». Если уточнить эти формулировки, мы найдем у Клагеса, который был старше на несколько десятилетий, и целый ряд тем, которые до сих пор считались монополией левых авторов, также как Теодор Адорно⁷⁷, Герберт Маркузе⁷⁸ и Макс Хоркхаймер⁷⁹: овеществление, отчуждение, репрессивный разум и, говоря словами Адорно, «мировой дух как перманентная катастрофа». Но, поскольку уровень законченной философской системы академические круги того времени не рассмотрели, следует добавить, что философия жизни Клагеса позволила по-новому взглянуть на целый ряд феноменов: на значение близости или отдаления для человеческих переживаний, на суть сознания во время сна, на различие секса и эроса, на своеобразие ритма и такта, на смысл мифов, символов и культов, на произведения Гёте⁸⁰, Ницше и Бахофена, на сферу выражения человеческих чувств, особенно на почерк. Новаторскими были и его мысли о философии языка, искусства и истории. Клагес был и своего рода «футурологом», это подтверждает его предсказания, которые мы цитировали. Уже в XIX

⁷⁶ Шолем Гершом (1897–1982) — еврейский философ, историк религии, основатель и президент Израильской академии наук.

⁷⁷ Адорно Теодор Людвиг Визенгруд (1903–1969) — немецкий философ, социолог и композитор еврейского происхождения.

⁷⁸ Маркузе Герберт (1898–1979) — немецкий философ, социолог и педагог еврейского происхождения.

⁷⁹ Хоркхаймер Макс (1895–1973) — известный немецкий философ и социолог, один из основателей Франкфуртской школы.

⁸⁰ Гёте Иоганн Вольфганг фон (1749–1832) — выдающийся немецкий писатель и философ, оказал значительное влияние на творчество Л. Клагеса.

веке самые удивительные предсказания принадлежали не тем, кто слепо верил в прогресс, а консерваторам, реакционным одиночкам, таким как Франц фон Баадер⁸¹, Кьеркегор⁸², Доносо Кортес⁸³, Бахофен, Буркхардт⁸⁴ и Ницше. Л. Клагес был одним из последних в этом ряду.

Влияние идей Клагеса прослеживается и в ряде шедевров немецкой литературы XIX века: в демонической природе эпических произведений Элизабет Ланггессер⁸⁵, в стихах Готфрида Бенна⁸⁶ о «Дальнем Эросе» и о «Духе Антисчастье» и в романе Роберта Музиля⁸⁷ «Человек без свойств» — своей концепцией «иноного состояния» автор вплоть до деталей обязан Клагесу, ряд черт которого присущ одному из героев этого романа, философу Мейнгасту.

Клагес отвергал христианство как религию, враждебную жизни, но был человеком, глубоко религиозным по природе. Так случилось, что в 1972 года, когда отмечали столетие Клагеса, в Стокгольме состоялась организованная ООН конференция по защите окружающей среды. В этом совпадении был глубокий смысл: то, чего требует надви-

⁸¹ Баадер Франц Ксавер фон (1765–1841) — немецкий философ и теолог, видный представитель философского романтизма.

⁸² Кьеркегор Сёрен Обю (1813–1855) — датский философ, писатель и психолог, один из основоположников экзистенциализма.

⁸³ Доносо Кортес Хуан (1809–1853) — испанский государственный деятель, публицист, идеолог консерватизма.

⁸⁴ Буркхардт Якоб Кристоф (1818–1893) — швейцарский историк культуры, один из основоположников культуры.

⁸⁵ Ланггессер Элизабет (1899–1950) — немецкая писательница и педагог. Посмертно награждена литературной премией Бухнера.

⁸⁶ Бенн Готфрид (1886–1956) — немецкий писатель, поэт-экспрессионист и врач. Лауреат литературной премии Бухнера.

⁸⁷ Музиль Роберт (1880–1942) — австрийский писатель и драматург, после оккупации Австрии произведения Музиля были запрещены в Третьем рейхе.

гающаяся экологическая катастрофа, есть не что иное, как глубоко религиозное отношение Клагеса ко Вселенной, к экологическим силам — земле, воде и воздуху, к богатству образов и способов выражения органической жизни. Я лично не знаю, как предотвратить глобальный экологический кризис без нового благоговения перед жизнью, без новой «практической» «теологии Земли». Поэтому мир идей Людвига Клагеса сегодня актуальней, чем когда-либо. О нём можно сказать то же, что Шарль Пеге⁸⁸ сказал о во многом близком Клагесу философе Анри Бергсоне⁸⁹: «Великая философия это не безупречная философия. Это бесстрашная философия. Великая философия не постулат, даже величайшая не безупречна. Великая философия это не та, против которой нечего возразить, а та, которой есть, что сказать, даже та, которая хотела что-то сказать, но не смогла».

⁸⁸ Пеге Шарль (1873–1914) — известный французский драматург, религиозный публицист и поэт. Погиб на фронте в годы Первой мировой войны.

⁸⁹ Бергсон Анри-Луи (1859–1941) — французский философ и публицист, лауреат Нобелевской премии по литературе.

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

(1913)

У каждого времени и у нашего тоже, есть свои лозунги, которыми оно, словно барабанным боем, объявляет о своих тенденциях, заглушает голоса сомнения в рядах своих приверженцев и собирает под свои знамена все новые отряды неопределившихся. Сегодня три самых сильных из них — прогресс, культура и личность, но получается так, что идея прогресса, как единственно свойственная современности, служит опорой для двух других и придает им характерную окраску в рамках господствующего образа мыслей. Она чувствует свое превосходство, а первобытные народы для нее — всего лишь предшествующие ей периоды истории, а на вопрос, на чем основано такое убеждение, ответ готов: наука достигла небывалой доселе высоты, техника покоряет природу, перед которой человечество в прошлом всегда беспомощно отступало, а из неисчерпаемых ресурсов Земли она планомерно черпает всё, что необходимо для всеобщего блага, разум преодолевает пространство и время, передает речь с помощью эфирных волн и даже непрерывный воздушный океан теперь наконец завоеван его изобретательным гением. Не для убежденных приверженцев этой веры, которые с нею и умрут, а для молодых людей, которые еще *задают вопросы*, хотим мы попытаться, по крайней мере, в одном месте приподнять завесу, чтобы обнаружить скрытый за нею опасный самообман.

Даже тот, кому ещё неизвестны страшные последствия, зреющие под лозунгом прогресса, должен задуматься по следующим причинам. Для древнего эллина идеалом была внутренняя и внешняя красота человека (калокагатия), которую он видел в образе олимпийцев; в Средние века — «спасение души», под чем понималось духовное стремление к Богу; для человека типа Гёте — совершенство поведения, мастерство при поворотах судьбы; и, сколько бы различными не были эти цели, достижение каждой из них было высшим счастьем для человека. А чем гордится деятель прогресса? Просто успехами, ростом могущества человечества, которые он бездумно путает с увеличением ценности, а мы сомневаемся, способен ли он испытывать счастье, а не одно только пустое удовлетворение от сознания своего могущества. Но власть слепа ко всем ценностям, слепа к правде и справедливости и там, где она их еще допускает, — совершенно слепа к красоте и жизни. В наших претензиях к ней мы опираемся на хорошо известные факты.

Высокое значение науки неоспоримо, техники тоже. Но каковы их плоды, по которым, согласно мудрому библейскому изречению, следует судить обо всех человеческих деяниях? Начнем с таких форм проявления жизни, выразительность которых никогда не оспаривалась, с растений и животных.

Древние народы грезили о потерянном Золотом веке или Рае, когда лев мирно возлежал рядом с ягненком, а змея жила вместе с человеком как пророческий дух-охранитель. И это совсем не мечты, как пытается уверить нас то лжеучение, которое видит в природе одну лишь беспредельную борьбу за существование.

Полярные исследователи рассказывают нам о бесстрашной доверчивости пингвинов, оленей, морских львов, тюленей, даже чаек при первой встрече с человеком. Первопроходцы тропиков неустанно, с удивлением, рисуют нам картины степей, куда почти не ступала нога человека и где мирно сосуществует дикие гуси, журавли, ибисы, фламинго, цапли, аисты, марабу, жирафы, зебры, гну и другие антилопы, газели. О подлинных симбиозах мы знаем, что они распространяются на всё животное царство, на всю Землю. Но там, где начинает господствовать человек прогресса, он сеет вокруг себя смерть и ужасы смерти. Что осталось, например, от животного мира Германии? Медведь и волк, рысь и дикая кошка, зубр, лось, орел и коршун, журавль и сокол, лебедь и филин остались лишь в сказках еще до того, как разразилась современная убийственная война, но она окончательно их добила. Под самым слабоумным из всех предлогов, будто бесчисленные виды животных вредны, их истребили всех, кроме зайцев, куропаток, серн, фазанов и диких свиней. Вепри, горные козлы, лисы, куницы, ласки, барсуки и выдры, животные, воспоминания о которых сохранились в самых древних легендах, почти, если не совсем, исчезли; речные чайки, морские ласточки, кормораны, нырки, цапли, зимородки, королевские коршуны, совы, безжалостно преследуются, уничтожаются тюленьи отдели Балтийского и Северного морей. Мы знаем более двухсот немецких городов и сел, в названии которых содержится корень «бобр», что доказывает распространенность этих прилежных грызунов в былые времена, а сегодня осталось лишь несколько колоний на Эльбе между Торгау и Виттенбергом, да и они уже исчезли бы, если бы их не поставили под

защиту закона! А кто с затаенным страхом не следит за тем, что с каждым годом все быстрее исчезают наши любимые певцы, перелетные птицы! Ещё прошлое поколение даже в городах могло слышать летом в синеве щебетание ласточек, звуки, влекущие вдаль. Тогда в одном предместье Мюнхена насчитывалось 300 обитаемых гнезд, сегодня их четыре или пять. Даже в сельской местности стало непривычно тихо и не поют больше росистым утром «бесчисленные жаворонки» из восторженных стихов Эйхендорфа⁹⁰. Можно считать счастливым случаем, если на отдалённый лесной дорожке снова услышишь с освещённой солнцем лужайки светлый, полный предчувствий зов перепелов, которые раньше тысячами водились в немецких краях и живут в народных песнях и песнях поэтов. Сорока, дятел, иволга, синица, горихвостка, мухоловка, соловей — все они исчезают и, похоже, безвозвратно.

Большинство наших современников, с детства привыкших к дыму фабричных труб, уличному шуму и светлым, как день, ночам, не видит больше красоты ландшафта и думает, видя картофельное поле, что это уже природа, и находит, что его самые лучшие пожелания удовлетворены, если на редких деревьях вдоль шоссе свистят и чирикают скворцы и воробьи. Но если звуки и ароматы немецкого ландшафта, каким он был еще семьдесят лет назад, в словах и картинах тех дней долетят до их опустошенных душ, у них готовы дежурные ответы об экономическом развитии, требованиях пользы, неизменных потребностях культурного процесса, предупре-

⁹⁰ Эйхендорф, Йозеф Карл Бенедикт фон, барон (1788–1857) — немецкий поэт-лирик, писатель и переводчик.

ждая возможные упреки. Поэтому необходимо, чтобы мы несколько расширили наш кругозор.

Вопрос, откуда сухая полезность черпает право объявлять себя высшим принципом любого действия и оправдывать самые печальные опустошения, остался нерешенным. Мы не хотим также повторять общеизвестное: ни в одном случае человек не смог успешно изменить природу. Там, где исчезают певчие птицы, безмерно увеличивается число кровососущих насекомых и вредных гусениц, которые могут за несколько дней, догола объесть виноградники и леса; там, где человек отстреливает сарычей и истребляет черных гадюк, появляются мыши и портят, разрушая гнезда шмелей, предназначенный для оплодотворения этих насекомых клей; большие хищные птицы обеспечивают отбор среди охотничьей дичи, которая вырождается вследствие размножения больных особей там, где отсутствует ее естественные враги; и самые тяжелые ответные удары наносит раненая природа экзотических стран, в виде тех страшных эпидемий, которые преследуют по пятам «цивилизованных» европейцев. Так, например, восточно-азиатская чума возникла, главным образом, из-за распространения содержащих ее бациллы мехов тамошних грызунов типа сибирских сурков. Всё это мы оставили в стороне, чтобы немногими примерами осветить лишь один решающий пункт: польза, которой так кичатся, не имеет ничего общего с материальными естественными потребностями.

То, что сегодня в Германской империи называется строевым лесом, — недавнего происхождения; настоящий строевой лес, который у нас стал благодетельной сказкой, кончается на всём земном шаре. Во времена индейцев Северная Америка была самой

богатой лесом из всех материков, а теперь удовлетворяет свои потребности в древесине путем импорта; единственные ещё экспортирующие лес страны — Венгрия, Россия, Скандинавские страны и Канада скоро исчерпают свои излишки. Прогрессивным народам в целом нужно ежегодно 350 000 тонн древесины для изготовления бумаги, чтобы в среднем каждые две минуты появлялась одна книга и как минимум каждую секунду — одна газета, столь велико производство этих изделий в «цивилизованных» странах. Пусть нам докажут необходимость того что человечество наводняется миллиардами плохих газет, пасквилей и ужасных романов; и если не смогут доказать, значит, истребление девственных лесов — преступление и ничего более.

Итальянцы ежегодно ловят и убивают самым жестоким образом миллионы перелётных птиц, падающих в изнеможении на берегах Италии, а тех, кого не могут съесть сами, экспортируют, набивая свои кошельки, в Англию и Францию. Цифры говорят сами за себя: одно транспортное судно доставило в 1909 году 27 000 живых перепелов, набитых в тесные клетки, в Англию, где бывших в жалком состоянии бедных птиц добивали на радость гурманам. Но полуострове Сорренто их ежегодно ловят живьем до 500 000. Средняя цифра их уничтожения в Египте достигает трех миллионов, не говоря о бесчисленных жаворонках, ортоланах, мухоловках, ласточках, соловьях!⁹¹ В жертву зажиточной праздной жизни и торгашеству, а не по причине голода, приносятся пернатые певцы. Ещё более жестокие опустошения производит мода, точнее, жажда прибыли кутюрье и

⁹¹ Гюнтер. Защита природы, с. 103. — *Прим. автора.*

торгашей, чьи скудоумные выдумки явно внушены самим сатаной. Вот сообщение журнала «Кри де Пари»⁹²: «Парижские модистки обрабатывают ежегодно до 40 000 морских ласточек и чаек. Одна лондонская торговая фирма продала в прошлом году 32 000 колибри, 80 000 различных морских птиц и 800 000 пар крыльев птиц разных видов. Можно предположить, что ежегодно не менее 300 миллионов птиц приносятся в жертву дамским модам. Есть страны, где определённые виды птиц, облюбовавшие в них особые места, полностью исчезли. Чтобы маховые перья и пух сохраняли свой блеск, надо ощипывать только живых птиц, поэтому на бедных птиц охотятся не с ружьями, а с сетями. Бесчеловечный охотник выщипывает перья с тела пойманных птиц, и невинные жертвы моды вынуждены терпеть страшные муки, прежде чем в судорогах умрут».

Человечество, называющее себя цивилизованным, тупо допускает всё это, и в то время как волна неслыханных убийств накрывает Землю, дамы бездумно кичатся траурными трофеями. Не надо подчеркивать, что все перечисленные виды и многие другие, в том числе разноцветные райские птицы и могучие альбатросы близки к вымиранию. И та же судьба рано или поздно грозит всем видам животных, если человек их не разводит или не приручил. Миллиарды пушных зверей Северной Америки, бесчисленные голубые песцы, соболя и горностаи Сибири становятся жертвами моды.

В 1908 году в Копенгагене было основано акционерное общество для «китобойного промысла в широком стиле и по новому методу», то есть на пла-

⁹² Цит. из книги Анкенбранда «Защита природы и природоохранительные парки». — *Прим. автора.*

вучих фабриках, которые сразу же перерабатывают убитых животных. За два последующих года было забито 500 000 этих самых больших млекопитающих Земли, и недалек тот день, когда киты останутся только в истории и в музеях.

Тысячелетиями в прериях паслись миллионы американских бизонов, любимой дичи индейцев. Как только на эту землю вступили «цивилизованные» европейцы, началась ужасная и бессмысленная бойня, и сегодня с бизонами покончено. Такая же трагедия повторяется сегодня в Африке. «Чтобы снабдить т. н. культурное человечество миллиардными шарами, набалдашниками, гребешками, веерами и тому подобными необыкновенно нужными предметами, согласно новейшим подсчетам парижского исследователя Турнье, необходимо перерабатывать в год 800 000 кг слоновой кости. Это равнозначно истреблению 50 000 самых сильных животных Земли. Согласно последним сообщениям, в Конго администрация округа Ладо позволила одному английскому охотничьему обществу окружить и уничтожить стадо слонов в 8000 голов, включая самок и детенышей»⁹³. Столь же безжалостно истребляются антилопы, носороги, дикие лошади, кенгуру, жирафы, страусы и гну в тропиках, белые медведи, овцебыки, песцы, моржи и тюлени в арктических зонах. Человечество охватила беспримерная оргия опустошения, «цивилизация» обретает черты необузданной жажды убийств, засыхает под ее ядовитым дыханием. Так выглядят плоды прогресса!

Они, как уже было сказано, известны. Доброжелательные и мягкосердечные люди за последние де-

⁹³ «Дойче Тагесцайтунг». — *Прим. автора.*

сять лет снова и снова возвышали упреждающий голос и пытались с помощью союзов защиты природы и родной земли регулировать зло, не зная глубинную причину и весь размах бедствия. Но, прежде чем сказать об этом, продолжим наш обвинительный акт.

Не нам решать, обладает ли жизнь собственной сутью в этом мире или нет, является ли Земля, как верили древние, живым существом, или она (по мнению людей нового времени) всего лишь бесчувственный ком «мертвой материи», точно известно одно: отдельные местности, игра облаков, воды, растительный покров и деятельность животных любого ландшафта представляют собой одно впечатляющее *целое*, отдельные живые существа словно находятся в одном ковчеге, вплетены в великие процессы Вселенной. Непременными аккордами в звуковой буре нашей планеты являются возвышенная глушь пустыни, торжественность высоких гор, влекущая печаль пустошей, таинственные переплетения лесных чащ, прибой морских берегов. В них укладывались или сливались с ними в воображении первые творения человека. Бросим ли мы взгляд на обладающие глубоким, предостерегающим смыслом пирамиды, ряды сфинксов и увенчанные лотосами колонны Египта, на китайские колокольни с их внешним изяществом, на греческие храмы с их четким делением, на уютные нижненемецкие крестьянские дома или на шатры татар, свободных жителей степей — повсюду явно дышит душа ландшафта, на котором они возникли. Как древние народы охотно называли себя порождениями земли, так по своим формам и краскам порождением земли было всё, что они создавали: от жилищ до оружия и посуды — кинжалов, копий, стрел, топоров, мечей, цепочек, пряжек и колец, красивых по форме разук-

рашенных сосудов, чашек из тыквы и медных ковшей, тысяч плетеных и тканых изделий.

Ужаснее всего того, что мы до сих пор слышали, хотя это, может быть, не в такой же мере неисправимо, воздействие прогресса на картину населенных местностей. Разорвана взаимосвязь между человеческим творением и землей, уничтожено на столетия, если не навсегда, изначальная музыка ландшафта. Одни и те же рельсы, телеграфные провода, высоковольтные линии пересекают с грубой прямолинейностью леса и горы, будь то у нас или в Индии, Египте, Австралии, Америке; одинаковые, серые, четырехэтажные доходные дома-казармы однообразно выстраиваются в ряды, и в них образованный человек разворачивает свою «благодатную» деятельность. У нас, как и везде, поля «взаимосвязаны», т. е. нарезаны на прямоугольные и квадратные участки, канавы засыпаны, увитые цветами изгороди снесены, заросшие камышом пруды высушены; глухие леса перестали быть смешанными, деревья стоят в ряд, как солдаты, без «вредного» подлеска. Из водных потоков, которые некогда извивались наподобие лабиринтов между склонами, поросшими буйной растительностью, сделали прямые как шнур каналы; стремнины и водопады, даже Ниагара, используется для производства электроэнергии. Леса фабричных труб выросли на их берегах и ядовитые сточные воды фабрик превращают чистую влагу земли в навозную жижу — короче, облик всех материков превращается в Чикаго с прожилками сельского хозяйства.

«О, Боже! — восклицал уже сто лет назад благородный Ахим фон Арним⁹⁴, — где старые деревья,

⁹⁴ Арним Карл Иоахим (Ахим) Фридрих Людвиг фон (1781–1831) — немецкий писатель, драматург, представитель гейдельбергской школы романтизма.

под которыми мы ещё вчера гуляли, где древние знаки четких границ, что с ними случилось, что происходит? Они уже забыты народом, мы с болью на-тыкаемся на их корни. Склоны высоких гор были некогда сплошь покрыты лесом, а теперь на них не растёт ни одного дерева. Мы должны позаботиться о том, чтобы не промотать Германию!» И Ленау⁹⁵ обобщил впечатления от ландшафта нашей родины в таких словах: мы схватили природу за горло так, что кровь брызжет у нее из всех пор. Что сказали бы эти люди сегодня? Сегодня они, может быть, предпочли бы как Генрих фон Клейст⁹⁶, покинуть эту Землю, которую ее выродившийся сын, человек, так изуродовал. «Опустошения Тридцатилетней войны не так основательно оторвали город и село от наследия прошлого как злоупотребления современной жизни с ее безоглядным, односторонним преследованием практических целей»⁹⁷. Что же касается лицемерного «чувства природы», которое проявляется в так называемом туризме, то он лишь добавит опустошения в результате «открытия» ещё не затронутых нашим миром берегов и горных долин. Обо всем этом говорилось уже не раз, хотя и бесполезно. Превосходный пример — написанная еще в 1880 году статья Рудорфа⁹⁸ «Об отношении современной жизни к природе» (ее снова напечатали в Журнале

⁹⁵ Ленау Николаус (Николаус Франц Нимбш Эдлер фон Штреленау) (1802–1850) — австрийский поэт-романтик мировой скорби.

⁹⁶ Клейст Бернд Генрих Вильгельм фон (1777–1811) — немецкий поэт и драматург, представитель романтизма, покончил жизнь самоубийством.

⁹⁷ Из призыва «Союза защиты родной земли», зачитанного при его основании. — *Прим. автора.*

⁹⁸ Рудорф Эрнст Фридрих Карл (1840–1916) — известный немецкий композитор, педагог и защитник природы.

«Союза защиты родной земли» № 1 за 1910 год), которую мы всем настоятельно рекомендуем прочесть.

Но этого мало: яростная жажда уничтожения оставила свои кровавые борозды и на самом человечестве. Совсем исчезли или близки к исчезновению первобытные народы — их либо истребляют и морят голодом, либо обрекают на медленную смерть такими дарами прогресса как водка, опиум и сифилис. Это происходит с индейцами, австралийскими аборигенами, с лучшими из полинезийских племен; самые храбрые негритянские народы сопротивляются, но становятся жертвами «цивилизации», а совсем недавно Европа равнодушно смотрела на то, как ее последний первобытный народ, албанцы, «сыновья орлов», которые возводят свой род к легендарным пеласгам, тысячами планомерно истребляются сербами.

Мы не ошибаемся, подозревая прогресс в пустой жажде власти, и мы видим, что его метод — безумие *уничтожения жизни*. Он проявляет его во всех формах, вырубает леса, истребляет виды животных и первобытные народы, покрывает лаком промышленности и уродует ландшафт и унижает то, что ещё осталось от живых существ, до уровня убойного скота, простого товара, предмета безудержной жажды наживы. На его службе стоит вся техника и основные отрасли науки.

Теперь посмотрим глубже. Человек тоже часть природы, многие думают даже, что он принадлежит ей целиком, но это, как мы увидим далее, заблуждение. Но в любом случае он тоже живет, и если что-то в нем вступает в конфликт с жизнью, то это его конфликт с самим собой. В нашей цепи доказательств будет отсутствовать важнейшее звено, если мы не назовем также примеры *саморазрушения человека*.

Перечень потерь, который можно было бы здесь составить, чтобы назвать хотя бы важнейшие, намного превосходит список исчезнувших животных, поэтому возьмём наугад пару главных фактов. Куда делись народные праздники и священные обряды, этот не иссякавший тысячелетиями кладезь мифов и поэзии: обход полей, чтобы посевы дали урожай, свадебное шествие в Троицын день, бег с факелами по пашням? Где пестрое богатство народных костюмов, в которых каждый народ выражал свою сущность, приспособлявая ее к образу ландшафта? Всё богатство подвесок, пестроту корсетов, расшитые жилеты, тяжелые металлические пояса, легкие сандалии и похожие на тоги накидки, складчатые тюрбаны, стекающие кимоно цивилизация состригла со всей Земли, оставив мужчинам серые костюмы от Сакко, а женщинам — последнюю парижскую моду! Где, наконец, народная песня, древняя и вечно новая сокровищница песен, которая мягко, словно серебряная пряжа, обнимала всю человеческую жизнь от рождения до смерти? Свадьба и похороны, месть, война и гибель, задор попоек и бродяжий дух, рыцарская отвага, детское чувство и радость материнства дышали и струились в неисчерпаемых песнях, то разгораясь в бурные дни, то впадая в дремотное забвение. Сочиняли стихи и пели во время танцев с полными бокалами, при расставаниях и новых встречах, в полумраке прядилен, перед битвой и у гроба павшего, развлекались шутливыми песнями, устраивали соревнования певцов, доходившие до драк, обволакивали светотенью поэзии горы, источники и кустарник, домашних животных, дичь и растения, бег облаков и струи дождя. И сегодня нам это почти уже не знакомо — превращать в праздник да-

же работу. Пели не только в праздничные дни, но и странствуя, поднимая якоря и гребя веслами, переноса тяжелые грузы и таща бечевой корабли, набивая обручи на бочки, в такт ударам кузнечного молота, разбрасывая семена, при косьбе и молотье, при трепании льна, при ткачестве и вязании. Прогресс сделал жизнь не только серой — он сделал ее немой. Ах, нет, — мы забыли, он оставил избитые мотивы уличных песенок, оперетты и слащавые мелодии кабаре, старинные музыкальные инструменты, такие как испанскую гитару, итальянскую мандолину, финские кантеле, гусли южных славян и русскую балалайку он заменил фортепиано и граммофоном⁹⁹. Так мы все вместе пожинаем плоды прогресса! Словно всепожирающий пожар бушует он над Землей, и на выжженном им месте ничего уже больше не вырастет, пока еще есть люди! Уничтоженные виды животных и растений не появятся снова, сердечная теплота человечности остыла, засыпан внутренний источник, который питал расцвет песенного творчества и священные празднества, остался лишь угрюмо-холодный рабочий день с фальшивой мишурой шумных развлечений. Несомненно, мы живем в век *гибели души*.

И как в таких условиях ещё могут рождаться великие личности! Конечно, мы не принижаем ценность изобретательности мастеров техники и талантливой расчетливости хозяев крупных предприятий, но если нечто подобное поднять на одну ступень с живой творческой силой, станет ясным, что они никогда не смогут обогатить жизнь. Самая искусно сделанная машина, важна лишь служа какой-то цели,

⁹⁹ Тем, у кого еще есть чувство народной песни, мы от всего сердца рекомендуем наполненную теплым чувством книгу Бёккеля «Психология народной поэзии». — *Прим. автора.*

а не сама по себе, а самый большой профсоюз современности ничто на фоне тысячелетий, а песни Гомера¹⁰⁰, мудрые слова Гераклита и музыкальные произведения Бетховена¹⁰¹ — сокровища жизни, которые никогда не устареют. Но сколь печально обстоит дело теперь с мыслителями и поэтами, которых у нас некогда по праву прославляли! Кто у нас остался после того как нас покинули ветераны духа и дела в разных областях: Буркхардт, Бёклин¹⁰², БахOFFен, Моммзен¹⁰³, Бисмарк¹⁰⁴, Келлер¹⁰⁵, после того, как Ницше, которого можно сравнить с последней вспышкой древнего огня, ушел от нас бесследно и без наследников. Пусто на Парнасе, пусто в политике и философии, не говоря о совершенно прогнившем искусстве. Если же мы спустимся на уровень повседневности, выражения «личность» и «культура» раскроются нам во всей своей ничтожности.

Люди в большинстве своём больше не живут, а только *существуют*, либо как рабы профессий, механически расходуя себя на службе крупным предприятиям, либо как рабы денег, бессознательно отдающиеся суммарному безумию акций и основания новых фирм, либо, наконец, как рабы угарных увлечений больших городов, хотя многие смутно

¹⁰⁰ Гомер (VIII до н. э.) — выдающийся древнегреческий поэт, автор эпических поэм.

¹⁰¹ Бетховен Людвиг ван (1770–1827) — немецкий композитор, пианист и дирижёр, представитель Венской классической школы.

¹⁰² Бёклин Арнольд (1827–1901) — швейцарский художник, скульптор и график. Темой его произведений были мистические сюжеты.

¹⁰³ Моммзен Теодор (1817–1903) — известный немецкий историк, филолог и юрист, лауреат Нобелевской премии по литературе.

¹⁰⁴ Бисмарк-Шёнхаузен Отто Эдуард Леопольд фон, герцог цу Лауэнбург (1815–1898) — выдающийся политический деятель Германии, первый канцлер Германской империи.

¹⁰⁵ Келлер Готфрид (1819–1890) — швейцарский писатель-реалист, внес значительный вклад в развитие швейцарской литературы.

ощущают распад и растущее недружелюбие. Еще никогда недовольство не было столь сильным и ядовитым. Группы и группировки безоглядно смыкаются во имя защиты своих особых интересов, в упорной борьбе за самосохранение жёстко сталкиваются друг с другом профессии, сословия, народы, расы, вероисповедания, а внутри каждого союза полно эгоизма и честолубия отдельных людей. А поскольку человек всегда судит о мире по образу своего собственного состояния, он полагает что и в природе бушует борьба за власть. Воображая себя правым, отдаваясь «борьбе за существование», или представляя мир наподобие огромной машины, в которой поршни всегда только утрamboвывают, а шестерни стягивают, чтобы неизвестно зачем преобразовывать «энергию», человек хвастливо увенчивает свой взгляд т. н. монизмом, обесценивая многомиллиардное разнообразие жизни во всех созвездиях, превращая его в пьедестал для человеческого я. Если раньше прославляли любовь, отречение от мира и упоение общением с Богом, то теперь у могилы прошлого мира провозглашают веру маленьких людей, ту самую, которую Ницше пламенно осмеял, предчувствуя ее появление, его «последний человек» мигает и говорит: «Мы нашли счастье».

* * *

Мелкие заблуждения всех этих систем, сект и движений, конечно, проживут недолго. Природа не знает никакой «борьбы за существование», она заботится только о продлении жизни. Многие насекомые умирают сразу же после оплодотворения, столь мало значения придаёт природа сохранению жизни, для нее важно только, чтобы жизнь продолжала катиться

волнами похожих форм. Если одно животное охотится за другим и убивает его, то им движет голод, а не охотничий азарт, не честолюбие и не жажда власти. Здесь разверзается бездна, мост через которую не в силах перебросить никакая логика эволюции. Никогда одни виды не истреблялись другими, так как любой избыток с одной стороны сразу же вызывал ущерб с другой, чем меньше дичи, тем меньше пищи для ее врагов, но изменения происходят через огромные промежутки времени по причинам планетарного масштаба и влекут за собой постоянное увеличение числа подвидов. Уничтожение сотен видов на протяжении нескольких человеческих поколений несравнимо с вымиранием ящеров или мамонтов.

* * *

Совершенно неразумен перенос многочисленных физических законов, таких как закон сохранения энергии, на вопросы жизни. В ретортах еще не создали ни одной живой клетки, если они и появляются, то не от взаимодействия «сил», а потому что химические вещества уже таят в себе жизнь. Жизнь это постоянное восстановление жизнеспособной формы, если мы уничтожаем ее, уничтожая вид, Земля на все времена становится бедней, несмотря на т. н. сохранение энергии.

* * *

Эти лжеучения, как уже было сказано, исчезнут, но не их следствия в реальном ходе событий, лишь мысленными тенями которого являются все ученые термины. Мнение тех, кто считает происходящее разрушение лишь побочным, преходящим явлением, за

которым последует новая творческая деятельность глубоко ошибочно. Таким образом, мы приходим к пониманию смысла последовательности процессов, которую принято называть мировой историей.

Ошибаются те, кто сводит её к достижениям «чистого разума». Из этого вроде бы безобидного взгляда мы должны сделать вывод, что познание растёт само собой в среде ученых, и с каждым поколением знания и умения превышают уровень предыдущих. Из-за отсутствия у древних греков телеграфа и радио, бытует ошибочное мнение о более низком уровне их знаний в области физики. Но они строили храмы, вытесывали изображение на колоннах, вырезали геммы недостижимой для нас красоты — нам для этого требуются специальные инструменты. Не ставя опытов, опираясь лишь на восприятие повседневной действительности, они оставили нам здания мудрости, которая полтора тысячелетия полностью, а большей частью и сегодня определяет мышление западного человечества. Добродетель, которой можно научить, Сократа¹⁰⁶ в более художественном виде породилось в категорическом императиве Канта, платоновское учение об идеях — в эстетике Шопенгауэра¹⁰⁷, основы химической атомистики были заложены Демокритом¹⁰⁸. С учетом всего этого вероятней, что они не развивались в физику, не потому что не могли, а потому что не хотели, а в их мистике сохранилось много истин, которые мы забыли.

¹⁰⁶ Сократ (464–399 гг. до н. э.) — величайший древнегреческий философ, оказал значительное влияние на развитие античной философии.

¹⁰⁷ Шопенгауэр Артур (1788–1860) — немецкий философ, иррационалист, получил прозвище «философ пессимизма»

¹⁰⁸ Демокрит Абдерский (ок. 460 г. до н. э. — ок. 370 г. до н. э.) — древнегреческий философ, один из основателей атомистики.

Другой пример. Китайцам, древнему культурному народу и сегодня оставались бы чужды все изобретения нового времени, если бы мы их им не навязали. Но раскроем книгу одного из их великих философов, жившего две с половиной тысячи лет назад, Лао-Цзы¹⁰⁹, и мы найдем в ней такую глубину мудрости, по сравнению с которой даже Гёте покажется новичком. Если у них не было науки, с помощью которой производят пушки, взрывают скалы и делают искусственное масло, можно предположить что она их не интересовала. За стремлением к познанию всегда стоят цели человечества, и только по их направленности мы можем о них судить.

Чтобы прогрессивные открытия нового времени могли найти применение, должен был произойти великий переворот в образе мыслей — способ его осуществления называют капитализмом.

В том, что блестящие достижения физики и химии служат только капиталу, ни один мыслящий человек сегодня больше не сомневается, но не трудно выявить то же самое направление и в господствующих ныне учениях. Отличительной чертой новейшей науки является то, что она заменяет все видовые свойства чисто количественными отношениями, воспроизводит в познании основной закон волевого действия, которое всё сверкающее богатство душевных ценностей: крови, красоты, достоинства, усердия, привлекательности, теплоты, материнского чувства приносит в жертву ложной ценности той возомнивший о себе силы, которая измеряется денежным богатством. Для этого придумано даже слово «маммонизм», но лишь немногие осознают, что этот

¹⁰⁹ Лао-Цзы (VI–V в. до н. э.) — древнекитайский философ, один из основоположников даосизма.

Маммон — реальное существо, которое превратило человечество в свое орудие для уничтожения жизни на Земле. Об этом надо рассказать подробнее, чтобы сделать должные выводы.

Если прогресс, цивилизация, капитализм всего лишь разные стороны одной и той же ориентации воли, то давайте вспомним, что её носителями являются исключительно христианские народы. Только у них одно изобретение громоздится на другое, процветают точные, т. е. выражаемые в цифрах науки, а их беспощадное стремление к расширению ведет к порабощению нехристианских рас и разбазариванию природы. Таким образом, главные причины всемирно-исторического прогресса заключены в христианстве. Хотя оно всегда проповедовало любовь, если присмотреться к этой любви поближе, мы обнаружим, что этим убеждающим словом позолочено безусловное «ты должен» и относится оно только к человеку, противопоставляемому, как божество, всей природе. Словами человечность или гуманность христианство прикрывает то, что в действительности имеет в виду: все остальная жизнь не имеет ценности, если она не служит человеку. Его любовь не мешает ему со смертельной ненавистью преследовать языческий культ природы и сегодня не мешает искоренять с пренебрежением священные обычаи народов — реликтов человеческого детства. Буддизм, как известно, запрещает убивать животных, потому что у нас с ними одна суть, а итальянец, если упрекнуть его в том, что он замучил животное до смерти, ответит: «У него же нет души» или «Зверь же не христианин», так как для верующего христианина право на существование имеют только люди. Древняя вера, которая одно время сосуществовала с

этим учением и все еще дает ростки в хижинах простых людей, потеряла своих знаменосцев. В противовес ей возбудило и превратило в омрачающую мир силу ту страшную манию величия, которая считает допустимыми самые кровавые преступления по отношению к жизни, даже проповедует их, потому что главное только польза для человека. Капитализм вместе с наукой, которая прокладывала ему путь, это в действительности осуществление христианства, церковь, как и капитализм, только «союз по интересам», а «монон» обезбоженной нравственности подразумевает одну и ту же единичность враждебного жизни «Я», которое от имени *единственного* божества Духа объявила войну бесчисленному *множеству* богов *мира*, а сегодня только соединилась с ослепшей Вселенской Идеей, которая некогда противостояла Вселенной и грозила ей жестом судьи:

*Нет цветам от холода спасенья,
Дуют ветры из страны снегов.
Чтоб один вознесся надо всеми
Должен сгнуть этот мир богов.*

Тот, кто хвастается тем, что обогащается, втаптывая цветы в пыль, как теперь становится ясным, сделал человека носителем расчетливой жажды присвоения, а боги, которых он отделил от древа жизни, это вечно блуждающие души чувственного мира, который он покинул. Враждебность к изображениям, которая снесла Средневековье изнутри, как самобичевание, должна была прорваться наружу, как только она достигла своей цели: разорвала взаимосвязь между человеком и Душой Земли. В своей кровавой борьбе против всего сотворенного вместе с ним человек кончает тем, что оставляет лишь сотво-

ренное ранее им самим: вплетение в многообразие образов и неисчерпаемая полнота жизни приносятся в жертву вознесению безродной, оторванной от мира духовности. Человек отверг планету, которая родила его и питает, вместе с круговоротом всех созвездий, потому что он одержим вампирической силой, вносящей резкий диссонанс в «музыку сфер». Теперь становится ясным, что в гораздо более древнем процессе развития христианство знаменует собой лишь одну эпоху, которая началось задолго до него, скачкообразно завершилась и одновременно обрела привлекательную для Европы форму.

Сила, которая настраивает человека против мира, столь же древняя, как и мировая история. Именуемый историей процесс развития выделяемый из круговорота событий и не имеющий аналогов в судьбе других живых существ, начался именно в тот момент, когда человек утратил райское состояние и неожиданно с отчужденным взглядом оказался в трезвом аду, оторванный от бессознательной взаимосвязи с растениями и животными, водой и облаками, скалами, ветрами и звездами. Сказания почти всех народов мира позволяют нам предположить, что уже в доисторическую эпоху шла кровавая борьба между несущими новый порядок «солнечными героями» и хтоническими силами судьбы, которые в итоге вынуждены были погрузиться в лишенный света нижний мир.

Один иезуит, искусно и поучительно перевернув ход событий, объявил миф о подвигах греческого Геракла сделанной заранее кражей истории жизни христианского Спасителя! Но повсюду один и тот же смысл имеет любое новшество, с которого начинается история: над Душой возвышается Дух, надо сном

— сознательное бодрствование, над жизнью с ее становлением и преходящим характером — действие, цель которого — постоянство. В начавшемся несколько тысячелетий назад процессе развития духа — христианство только последний, решающий толчок, вследствие которого развитие вышло из состояния еще бессильного познания — состояния «прикованного Прометея», которого освободил Геракл! — прониклось волей и в убийствах, которыми с тех пор непрерывно полнится история народов для каждого, кто еще не совсем слеп, откроется истина: внемирная сила вторглась в сферу жизни.

Открыть на это глаза — единственное, что мы можем. Мы должны, наконец, перестать смешивать то, что глубоко чуждо: силы жизни и души с силами разума и воли. Мы должны понять: то, что относится к сущности «рациональной» воли разрывает в клочки «покрывало Майи», а человечество, которое отдается такой воле, в слепой ярости опустошает собственную мать Землю, пока не обратит в ничто всю жизнь и в конечном счете самое себя.

Ни одно учение не вернёт нам того, что однажды потеряно. Повороту к лучшему могло бы помочь внутреннее изменение жизни, но вызвать его — не в человеческих силах. Мы уже говорили выше, что древние народы не проявляли интереса к открытию тайн природы посредством опытов, к порабощению её машинами и к победе над ней хитростью; теперь мы добавим — для них это была бы аскеза, гнусность. Леса и источники, скалы и гроты были для них полны священной жизни, с вершин высоких гор боги посылали ливни (поэтому, а не из-за отсутствия «чувства природы», на них не поднимались!), бурями и градами они угрожали или сулили победу в

битвах. Когда греки строили мост через реку, они просили у речного бога прощения за своеволие человека и приносили ему в жертву напитки, у древних германцев преступление против дерева было смертным грехом. Отчужденный от планетарных потоков, современный человек видит в этом лишь детские суеверия, он забыл, что цветы, от которых исходили фантастические толкования, росли на древе внутренней жизни, забыл знания, более глубокие, чем вся его наука, забыл о созидающей мир силе всеобъемлющей любви. Только если она снова возродится в человечестве, могут зарубцеваться раны, который нанес его матери Дух.

Почти сто лет прошло с тех пор, как она словно из тайных источников в глубине многих сердец действительно возродилась в незабываемых мечтах тех молодых мудрецов и поэтов, которых из-за неверного понимания называют «романтиками». Надежды их обманули, буря утихла, их знания забыты, поток стал мелким, «пустыня растет». Но, как и они, мы готовы поверить в чудо, надеясь, что будущее поколение увидит осуществленным то, о рождении чего словами провидца говорил Эйхендорф, так описав их в своем произведении «Предчувствие и современность»: «Мне кажется, наше время можно сравнить с долгими, неясными сумерками. Свет и тени ожесточенно сражаются друг с другом чудесными массами, еще не разделившись, между ними с роковой тяжестью пролетают темные облака, и неизвестно, несут они смерть или благословение, а мир лежит внизу в долгом, угрюмом ожидании. Снова показываются кометы и чудесные небесные знаки, снова ночами бродят призраки, сказочные сирены снова всплывают, словно перед близкой бурей, на

поверхность моря и поют, всё указывает предупреждающим, окровавленным пальцем на большую, неизбежную беду. Нашу молодежь не радуют больше беззаботные, легкие игры, она не испытывает радостного спокойствия, как наши отцы, и рано осознаёт серьёзность жизни. В борьбе мы родились, в борьбе живём и, побежденными или победителями погибнем. Из волшебного дыма нашего образования возникает призрак войны, в доспехах, с бледным лицом мертвеца и окровавленными волосами; его глаза привыкли к одиночеству, а теперь он уже видит, как в чудесных облаках дыма тихо строятся, готовясь к борьбе, боевые порядки. Погибнет тот, кто встретит это время неподготовленным и не вооруженным. И как многие, мягкие, предрасположенные к веселью и радостной поэзии, неверно представляющие себе мир, он скажет самому себе, как принц Гамлет: Горе тому, кто пришел в мир, чтобы его обустроить! Потому что мир опять трещит по всем швам, начинается неслыханная борьба между старым и новым, страсти, которые сейчас тайно ползают, сбросят свои личины и, пылая безумием, бросятся с зажженными факелами в хаос и словно развернется ад, правые и неправые, обе партии в слепой ярости будут меняться местами. В конце концов, ради праведных произойдут чудеса, новое и вечно старое солнце прорвется сквозь ужасы, гром будет греметь только в дальних горах, белый голубь полетит по синему небу и заплаканная Земля поднимется как освобожденная Красавица в новой славе».

СОЗНАНИЕ И ЖИЗНЬ

(1915)

Слово сознание обычно понимается двояко: как совокупность всего пережитого или как осознание переживаемого. При переживании мы находимся внутри себя, при его осознании — вне себя. В одном случае мы имеем реальность в себе, в другом — только в соотношении с другим. Жизнь не нуждается в умственном осознании для того, чтобы существовать, а умственное осознание нуждается в наличии жизни для того, чтобы стать реальным. С учетом этого, для учения о сознании принципиально важно, то или иное состояние обозначается этим словом. Само по себе оно как существительное, образованное от неопределенной формы глагола, «я осознаю себя (как вещь)», несомненно, обозначает осознание, и можно было бы только радоваться, если бы научный язык, в полном соответствии с разговорной речью, использовал бы его только в этом значении. К сожалению, он делает это, сам того не сознавая таким образом, что вся психология основывается на *πρῶτον ψεύδος*¹¹⁰, последствия чего просто невозможно себе представить. Прежде чем заняться этим вопросом необходимо сделать предисловие.

Даже когда под сознанием понимается умственное осознание, есть два вида неосознанного на языке современной науки: неосознанное в узком смысле слова и незамеченное. Читатель может вспомнить об

¹¹⁰ Лже-начало (греч.).

этом различии по тем примерам, которые десятками приводятся в литературе по этому вопросу. Никто не может осознать в один миг все то, чему он когда-либо учился, хотя где-то в подсознании он готов к тому, чтобы сознательно ответить на надлежащие вопросы. Здесь определение характерологической сущности, а именно опыта, которым мы обладаем, как подсознательного явно направлено на то, чтобы довести до сознания капитал, который может быть задействован в любой момент. Иначе обстоит дело, когда мы в определенный момент где-то переживаем, но не учитываем одновременно всё пережитое. Так, углубившись в чтение увлекательного романа, человек может прослушать бой стоящих перед ним часов и не заметить, что у него озябли ноги. Позже он может вспомнить, что пробили часы, и почувствовать неудобство от озябших ног, не понимая до этого, почему испытывает неудобство. Коснемся ещё одной области: чем больше какое-либо событие волнует нас душевно, тем меньше мы можем уделить внимание нашему состоянию: человек забывается, говоря поучительно, от гнева, ужаса или бурной радости.

После этого беглого обзора мы уже достаточно подготовлены к тому, чтобы в масштабах мировой истории показать, в какой мере понятие сознание стало источником бесконечно множившихся заблуждений.

Не без оснований мы охотно ставим в начало духовного развития нового времени знаменитую формулу Декарта¹¹¹ «*cogito ergo sum*». Но её штампованный перевод «я мыслю, следовательно, я существую» не передает её смысла без пояснений. Под словом «*cogitare*», которое употребил Декарт, мы

¹¹¹ Декарт Рене (1596–1650) — французский философ, физик и математик, основатель картезианства.

понимаем сознание вообще, т. е. не только мысли, но и ощущения, чувства, желания, даже сны. Не может быть сомнения только в том, что этот философ имел в виду не восприятия, представления и чувства сами по себе, а только те, что осознаны. Только тот, кто видит главную деятельность сознания в понимании и оценке, может защищать принцип «*mens est res cogitans*» (разум это мыслящий орган). Но тем самым он (по причинам, анализ которых увел бы нас далеко в историю развития человеческого духа), не доходя до мысли об их разделении путает наше осознание переживаемого с самим переживаемым и на все грядущие времена своим определением сознания закрывает путь определению жизни, которое только и могло бы сделать его осмысленным.

Подумаем ещё раз над тем, что в картезианской формуле поражает нас еще больше, чем постановка на первое место собственного «Я». Декарт говорит о сознании, словно о совокупности всего пережитого, но имеет в виду его осознание. Ставя способность к суждению на место переживания, он приносит весь наш внутренний мир в жертву чистому познанию! Со свойственной ему замечательной последовательностью, Декарт не уклоняется от таких выводов, как: весь мир — взаимосвязь сил, поддающихся расчету; животные — бездушные машины; душевные порывы у людей — своего рода психические заболевания, «*perturbationes animi*»! Но эти ясные тезисы содержит в себе кричащие противоречия. Начать с того, что в мнимой противоположности «*cogitare*» и «*esse*» сомнительна только постановка сознания выше бытия, столь же бесплодная, как и популярное противоположное утверждение: бытие — основа сознания. С тех пор обострился спор меж-

ду двумя издавна враждующими лагерями метафизиков — «материалистами» и «идеалистами», за нескончаемой борьбой которых злой гений обмана пытается скрыть стремление к знанию того, что ни «cogitare» ни «esse», ни дух, ни материя, а жизнь важнее того и другого для смертного существа!

Если мы будем выводить дух из материи или материю из духа или из их изначальной полярности, как в учении о психофизическом параллелизме, всё это не вернет нас к тому, о чем мы заведомо забыли при нашем расчетливом подходе: о реальности жизни. Дух познает, бытие есть и только жизнь живет! Дух и бытие — вне времени и универсальны, только жизнь — во времени и индивидуальна и без нее мы, как смертные существа, не знали бы ни о духе, ни о материи. Но отвлечемся от того, чему учат в школе, и вернемся к вопросу о сущности сознания.

Сознание не поток переживаний, оно возникает когда его, как молния, освещает понимание. Мы обращаем внимание на формы, в которых, как мы уже знали по опыту, проявляется жизнь или, по крайней мере, органическая жизнь. Взять, например, растения. Никогда, ни один народ не сомневался в том, что они живые. Неискаженное мышление первобытных народов склонно к тому, чтобы в буйной растительности девственного леса скорее увидеть полноту жизни, чем в беспокойной подвижности животных, — в это уходит своими корнями культ деревьев, почти повсеместный в доисторическую эпоху. Никто, если он не впал в описанное выше заблуждение, не будет приписывать растениям сознание с даром понимания того, что такое солнечный свет, и осознанием своего ощущения света.

Теперь мы можем сразу же перейти к следующему пункту, к случаю, когда познание и жизнь явно расходятся.

Основа материальной жизни, как в растительном, так и в животном мире, как известно, одинакова — это клетки. Жизнь присуща всем телам, состоящим из клеток, но, как таковая, она совершенно и навсегда закрыта для сознания. В каждом из нас, путем миллионов смертей и рождений отдельных существ, клеточная жизнь продолжается без малейшего перерыва, восходя к первым комочкам протоплазмы в покрывавшем планету изначальном океане, тогда как наше сознательное воспоминание не помнит даже о жизни зародыша в утробе матери, не говоря о переживаниях наших дедушек и бабушек. Если жизнь в нас только на какой-то миг показавшийся лицевой стороной поток, который непрерывно течёт дальше и восходит без перерывов к эпохе образования кристаллических сланцев, то сознание ограничено буквально исчезающим по сравнению с ней временем бытия отдельного человека. Как же можно путать жизнь и сознание?

Во внешнем мире легко найти подтверждение того, что сознание лишь подобно зарнице, которая снова и снова вспыхивает на воде жизни, освещая узкий круг, а дальние горизонты остаются в недоступной для сознания тьме, мы каждый день получаем свидетельство этого. Если мнимая психология оставляет дары провидения, начиная с предчувствий, снов и инстинктов и кончая телепатией, ясновидением и видимым сомнамбулизмом, явлений, которые более просвещенные романтики объединяли под названием сознания полярной ночи, частично отдает на откуп т. н. оккультистам, частично медицинскому полужнанию, это не выражение простого пробела, а

одностороннего паралича мысли, основа которого — интеллектуалистическая недооценка жизни. На первом месте должно стоять понимание того, что к природе мыслящего сознания относится его приверженность ритмической смене зажигания и нового угасания, понимания и понятности, бодрствования и сна. В непрерывности протекает и отдельная жизнь, короткий промежуток времени между рождением и смертью; ее спутник в нас — сознание, на треть каждого дня в какой-то мере лишается сил и ночью, во сне, не знает ничего ни о собственном «Я», ни о внешнем мире. Нет более доказательного свидетельства различия сознания и жизни по их сути. Тот, кто сводит их воедино, должен утверждать, что спящий мертв и каждым утром воскресает. Но во сне мы не ближе к смерти, наоборот оздоравливающие, восстанавливающие, сохраняющие силы жизни наиболее эффективны в глубоком сне, о чем нам сообщает сказочное творчество древних эпох, — сны в пещерах божеств Земли и в храмах Асклепии давали намеки и знаки, как вести жизнь, чтобы быть счастливым, и прежде всего — как восстановить здоровье больных. Мы все знаем это, но многие забыли это из-за шума своего дневного мышления. Даже расчётливые трезвые люди вспоминают, что, по крайней мере, в молодости, с ними бывало так, что при пробуждении им казалось, будто материнские руки защищают душу от неумолимого света, и загадочная ностальгия по скрытым сокровищам их ночной жизни была полна предчувствий. Откровение подобных состояний заключается в том, что она объясняет мифы о потерянном Рае, о Золотом и Серебряном ве-

ках, когда, по выражению Гесиода¹¹², люди были подобны вечным детям или вросшим в землю растениям. Встав подобно Гераклу перед выбором между жизнью и духом, человечество предпочло путь мысли и воли и подобно ему нашло на этом пути страдания, заботы и опасные приключения.

Мы показали, что жизнь это одно, а понимание — другое и нашли в результате отличительный признак сознания. Теперь мы попытаемся изложить, какой вывод о сущности жизни следует из этого и какие преобразования необходимы во всех естественных науках, чтобы им когда-нибудь удалось отбросить механистичность учения о жизни. Для этой цели мы начнём с опровержения постулатов веры в то, будто и жизнь это нечто механическая, а живое тело по своему характеру это искусно сделанная машина.

Попытаемся целиком вникнуть в процесс осознания и возьмём для этого его самую простую и одновременно основную форму: восприятие. Что собственно мы воспринимаем? Этот вопрос может показаться странным, и нам могут возразить, что общий ответ на него невозможен. Куда направлены наши чувства, туда за ними следует и наше восприятие бесчисленных объектов: пространства, всего, что оно вмещает, безграничного многообразия вещей, таких как камни, растения, животные, люди, дома, страны, горы, облака, воды, звезды и столь же разнообразные движения этих и других вещей. Такой ответ, хотя и без умысла, уже говорит нам то, что мы хотели знать. Всё перечисленное это вещи или вещественные предметы. Мы воспринимаем вещи и вещественные процессы, покой и движение, приближение и

¹¹² Гесиод (VII–VI вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, рапсод.

удаление, приход и уход таким образом, что мы не можем представить себе иного восприятия.

Для тех, кто ближе знаком с этими вопросами, сделаем промежуточное замечание. Начиная с Локка¹¹³ постоянно говорят о внутреннем восприятии, благодаря которому мы можем знать о духах и их действиях, как благодаря внешнему — о чувственных предметах. Мы, напротив, разделяем с большинством современных психологов мнение, что мы узнаем о внутреннем благодаря не восприятию, а самосознанию. Увиденные таким образом предметы тоже становятся реальными, хотя мы имеем дело не с пространствами, движениями и телами, а с духами, их оценками, мнениями и желаниями; они тоже уподобляются вещам, поскольку они тоже противостоят нам во времени как неизменные, постоянные объекты. Это всё, что можно сказать о внутреннем восприятии.

То, что сказано о понимании воспринимаемого, относится к пониманию вообще: это понимание предметов и ничего более. Мы хотим сказать, что *чистое понимание не даст нам ни малейших сведений о жизни*. Если мы представим себе Дух, который только Дух и ничто иное, как учит христианство, когда речь идет о божественной сущности, то его всеведение, хотя оно предполагает бесконечное будущее, все же имеет предел. Такой Дух мог бы видеть и знать всё, только о жизни он не знал бы ничего¹¹⁴. Воспринимая тела и их процессы он сразу же проникал бы в их внутреннюю структуру и с одного взгля-

¹¹³ Локк Джон (1632–1704) — английский философ и педагог, яркий представитель эмпиризма и либэрализма.

¹¹⁴ Если говорить точно, «чистый» Дух не мог бы воспринимать и вообще существовать. Здесь тот самый предел: носитель Духа, чем больше он освобождается от жизненности, тем меньше он способен к пониманию живого вне себя самого. — *Прим. автора.*

да понимал бы то, что мы узнали об игре атомов и флюидов после многовековых исследований, но он не смог бы предположить наличие живого в их движениях. Движения ползающих, бегающих и летающих животных принципиально не отличались бы для него от падения камней, веяния ветра, прибоя волн, изменения формы растущих растений — от изменения формы постепенно разрушающихся гор. И то, и другое было бы для него только формой существования механически движущихся вещей и молекул. Не мог бы он представить себе и духи в их самых тайных движениях еще до рождения. Не дошел бы он и до той мысли, что их надо поставить в какую-то связь с телами. Находясь вне пространства, они были бы везде и нигде. Духовное не стало бы жизненным выражением телесного, а телесное — сферой действия духовного. Мир распался бы на две враждебные друг другу половины: бестелесную духовную и механически телесную, им не хватало бы, перефразируя стих Гёте, «живой связи»!

Описанное здесь — не фантазия а только нелицеприятное воспроизведение того основного убеждения, которые со времен Платона и решающим образом с эпохи Ренессанса господствует в философском мышлении. С одной стороны материя, с другой дух. Материя пространственная и телесная, подчиняющаяся механическим «законам». Дух — бестелесный, вне пространства, «свободный» в своих действиях. Это такое же разделение мироощущения как в картезианском «*cogitare*» и «*esse*». Мы взяли его за исходную точку в качестве доказательства того, что мы не будем иметь понятия о жизни, если не изменим сознание. Теперь мы можем сделать дальнейший шаг и констатировать, что познание по своей

природе может познавать *только вещи и механизмы*. Мыслящее сознание не только неспособно вывести себя из жизни, но и имеет свойство убивать жизнь! То, на что падает луч духа, сразу же превращается в чистый предмет, в исчислимый объект мышления, механически взаимосвязанный с другими объектами. Внешне противоречивый постулат новейшей мудрости «Мы воспринимаем только мертвое» в краткой форме выражает смысл познания.

Но если механическое и безжизненное — взаимозаменяемые понятия, то не будет ли необдуманной с нашей стороны (по примеру многих современных биологов доброй воли) попытка доказать на примерах процессов в живом теле, что оно не машина? Тело — машина в той мере, в какой мы его «осознаем», но навсегда останется непознанным в какой мере оно живое. Мнение, будто мертвое может производить живое, не просто эмпирическое заблуждение, а заблуждение мысли, не менее абсурдное, чем принятие метров, килограммов или атомных весов, с помощью которых рассчитываются естественные процессы, за их причину и источник. Если продольные колебания это еще не сами звуки, а только поддающаяся расчету предметная основа звучания, то и химико-физические процессы в живом теле это не его жизнь, а то, что остается в отрыве от нее как подчиняющееся количественным законам свойство ее вещественного носителя. Так что же, мы должны отказаться от всякого исследования жизни?

Мы, действительно, должны отказаться от него, пока мы остаемся в рамках чистого «*cogitare*», потому что исходить всегда можно только от «*esse*» и не считать возможным никакой иной способ понимания, не тот, который соответствовал бы точному

определению. Можно оставить на волю каждого называть «наукой» то, что в конечном счете является знанием тайны, только пускай он не путает свою неприязнительность с отсутствием уверенности. Вспомним, что побудило нас к восприятию живого, вынудило нас выдвигать такую гипотезу, над которой бьются даже механистически мыслящие естествоиспытатели. Жизнь не воспринимается, но чувствуется с затмевающей всё силой. И мы должны только осознать это чувство, чтобы с уверенностью понять реальность живого — вне его не может быть ничего более несомненного. Даем ли мы оценки, высказываем мнения, выражаем желания, мечтаем или фантазируем, нас несет и пронизывает один и тот же поток стихийного чувства жизни, которое ни с чем не сравнимо, ни к чему не сводится, не выдуманно и не может быть разложено на части, но никогда и не может быть понято. И поскольку мы сами чувствуем себя живыми, живое открывается нам и в образе мира. Кратко формулируя — мы переживаем свою жизнь и сопереживаем в ней чужую. Отсюда следует, что мы можем получить точное знание о жизни лишь в той мере, в какой мы сами глубоко в неё погружимся, дабы сохранить в бодрствующем сознании воспоминания о ней. Не предметность внешнего и внутреннего восприятия с его коренными понятиями вещи, силы, причины, следствия, движения, а только осознание пережитого может стать основой биологии. Только из глубин жизни народного духа может она вывести свои асимптотические формулы в эпоху общего опошления, заботясь и о росте растений на континентах лишенных лесов.

Итак, мы дошли до основы мировоззрения, для которого механическое и поддающееся расчёту не

обладает самостоятельным бытием, а является только мысленно обособленный стороной всежизни. Никогда на Земле не могла возникнуть ни одна живая клетка, если бы сама Земля, если не вся Вселенная не была бы проявлением жизни. И падение камней, и образование облаков и проливные дожди это проявление жизни. В первую очередь, жизни Земли, а во вторую и более обширных жизненных взаимосвязей планетных систем и созвездий, которые по длительности своего существования настолько превосходят человеческие мерки, что для нашего опыта их старение незаметно по сравнению с кажущейся неизменностью их основных свойств, которые доступны при механическом наблюдении природы. Любая глубоко проникающая метафизика должна предполагать изначальную реальность жизни, как математика — свои основные истины. Исходя из нее, она поймет и механические черты, которые живое открывает для чистого разума, но не жизнь, исходя из них. Основными вопросами должны быть следующие: какое событие планетарной жизни вызвало к жизни клетку, и на какие преобразования она еще способна; что означает в живой вечности ритм возникновения и исчезновения, жизни и смерти; как макрокосм влияет на микрокосм.

Сегодня много и охотно говорят о прогрессе. Предостерегающие голоса, которые несомненное увеличение силы человечества при покорении (и, к сожалению, уничтожении) природы считают недостаточным для компенсации столь же несомненной утраты духовных ценностей, прирост таких знаний, которые в будущем могли бы излечить нанесенный вред. Но даже если мы отвлечемся от того, что можно знать многое и не стать от этого мудрым, можно установить порядок, лишённый красоты, мы должны

отвергнуть гегемонию того направления, которое определяет научные исследования нового времени. Проведена гигантская работа по изучению мировой механики (в самом широком смысле слова), ничего равноценного которой в древности не было, но безнадежно заброшены несравненно более важные и всеобъемлющие вопросы жизни. Хотя никогда не было недостатка в тех, кто хотел развивать древние знания, истекший век был веком техники и веры в факты, и оазисами в растущей пустыне прогресса были мечтательные учения романтиков о жизни и воинственная религия жизни Ницше. То, что они заимствовали пригодные инструменты у точных наук, не помогло им превзойти великолепные достижения, одним из которых на полумифической заре европейской мысли был т. н. гилозоизм греков. Тот, кто с любовью и пониманием углубится в символический язык досократиков, придет к убеждению, что в последующее время, хотя двойной вершиной эллинской мудрости считаются Платон¹¹⁵ и Аристотель¹¹⁶, они ни по глубокомыслию, ни по кругозору, не превзошли знания, великолепные руины которых мы привыкли связывать с именами Фалеса¹¹⁷, Анаксимандра¹¹⁸, Гераклита, Эмпедокла¹¹⁹, а также с пифагорейцами. Эти ясновидцы были по меньшей мере на

¹¹⁵ Платон (ок. 427 г. до н. э. – 347 г. до н. э.) — древнегреческий философ, один из основателей идеалистического направления в философии.

¹¹⁶ Аристотель (384–322 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, основоположник формальной логики.

¹¹⁷ Фалес Милетский (640/624 г. до н. э. – 548/545 г. до н. э.) — древнегреческий философ и математик, представитель Ионической натурфилософии.

¹¹⁸ Анаксимандр Милетский (611–546 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, представитель Милетской школы натурфилософии.

¹¹⁹ Эмпедокл (ок. 490 г. до н. э. – ок. 430 г. до н. э.) — древнегреческий философ, государственный деятель и врач, автор концепции четырех стихий.

пути к тому, чтобы понимать мировую науку как учение о жизни и считать всё механическое лишь побочными проявлениями живого. Какие экспериментальные средства, методы и основные понятия были в их распоряжении и позволили им изменить учение о природе в своём смысле, мы не будем здесь уточнять. Может быть, позже нам удастся кое-что добавить и показать в дальней перспективе, какие возможности эта новая установка открывает для биологии в узком смысле слова.

О ПОНЯТИИ ЛИЧНОСТИ

(1916)

Тот, кто убеждён, что психология должна быть чем-то иным и бóльшим, нежели простой разновидностью познания, неизбежно придет к науке о характерах, в связи, с чем встанет вопрос о ее предмете и о понятии личности, причём мы заведомо отвергаем более узкое употребление этого слова, когда личностями называют только исключительных людей, которым воздают хвалу. Но, поскольку определение понятий это всегда и определение сути того, что обозначает понятие, так что определение вообще и особенно в психологии, говоря словами одного английского логика это «часть открытия». Мы не можем определить суть личности, пока не знаем, где её искать и в чём она выражается. Есть ли вообще нечто подобное, и если есть, это нечто единое или многообразное, элементы чего взаимосвязаны по понятным правилам? Такие вопросы необходимо поставить и принципиально решить, прежде чем определять понятие личности.

Здесь, прежде всего, надо избавиться от одного предрассудка. Есть психологи, которые в своей науке если и не исключают понятие души, то считают его излишним и настоятельно дают понять, что можно говорить о мыслях, чувствах и желаниях, но не о способности мыслить, чувствовать и желать. Они оказываются в положении натурфилософов, которые внешние вещи, о которых они вынуждены постоянно говорить, считают опасными для мышления выдум-

ками и заменяют их «пучками восприятий». Надо только повнимательней присмотреться, и сразу станет заметно, что эти ученые избегают только названий, но не самих вещей, поскольку одни из них по-прежнему вынуждены иметь дело с телами и их свойствами, а другие — со свойствами души. Своеобразие нашей мыслительной способности, т. е. нашего разума, о чем подробнее будет сказано ниже, необходимо соотнести с чем-то идентичным застывающему во времени, с предметами, т. е. мышление это овеществление, предотвращение «бегства явлений» путем привязывания их к сущему как его выражение и способ действия. Можно видеть в этом пределы познания и важно осознавать их и не выходить за них, потому что мысль боязливо держится за все слова, которые обозначают стабильный субстрат, чтобы группировать вокруг них изменяемое, поскольку мы хотим его познать. Поскольку мы привыкли смотреть духовным взглядом и на наши переживания, мы вынуждены волей-неволей остановить переживаемое, нечто содержавшееся в переживании или выраженное в нем, и придать его свойствам, постоянным или переменным, форму, которая позволит объяснить переживание. Если кто-то против слова способность, потому что раньше было в ходу учение о способности, которое ее выдумало вместо того, чтобы открыть, то можно использовать другие слова — задатки, предрасположенность, тенденции — это дела не меняет.

Под словом душа мы понимаем сначала не что иное, как основу возможного переживания. Но сразу же встает вопрос, тождественна ли она с личностью.

Самое простое рассуждение заставляет ответить на этот вопрос отрицательно. Личностью в лю-

бом случае может быть человек, но не существо, которое хоть и имеет душу, но еще не обладает личной сущностью, как грудной младенец или все животные. Если предположить, что и животные способны к переживанию и имеют душу, то понятие души более широкое, а понятие личности — более узкое. Единственно возможным возражением будет утверждение, что все движения животных чисто механические, в их основе не лежит какое-либо переживание. Этот взгляд, выросший из христианского враждебного отношения к природе, хотя он никогда практически не принимался вполне всерьёз, хотя он до сих пор существует в биологии, со всей научной строгостью опровергается тем обстоятельством, что по крайней мере все «высшие» животные совершают физические действия, которые мы принимаем за выражение чувств. Поскольку, в конечном счете, только по выражению мы можем судить о психической жизни других, мы будем последовательными, отрицая чувства и у человека, который отрицает выразительное значение движений животных. Предположение о психической жизни животных ничуть не гипотетичней предположения о духовной жизни наших ближних, и мы без вопросов исходим из него при обращении с животными. Если человек стегает лошадь, потому что она не хочет двинуться с места, или дает ей сахар как вознаграждение за тяжелую работу, он исходит из ее способности к переживанию и относится к ее действиям так же, как к действиям человека. Живые существа способны к переживаниям, а значит — имеют и душу. Любое животное обладает душой, но не является личностью.

Теперь можно с уверенностью сказать, что любая личность отличается от любой другой не только

как единица, но и по своему типу, и можно попытаться найти личные черты отдельной души в особенностях характера. Личности различны, но столь же несомненна их связь с лицом, которое делает их различными. Характерные особенности имеет любая душа. Никто не сомневается, что эскимос переживает зимний холод иначе, чем негр, а кит чувствует себя в воде не так, как лев тропической саванны, орел переживает не так как корова, чайка не так, как рыба, тля не так, как слон. И то, что несомненно по отношению к видам, внимательный глаз заметит и на примерах отдельных существ. Ни одна собака не имеет такого же характера, как собака соседа, и даже одна муха менее пуглива и более назойлива, чем другая. Хотя такие наблюдения объявляют не показательными, и запрещают делать неоспоримо верный вывод о доказуемом своеобразии каждого животного тела на основе своеобразия выражающей себя в нем души, мы можем закончить краткий экскурс в природу переживания, чтобы обрести полную уверенность в том, что каждая душа обладает и своеобразным характером.

Если что-то можно утверждать относительно любого переживания, то лишь одно: оно протекает во времени. Не только одно переживание сменяет другое с перерывами во времени, каждое переживание в отдельности длится определенный срок, который можно делить на сколько угодно отрезков. Наша жизнь не начинается сначала с каждым переживанием, потому что субстрат жизни устанавливает взаимосвязи между переживаниями, давние и недавние сохраняются в нем (всегда одним и тем же способом). Самый беглый обзор опыта подтверждает правильность формулировки: каждое переживание оставляет в переживающем след, из-за чего, например,

влечение, если оно часто повторяется, соотносится с изменяющим его целым. Когда мы воспринимаем какую-то вещь во второй раз, мы обнаруживаем, что наше переживание, вызванное тем же предметом, изменилось под влиянием чувства знакомства с ним. Если восприятие повторяется достаточно часто, может случиться так, что вещь, которая сначала нас сильно к себе влекла, теперь вообще ускользает от нашего внимания, потому что стала слишком привычной. Другой пример пластичности переживающей души — упражнение. Если мы добровольно делаем что-то во второй раз, мы прилагаем для этого меньше усилий, чем в первый раз, а после сотни повторов не нужна будет и воля, действие станет автоматическим, как пульс или дыхание. Одушевленная телесность отличается от неодушевленной способностью запечатлевать каждое переживание на носителе жизни, поэтому мы вправе говорить, что в настоящее, тормозя его или стимулируя, вторгается прошлое (включая и прошлое предков!). Поскольку в любом случае немислимо, чтобы даже за короткий срок одно существо пережило бы в точности то же самое, что и другое, то даже при первоначальной одинаковости они вскоре начнут различаться и мы можем установить закон: характер относится к сущности психики.

Я позволю себе здесь отвлечься для критики. Если у каждой души есть свой характер, то не может быть переживания, которое не получило бы от него указаний и не стало бы в результате отличным от всех переживаний всех других душ. Поэтому мы видим, что понятия общих психических процессов, таких как восприятие, чувство, представление, мышление, желания возникают в результате мысленного разложения, которое оставляет в стороне от подлин-

ного переживания то, что является в нем признаком души и ключом к вратам жизни! Если не бороться против этого метода, обнаружится, что мы никогда больше не сможем найти обратные пути к душе, пока не забудем этих понятий в процессе обучения и перестанем ставить их как заплаты на душу. Ниже еще будет сказано о причинах этого дефекта, которые, к сожалению, еще присущи сегодня большинству психологов. Не следует также думать, будто трудно перенести индивидуальное своеобразие переживания на якобы простые процессы. Конечно, любой первобытный человек чувствовал, что огонь жаркий, лед холодный, а вода влажная, но у одного это чувство было сильнее, у другого — слабей, и у каждого возникало при этом совершенно своеобразное представление о своем состоянии, которое без каких-либо исключений обособляло его до полной несхожести. Якоб Бёме¹²⁰, как известно, обрел внутренний свет, который вспыхнул во внешнем мире и осветил бездны метафизики. Озарение сошло лучом от оловянного блюда.

Раз мы установили, что личность получает свое индивидуальность от своеобразия переживающей души, то должно существовать нечто *неразлично общее*, что придаёт душе форму *персональной души*. Это подтверждается, как мне кажется, разговорной речью. Мы называем любого взрослого человека персоной, независимо от того, хороший он или плохой, мягкий или жестокий, независимо от его характера. Мы говорим о каком-то человеке, что он явился собственной персоной, что у нас с ним персональная связь, что он лично подписался и т. п. совершенно не

¹²⁰ Бёме Якоб (1575–1624) — немецкий теософ, проповедник христианского мистицизма, основоположник западной софиологии.

думая о его характере или физическом облике. Если мы, например, застали его спящим, персональное знакомство с ним не доставит нам удовольствия, хотя может быть при его виде мы вспомним об определенных свойствах его характера. То есть, что-то из того, что делает каждую особь единственной, незаменимой формой проявления жизни, не может ни в малейшей степени способствовать возникновению из него личности, это происходит, наоборот, благодаря силе, природа которой сравнима только с общими понятиями. Это сразу же приводит нас к положительному определению. Любая жизнь, любое событие имеет преходящий характер, следовательно, находится в постоянном потоке, только наши понятия о них не текут вместе с ними. Если я однажды усвоил, что такое красное, кислое, тьма, то одно раз и навсегда значение красного, кислого и темного, я как никогда больше не меняющееся мерило буду применять к непрерывно меняющейся действительности, разделять ее, упорядочивать, упрощать. Отвлеченное, возникшее в результате абстрагирования, не имеет связи с течением времени, а застывает во вневременном однообразии. Но оно действительно лишь в том случае, если оно на самом деле всеобщее, т. е. распространяется и на силу, которая превращает живое существо в живую *личность*. Теперь давайте подумаем: характер человека может меняться на протяжении жизни, и часто меняется столь сильно, что мы вынуждены признать: мы не обнаруживаем больше его прежнюю сущность, но это не мешает нам принять его носителя, как и прежде, за ту же самую личность. Что же это, присущее нам вечно единое и в обилии надежд юности, и в утрате их в старости, представленное в каждом носящем имя человека? На

это есть лишь один ответ: «Я». Только человек переживает его и должен научиться думать и говорить: «Я» это «Я». Только человек переживает и знает: Я был и Я буду. В его переживание вросла ось вневременного и поэтому постоянного по отношению ко времени, тождественного с самим собой «Я». Только он испытывает печаль при исчезновении счастливого вчера и боится угроз беспокойного завтра, потому что нечто в нем не затрагивается потоком времени и всегда остается самим собой: его «Я». Животное и грудной младенец оба живут в полноте или пустоте мгновения, живут почти непрерывно в «некогда» или «когда-то», потому что только в них закрепляется то, что может соотноситься с самым отдаленным временем: остающееся неизменным вне времени, тем же самым закрепляющее «Я». *Личности это носители жизни, душа которых превращается в созвездие вокруг их «Я».* Но мы несколько забежали вперед.

Ребенок учится этому с трудом и позже будет вспоминать о своем удивлении от того, что смысл словечка «Я» содержится и в словах «ты» и «он», что доказывает единообразие природы «Я» во всех существах, им обладающих. Подобно жизни вообще протекает и наша собственная жизнь, но подобно тому, как понятие не течет вместе с ней, застывает в бытии или существует наше «Я». Поэтому в силу инстинктивной нужды, не задумываясь над этим, мы называем человеческое существо и только его также «экзистенцией», желая выразить тем самым, что многие «экзистенции», т. е. существования, могут быть нарушены, уничтожены, повреждены. Животные могут потерять свою жизнь, но люди могут потерять также «экзистенцию», т. е. сферу действия своего «Я». Обе эти черты, вневременность и неде-

лимость, мы находим уже в ранних таинственных учениях греков. У них был бог индивида, его звали Аполлон, широко известную надпись на его храме «Познай самого себя» уже древние эзотерики толковали правильно: «Познай свое “Я”, так как это прообраз любого бытия». Самый глубокий вывод ранней истории мысли о сути «Я» дает нам рассказ Плутарха¹²¹, помещенный в Элевсинские мистерии «О слове “эй” в храме в Дельфах». Там от древней надписи остался только жалкий обрывок, состоящий из слога «эй», понимаемого как слова «ты еси». Эти буквы, говорит Плутарх, «не указывают ни на число, ни на ранг, ни на соединительное слово, ни на другие части речи, они сами по себе означают обращение и привет Аполлона, вызывая в душе того, с кем он говорит, представление о силе бога. Аполлон встречает каждого кто приходит к нему словами “Познай самого себя”, это приветствие ничуть не хуже обычного “Хайре”, т. е. “Привет тебе” или “Возрадуйся”. Мы отвечаем ему выражением “Эй”, т. е. “ты еси”, приветствуя его настоящим, искренним, единственно достойным его способом, взятым из его бытия, так как, в сущности, мы не можем предъявлять никаких претензий к существованию (“экзистенции”), любая смертная натура всегда парит между возникновением и гибелью и имеет темное и неясное представление о себе самой, некий фантом. Напрягая свой ум, чтобы вполне понять себя, она достигает такого же результата, какой дает сильное сжатие воды — от давления и сжатия она растекается и высыхает. То же происходит и с мышлением, если оно стремится создать слишком ясное представление о каком-либо

¹²¹ Плутарх Местрий (ок. 46 г. – ок. 127 г.) — древнегреческий философ и писатель, римский гражданин и общественный деятель.

подверженном случайностям и изменениям существе, которое то появляется, то исчезает, и не может уловить ничего устойчивого, действительно существенного. Гераклит говорил, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так как и смертное существо не может дважды обрести одно и то же состояние, при резкости и скорости изменений, оно то рассеивается, то соединяется, то приходит, то уходит. Поэтому ничто возникающее не обретает реального существования, изменения начинаются уже с семени, из которого возникает сначала зародыш, потом младенец, мальчик, юноша, пожилой человек и наконец старик, каждый раз все возникает заново, чтобы потом исчезнуть. Смешно, в самом деле, что мы так боимся смерти, мы уже столько раз умирали и еще будем умирать, ибо мужчина умирает, когда становится стариком, юноша умирает, когда становится мужчиной, мальчик умирает в юноше, младенец в мальчике. Вчерашнее умирает в сегодняшнем, сегодняшнее умрет в завтрашнем. Ничего не остается, ничто не единично, мы станем множеством, потому что только материя скапливается вокруг одного образа, одной общей формы и снова рассеивается. Как могли бы мы, если бы мы всегда оставались одними и теми же, теперь получать удовольствие от других вещей, нежели раньше? Как могли бы мы любить или ненавидеть совершенно противоположные вещи, восхищаться ими или порицать их? Как невозможно без изменения войти в иное состояние, так не может изменившийся остаться тем же, но если он больше не тот же самый, значит, его самого больше нет. Что же такое действительное существование? Оно вечно, непреходяще, не подвластно времени. Время это нечто подвижное, его делает видимым движущаяся ма-

терия, которая всегда стремится вперед и никогда не останавливается, *подобно сосуду возникновения и гибели*. Из использованных выражений потом, до того, будет, есть — уже следует вывод об отсутствии бытия, ибо было бы слишком грубо и пошло приписывать бытие тому, чего либо еще никогда не было, либо тому, что уже исчезло. Поэтому о существующем нельзя сказать, что оно есть или будет, ибо это лишь изменения, переходы и чередования того, что и не имеет длительного существования. Но о Боге надо сказать: Он есть и не в течение определенного времени, а в неподвижной, вневременной и неизменной вечности, для которой не существует прошлое, будущее и новое, она единственная и наполняет единственным теперь вечное бытие. В такой вечности всё действительно существует, не имея ни прошлого, ни будущего, ни начала, ни конца, поэтому мы должны выразить эту сущность словами “ты еси” или почти-тельно приветствовать ее, как это обычно делали древние “ты еси один”, так как в божестве нет множества, а существующее может быть только единственным и только единственное существует¹²². Невозможно более пластично назвать ту противоположность, которую мы исследуем, противоположность временного многообразия меняющихся душ и вневременного единообразия существующих Я, и она выявится еще более отчетливо, если мысленно разделить ее, как здесь, между двумя носителями, сотворенным человеком и бессмертным Богом.

¹²² Перевод Кальтвассера. Мысль о неделимости Бога иным способом выражена в любимой греками этимологии слова «Аполлон», согласно которой оно состоит из отрицательной частицы «а» и слова «полис» (многое), т. е. обозначает сущность, лишенную множества или многообразия. — *Прим. перев.*

Мы нашли два признака Я: точечное единство и вневременное тождество. Но это ж атрибуты Духа! Пока будет достаточно, если мы для доказательства этого примем во внимание только одно из проявлений духа, происхождение которого никогда не оспаривалось: мышление. Фундаментальные достижения духа это осмысление и его результат, о котором уже говорилось выше, предмет или в чувственном мире — вещь. Но в чем суть вещи? В точечном единстве и вневременном тождестве!

Попытаемся забыть, что наш письменный стол тоже имеет природу вещи и примем его, как это иногда делают художники, за чистое явление, за бестелесный объект зрения. Тогда мы не сможем не заметить, что он от часу к часу и даже каждую минуту становится иным. Вот он освещен и на его блестящей поверхности много пятен от теней; но вот небо затянуто облаками, и он кажется нам однообразно серым. Обойдём вокруг него и мы получим не сотни и не тысячи, а бесчисленное количество образов и сохраним их фотокопии, если при каждой остановке будем воспринимать их по одному. Или возьмем одно и то же лицо, вид спереди и сбоку; одну и ту же башню, если смотреть на нее с близкого расстояния или видеть на горизонте размером с палец; одно и тоже дерево в пламени заката и в голубом свете луны; короче говоря, если подумать о силах духовного состояния наблюдателя, не останется сомнений в том, что ему видится не неизменное единство вещи, а миллионы разных образов. И если спросить его, какой из них вполне её отражает, ответ будет: никакой. Вещь остается, а аспекты приходят и уходят, вещь остается той же, независимо от того, вблизи мы от неё или вдаль, а ее аспекты, наоборот, зависят от позиции наблюдателя.

Существо, для которого есть лишь мир образов, невозможно обнаружить вещи, так и наоборот, вещи не могут быть образами и вообще находиться в пространстве и времени, если они представляют собой стабильные точки, с которыми мы попеременно относим мысленные иллюзии. Но если такова природа вещей, то такова должна быть и сущность того, с помощью чего мы только и можем осознавать вещи, — мыслящего духа, так как только закрепляющее само себя может удерживать закрепляемое и только вневременное единое может закрепить что-то в потоке событий: «Я» это форма существования находящегося вне времени и пространства Духа¹²³.

Мы коснулись тем самым главной причины того, почему новейшие исследования упускают из вида проблему души. Первоначальная жажда познания Локка, Юма¹²⁴, Беркли¹²⁵, которые и сегодня остаются отцами большинства школьных психологов, была направлена не на природу переживания, а на природу познания. Они хотели установить, благодаря каким внутренним процессам мы приходим к вере во внешний мир и обязательному для всех знанию. Поскольку они благодаря такой постановке вопроса по необходимости пришли к выводу о всемогуществе мышления, они смешали законы духовного внутреннего мира с видовыми свойствами внедуховных переживаний. Они обнаружили процессы познания с их наду-

¹²³ Эта цепь доказательств неполная. Тот, кого интересует более широкий круг проблем, чтобы доказательства были вполне убедительными, пусть прочтет главу «О метафизике различий личностей» в моих «Основах характерологии», XI издание, Бонн, 1951. — *Прим. автора.*

¹²⁴ Юм Дэвид (1711–1776) — шотландский философ, экономист и историк, деятель шотландского Просвещения.

¹²⁵ Беркли Джордж (1685–1753) — британский философ, епископ Клойнский, создатель спиритуалистической философии.

манными основами, а то, что они упорно не признавали, это характерные особенности переживающей души. Ничто не может защитить нас от этого заблуждения, кроме убеждения в том, что только дух един, а душ бесчисленное множество. И наоборот, ничто не может быть лучшим доказательством этой единственности, чем, то бесспорное обстоятельство, что для каждого человека, поднявшегося на ступень личного бытия, истина неизбежно будет единой для души лопарей, ненцев или огнеземельцев, древних вавилонян или жителей современных городов. Даже для тех, у кого самый ненормальный характер пока он здраво мыслит $2 \times 2 = 4$, так как и он является частью находящегося вне времени и пространства Духа и «воплощает» в себе одно мыслящее Я.

Теперь мы можем сделать еще один шаг, в чём нам поможет одно напрашивающееся возражение. Если «Я» — нечто единое, находящееся вне времени и пространства, то как тогда оно может присутствовать во множестве лиц? Если я говорю о себе, то мне могут возразить, что я имею в виду моё «Я» и ничье другое, и именно оно наиболее резко обособляет меня: я это я и никто другой. Прежде чем ответить, давайте подумаем: в чём суть суммы? Во-первых, в том, что каждое единство остается резко отличным от любого другого и достаточно лишь двух чисел, чтобы получилась сумма; во-вторых, предметы подсчета должны быть одинаковыми, мы не можем сложить трех собак и два яблока, но, если захотим, можем отвлечься от их особенностей и подсчитывать их просто так «тела». Факт множества как таковой не содержит ничего, на чём можно было бы основать предположение, что единство представляет собой нечто иное, чем расчетную величину. Но независимо

от этого различие между ними существует. Если есть единство, то нет множества, но нет и единицы, так как с ней неизбежно появилось бы множество. Но нам нет нужды в долгих исследованиях того, каким образом из Духа образуется бесчисленные «Я»: коротко говоря, если смотреть снаружи, это весь пространственно-временной мир, а если смотреть изнутри — переживающие его души. Только тогда множество лиц стало бы немыслимым, если лицо — только «Я» и не имеет того одушевленного проявления, но оно и то, и другое. Суть личности заключается в своеобразной форме взаимосвязи неповторимых уникальных душ с неизменным Духом: *личность это связанная Духом душа*. Если кому-то метафоры ближе абстрактных понятий, тот пускай представит себе Дух в виде светящейся точки, которая, как только она соприкасается со Вселенной, роняет лучи, которые, будучи уловленными бесчисленными душами, создают в каждой из них отображение: это отображение одного единственного Духа будет личным «Я» и каждый раз новой совокупностью отражающих его душ и его — личностью.

Этот результат даёт ответ на все поставленные нами вопросы. Личность находится там, где находится Я и в той же степени, она многообразна, так как состоит из души и Духа: есть основное правило их взаимосвязи, но оно дает простор для бесчисленного количества особых форм. Это правило таково: точка «Я» — всегда направляющий центр, по отношению к которому душа эксцентрична. Предмет психологии — связанность Духа душой или связанность души Духом. Психология занимает промежуточное положение между теорией познания и биологией, и ей, как ни одной другой науке грозит опасность вырождения

либо в болтовню о нервных процессах, либо в пустое словесное фокусничество, которое ставит действие Духа на место переживания и превращает человека в летучий сверхчувственный призрак. Нельзя сказать, что ей до сих пор удавалось проплыть невредимой между этими Сциллой и Харибдой.

В заключении бросим взгляд на сбивающее с толку утверждение, будто определение термина частично выводится из самого слова персона, которое на латинском языке первоначально означало маску, через которую говорил актер, потом роль, которую он играл, и наконец характер, личность. Устойчивым обозначением сути человека оказывается, таким образом, название трагической маски, которая оживает лишь тогда, когда раздается голос мима¹²⁶. Мы предоставляем вдумчивому читателю самому решить, кто из двоих говорит, а кто маска, душа или Дух.

Противоположность, которую мы здесь четко сформулировали, действовала во всей истории человеческой мысли и не в последнюю очередь в повседневной психологии. Если стих Гёте «Ах, две души в моей груди!» вызывает отклик в каждом, кто его читает, то это вызвано тем, что сама личность подобна химическому соединению двух субстанций, а именно души и Духа, и тел, что нет никого, кто временами не испытывал бы противоречий между сердцем и головой. Мы можем напомнить и о привычном разделении инстинкта и разума, природы и духа, наклонности и долга, особенно между чувственностью и рассудком, которое волновало мыслящих людей последней трети XVIII века. Впечатляет масса идей

¹²⁶ «Основы характерологии», г. 16 и 233. В греческом языке такое же двойное значение имели слово «просопон». Этимология слова «персона» спорна. — *Прим. автора.*

на эту тему, которую обрушили на нас Гёте, Шиллер¹²⁷ и Кант. Идеи вызывают и массу вопросов, которые врываются со стихийной силой, как только мы начинаем понимать, что человеческий характер это результат взаимодействия двух сил, которые могут находиться в самых разных соотношениях друг с другом. Здесь мы коснемся лишь одного из них, так как оно подскажет нам, что это значит, когда та или иная из них признаётся личностью.

Если Дух по отношению к миру вследствие своего вневременного единообразия всегда постоянен, а душа, вследствие своей временности всегда меняется, то поскольку они изначально различны по сути, между ними происходит конфликт. Переживание сплетается с жизненным пространством, суждение отделяется от него. Переживание всецело заполнено настоящим, суждение делает миг прислужгой идеи длительности; в переживании связывает, увлекает, соблазняет, преобладает образ мира, в суждении его овеществляет и включает в сокровищницу опыта осознающий его Дух. Поэтому с тех пор, как человечество стало мыслящим, оно стремится найти точку покоя и выискивает эвдемонистическую формулу, которая положила бы конец его мучительным раздорам и установила вечный мир. Но столь же долго оно следует обманным обещаниям пророков обескровленной духовности, которые сулят ему жизнь, если оно откажется от жизни. Начиная с Сократа и до Канта, вплоть до современности, в нормативных системах этики стократно повторяется требование к людям, чтобы они владели собой, подчиняли свои инстинкты разуму, укрощали свои чувства

¹²⁷ Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих фон (1759–1805) — немецкий философ, поэт-гуманист, историк и теоретик искусства. Близкий друг Гёте.

или вообще гасили их. Против этого чрезмерного упора на духовность мысленно восставали ведущие умы нашей классики, мировоззрение Шиллера было отягощено понятиями Канта и поэтому содержало отклонения и уступки, а Гёте его в известной мере пережил. Оно было основано на новом понятии личности, выраженном в стихах:

*Весь народ, рабы и победители,
Осознают всегда,
Что высшее счастье детей Земли,
Это только личность.*

Отсюда следует вывод, что человек может достичь совершенства, которое заключается в том, что ни душа, ни Дух не господствуют единолично, между ними устанавливается своего рода равновесие, можно даже сказать сотрудничество. Идеалам, как действия, так и отречения от мира, эти мудрые люди противопоставляли иные идеалы натурализованной духовности или одухотворенной природы (поэтому понятно, почему тот же Гёте имел обыкновение называть гармоничную в его смысле личность также натурой). Но внутреннему равновесию должно было соответствовать внешнее в отношениях людей между собой и в их отношении к окружающему миру. Тот, кто сумел упорядочить свой внутренний мир, установил равновесие между страстным забвением и эгоистической волей к власти, не затерялся среди ближних, но и не захотел подчинить их себе. На человеческие общества переносилась идея равновесия, благовоспитанности общества, чего-то среднего между первоначальным симбиозом и законодательным принуждением. В равновесии между Духом и душой,

между собственным и чужим «Я» заключалось совершенство личности.

Если мы не упустим из вида легкий налет болезненной надутости, который покрывал дух тех, кто возвещал эти пожелания по причинам, о которых мы здесь не будем больше говорить. Их основная мысль о мягко относящейся к жизни разумности сохраняла свой примирительный блеск и в последующий век техники труда и науки. Прекраснодушные люди и мечтатели оставались твердо убежденными в гуманитарной благословенности прогресса и восхваляли его, хотя угрожающе задымленный фабричными трубами ландшафт указывал на что направлено неистовство этого прогресса. Хотя и зажглась благосклонная звезда последнего Ренессанса, который «искал душой землю греков», длительного равновесия она не принесла. И высшая культура никогда не была до сих пор ничем иным, как более долгим или коротким перемирием в изначальной борьбе между Духом и жизнью, которая кончится лишь тогда, когда жизнь истечет кровью. Тогда и личность будет принадлежать прошлому. Психологи должны поспешить, иначе они со своей наукой придут слишком поздно!

ЗАМЕТКИ О ПРЕДЕЛАХ ЧЕЛОВЕКА ТИПА ГЁТЕ (1917)

Если мы говорим о человеке типа Гёте, а не о самом Гёте, мы хотим этим выразить ту мысль, что в данном случае речь идет о гении, прообразе или, как сказали бы персы, «фраваш»¹²⁸ Гёте соразмерно с человечностью, преобладающей в его творениях. Но когда мы вступим на почву человечества состоящего из людей типа Гёте, нам трудно будет удержаться от того, чтобы сразу не определить его границы, потому что в период с 1750 по 1830 года нельзя найти другую личность, которая в такой мере, как Гёте, вобрала бы в себя духовное содержание почти целого столетия. Необыкновенность и в лучшем смысле слова универсальность этого редкого духа столь часто освещалась и прославлялась, что вряд ли можно что-то к этому добавить, но хотелось бы всё же в нескольких словах сказать о том, что нам представляется главным в величии человека типа Гёте.

Две черты, прежде всего, делают явление Гёте столь пленительным и чудесным: во-первых, его основательное знание всех человеческих чувств и страстей, а во-вторых, то, что он, благодаря своей несравненной одаренности вобрал в себя все элементы образованности своего времени без ущерба для его изначального своеобразия. Он имел больше прав, чем кто-

¹²⁸ Фраваш — благой дух в зороастризме, присущий каждой частице мироздания.

либо другой, сказать о себе: «Ничто человеческое мне не чуждо!» Свободный ото всех партийных ограничений в самом широком смысле этого слова, никогда не связанный работой, политикой или вероисповеданием, он возвышался надо всеми учениями как своей, так и прежних эпох. Он как никто другой в Германии воплощал в себе саму себя ограничивающую человечность, выработанную на основе одних только внутренне присущих ей условий роста и столь же естественной потребности во внутреннем равновесии. Это позволяло ему благословлять различные, даже взаимоисключающие проекты в жизни, запутанную полноту отдельных характеров, которые встречались ему на его жизненном пути и не от того, что он не принимал во внимание человеческие слабости и ошибки, а от глубоко пережитой им и возведенной в принцип мудрости уверенности в неизменной необходимости всех событий, перед лицом которых человек не может сделать ничего лучшего, как выбрать то, что ему *больше всего подходит*.

«Человек может повернуть туда, куда хочет, предпринимать всё, что хочет, но он всегда будет возвращаться на тот путь, который предписан ему природой». «Счастливая ограниченность молодых, и даже людей вообще, заключается в том, что они в каждый момент своего бытия могут чувствовать себя совершенными и не задавать вопросов ни об истинном, ни о ложном, ни о высоком, ни о глубоком, а только о том, что им *подходит!*»

Может показаться, что это не очень серьёзная жизненная рекомендация, но она рассчитана на полубогов! Из десяти тысяч человек трудно найти хотя бы одного, кто на протяжении всей своей долгой жизни, даже если он и прожил девяносто лет, смог

бы найти то, что ему подходит согласно его врожденной природе, его карме, его гению. Мы все жестко ограничены обстоятельствами, которые мы себе не выбирали, и потому что первые семь лет жизни накладывают на нас более сильный отпечаток, чем последующие семьдесят вместе взятые. Эти бессознательные семь лет, поэтому надо обладать необыкновенно глубокой, сильной и богатой природой, чтобы она после перемалывания этих «досознательных» впечатлений сохранила в сознательной жизни хоть что-нибудь от своей организующей энергии, и необходим очень сильный дух, чтобы спасенное удалось пробудить; наконец, необходимы необыкновенно благоприятные внешние условия. Всё это имел Гёте. К этому мы добавили бы еще недостаточно оцененную нежность его сердца, которой он обязан женственным чертам своей сущности, и связанное с этим ясновидение мастера, при сравнении с которым «разум понимающих лишь педантично топчется в тумане, и, наконец, могучую формирующую силу, которая скорее играючи, чем с усилием собрала из неоднородных материалов букет. Налицо все предпосылки для возникновения великого непосредственного познания, совершенного мудреца в древнем, тяжеловесном значении этого слова, который, частично благодаря его образцовой красоте, частично его жизни согласно природе, а частично его живому слову, был призван к тому, чтобы стать вождем душ.

Эмерсона¹²⁹, чьи не столь глубокие «Представители рода человеческого» содержат все же много тонких замечаний, Гёте относил к типу писателей и дал правильное определение: в современном мире

¹²⁹ Эмерсон Ральф Уолдо (1803–1882) — американский философ, писатель, пастор, один из основоположников философии трансцендентализма.

настоящий мудрец не может эффективно выразить свое величие иначе как в писательской деятельности. Еще более мудрой кажется нам оценка создателя физиогномики Галля¹³⁰, о котором Гёте сам рассказывал в своей десятой книге. С ранней юности Гёте была присуща словоохотливость, связанная с потребностью в образном, метафизическом самовыражении. Гёте писал: «С учетом этих качеств, которые столь рассудительный и умный д-р Галль в соответствии со своим учением во мне признал, он заверил меня, что я рожден стать народным трибуном. Это открытие немало меня напугало, ибо если бы вывод Галля был действительно обоснованным, то, если бы я не нашел, что сказать моей нации, всё остальное, чем я стал бы заниматься, было бы неверным выбором». Если учесть, что он на предшествующей странице буквально заявлял: «Письменное творчество это злоупотребление языком, тихо читать про себя это печальный суррогат речи», мы можем поверить, что его страх имел глубокое значение.

Если подходить с такими ожиданиями к творчеству Гёте, можно подумать, они исполнились, даже были превзойдены. Никогда на немецком языке не было написано ничего более умного, и вряд ли какой-либо другой народ (разве что жители древнего Китая) имеет такую сокровищницу мудрости, как немецкий в произведениях Гёте. Но то, что оставил нам Гёте, это не бумажные, а прожитые истины, и тот, кто нам их оставил, делал это сознательно, зная по опыту: слово серебро, а молчание золото. Это звучит парадоксально, но дело обстоит именно так: внешне многословного Гёте мы с еще бóльшим пра-

¹³⁰ Галль Франц Йозеф (1758–1828) — австрийский врач и писатель, основоположник френологии.

вом можем считать знающим молчуном. В то время как даже выдающиеся писатели часто лезут из кожи вон, сплетая ткань своих убеждений, желая нам их продать, излагают все, даже те, что еще не устоялись, то Гёте не каждому позволяет видеть это и никому всё. Мы чувствуем, когда читаем его, что он всегда знает больше, чем сообщает нам, и это составляет значительную часть того негасимого нимба, который окружает как его образ, так и его произведения. Его никогда нельзя дочитать до конца, так как нам недостаточно того, что он сказал, нам хочется догадаться, о чём он умолчал. Это детская игра, свести к одной формуле тип Руссо¹³¹, Шиллера или Канта, а сделать это в отношении Гёте значит уловить сам дух кончавшегося XVIII и начинавшегося XIX веков со всеми его основами и последствиями. Как самый совершенный представитель последней культуры Запада, Гёте связан со всеми бывшими когда-либо культурами и, выражая свое время, возвышается над ним. Можно исписывать один лист за другим, но все же потерпеть неудачу, пытаясь измерить масштаб этой личности, а нескольких строк может оказаться достаточно.

Обратимся теперь к другому способу оценки и измерения, начав с вопроса: кем был этот человек, поэтом или только художником? Наш ответ гласит: до 35 лет он был и поэтом, и до конца жизни сохранял художественные способности всех видов, но он не воплощал изначальную форму ни поэта, ни художника. Да, мы не остановимся перед предположением, что он был бы еще совершенней, если бы отка-

¹³¹ Руссо Жан-Жак (1712–1778) — французский философ, писатель, проповедующий сентиментализм. В произведениях Руссо звучали призывы к социальному равенству и «возврату к природе».

зался от художественной стороны своей сущности. Гёте знал это, потому что более глубокого знатока самого себя не было никогда.

*На тридцатом году жизни
Любой мечтатель осенял меня крестным знаменем,
Но если бы он знал мир,
Обманутый стал бы плутом!*

Слово мечтатель, используемое здесь в переливчатом двойном смысле, это всего лишь старое, обозначающее его суть имя поэта. Гёте должен был пожертвовать поэтом в себе, чтобы стать великим художником жизни и мудрецом, каким он был. Если бы он пожертвовал и художником в себе, он, может быть, стал бы еще бóльшим мудрецом, еще более возвышенным образцом вождя душ. Что это означало в отношении поэта, мы только что показали. Что же касается художественного творчества, достаточно будет следующих пояснений.

Жизнь художника (и скульптора) это служение творчеству, его творения это суть его жизни, которые таят в себе даже больше, чем одна его жизнь. Творчество Гёте, наоборот, служило его жизни, добавляющей надворному советнику в дорогих одеждах, которыми этот богатый, избранный дух умел украшать свою жизнь. Он сам не оставлял у нас никаких сомнений в этом. «И так началось то направление — говорит он в своей автобиографии, от которого я никогда не отклонялся на протяжении всей моей жизни, а именно то, которое радовало меня, мучило или занимало — создание образов и стихотворений с целью заключения сделки с самим собой, чтобы откорректировать мои понятия о внешних вещах и внутренне успокоиться. Этот дар никому кро-

ме меня не был нужен, потому что меня моя натура всё время бросала из одной крайности в другую. Всё, что известно обо мне, это лишь осколки большой исповеди, данная книжка — смелая попытка сделать ее полной». Так думает не художник, который постоянно зажигает свою личность в творческом огне, а великий любитель и оформитель жизни, а его отношение к творчеству это отношение мастера-любителя. Поэтому лишь немногие произведения Гёте — за исключением не только художественной, но и глубоко поэтической первой части «Фауста» — не имеют привкуса того сугубо личного и по-женски интимного, о чем он сам так сказал в одном из первых своих опытов: «Я неустанно думал о недолговечности наклонностей, изменчивости человеческой сути, нравственной чувственности и обо всём высоким и глубоким, связь чего в нашей природе можно рассматривать как загадку человеческой жизни. И я пытался выразить то, что меня мучило, в песне, в эпиграмме, в стихах, но, поскольку это было связано с самыми интимными чувствами и особыми обстоятельствами, вряд ли могло заинтересовать кого-то другого, кроме меня самого». И вправду, Гёте это возвысившийся до гениальности мэтр и художник случайностей. Поэтому мы хотим впредь иметь в виду только поэта и его биологическую основу.

На гребне просвещения поэтом может быть только тот, кто, кроме того, и художник, так как недостаточно получить вдохновение от Бога, чтоб «покатился глаз в безумии прекрасном» и чтобы с уст бессознательно зазвучали дифирамбы, получивший благословение должен все это записать, а для этого он должен быть способен создавать образы. В доисторическую эпоху, когда певцы были неграмотны-

ми, поэзия была ничем иным, как самозабвенным излиянием в песне опьяненной души, состояния, которое испытывали тысячи, сотни тысяч благодаря своей стихийной природе, и их развеянные ветром цветы мы сегодня тщательно собираем в «гербариях» с ученой наклейкой «Собрание народных песен». О поэте и предпосылках поэзии мы хотим сегодня думать, что можно быть поэтом, не написав ни одного стиха. Эйхендорф, как и большинство романтиков, был именно таким, хотя уже он давал удачные названия самым прекрасным из своих стихов, такие как «Сердце мира», а Новалис¹³² видел в поэзии форму магии. Что это значит?

Это указывает на такое состояние, при котором реальность превращается в длительную песнь или избыток звуков, а поэтический момент означает вступление в истинную реальность. Гёте видел эту реальность, ощутил ее дыхание, она зажигала его в молодые годы и из него вырвалось великолепное пламя поэзии. Но войти в эту реальность, остаться в ней, дать ей поглотить себя, не было его призванием, и он не желал этого. В том и состояла его мудрость, что он ушёл из этой сверхчеловеческой реальности в мир человечности. Тому, кто хоть раз был удостоен ее божественного блеска, грозит опасность умереть от тоски по ней, когда она для него погаснет. Вот несколько отрывков из произведения поэта, который, будучи зажженным ею, погиб в ее пламени.

«Подобно огням сливаются в моей душе деяния всех времен и подобно тому, как торжествующая буря сливает в огромные образы облака небесные,

¹³² Новалис (псевдоним) — Харденберг Георг Фридрих Филлип фон, барон (1772–1801) — немецкий писатель, поэт, натурфилософ, принадлежал к йенским романтикам.

так сливаются, становятся во мне одной бесконечной победой стократные победы на олимпиадах». «Мы как огни, которые спят в сухих сучьях и кремнях и сражаются, ждут в каждый момент конца своего тесного плена. Но они приходят, уравнивают зоны борьбы мгновениями освобождения, когда божество взрывает тюрьму, когда пламя пожирает древесину и победоносно превращает ее в пепел, когда освобожденный дух, забыв о страданиях и рабстве, с триумфом возвращается в солнечные палаты». «Звездная ночь стала теперь моей стихией. Тогда, когда было тихо как в глубинах земли, где таинственным образом вырастает золото, там зародилась прекрасная жизнь моей любви». «Тут мы летали... странствовали, как ласточки, от одной весны мира к другой через пространную солнечную сферу и за нее, к другим небесным островам, к золотым берегам Сириуса, к долинам духов Арктура». «Ночное небо, обвей меня, как виноградная лоза, и пусть твои звезды свисают вниз, как виноградины». «Верхушки деревьев тихо содрогались, словно цветы из темной земли вырастали звезды из лона ночи, и небесная весна сияла мне в священной радости».

Но «поклонись гению однажды, и перед тобой не будет больше никаких непреодолимых препятствий, и ты порвешь все связи жизни пополам».

Это не слова великого познавшего мудреца и вождя, а того, кто был наделен даром взлететь будто на орлиных крыльях в собственную реальность, но ее страшный блеск свел его с ума и отбросил назад в ночь милосердного забвения, в то время как его душа истекала кровью в эфире — это слова романа Гёльдерлина «Гиперион».

Гёте же, наоборот, нашел дорогу обратно, потому что ему было дано желание забыть. Он запретил себе веру в реальность прообразов, о чем мы можем судить по его весьма выразительному высказыванию: «Все хорошие люди с высоким уровнем образования прекрасно понимают, что призваны сыграть в мире две роли — реальную и идеальную, и в этом чувстве следует искать основу любого благородства. То, что относится к реальному, мы понимаем очень ясно, а что касается второго, то об этом мы редко имеем ясные представления. Человек может искать свое высшее предназначение на земле или на небе, в настоящем или в будущем, и он вечно колеблется, испытывая внешние трудности, пока не решит раз и навсегда, что, верно, то, что ему подходит». Здесь это второе в смысле свойственного поэту мира называется идеальным, и мы видим, что личность в противовес ему принимает решение непрерывно сохранять самообладание. Не будем также недооценивать утверждение, что даже такая личность, пока она будет медлить с признанием себя центром Вселенной, будет вечно колебаться. В этом трагизм и знающего человека. Личность и Вселенная — враждебные противоположности, только устранение одной открывает путь другой: эту истину мы противопоставляем человеку типа Гёте и делаем вывод, что его совершенство, как мы его ни уважаем, это всего лишь стиль, «гексис», манера поведения. Но почему мудрец, даже такой мудрец-художник, как Гёте, вынужден идти по пути равновесия или, точнее, вынужден желать идти этим путем? Так мы обнаруживаем *пределы* его гения.

Величие и пределы человека типа Гёте в том, что он общительный человек. Слова, которые по своей на-

правленности и содержанию подтверждают это, мы сотнями найдём в его сочинениях, применимы к его характеру, в частности, такие: «Нет склонности или привычки более сильной, чем способность долго выдерживать неверные речи людей, которым доверяешь».

Чтобы восстановить равновесие в себе самом, существо, обладающее личностью, должно установить его и в отношении со всеми прочими существами, которые, как и он, подчиняются законам духа и поэтому, как и оно, тоже являются личностями. От собственной личности неотделима личность другого, «Я» другого, человек как носитель «Я». Человеческое совершенство, если говорить о нем, или, точнее, очеловеченная божественность, непревзойденно достигнутая в образе Гёте, это всегда одновременно форма проявления отмеченной печатью совершенства общительности. Остановимся на один момент, чтобы отметить и ее положительную сторону.

Гёте как последний представитель последней европейской культуры является также представителем последнего европейского общества. Сегодня нет больше общества, есть только государство, его функция общения и группы отдельных людей, объединённых действительным или мнимым родством умов и сердец. Общество в старом значении этого слова было организованной эротикой и предполагало наличие человечества, способного выработать общий стиль костюмов, жилищ, утвари и всех форм личной и общественной жизни. Передача этого стиля будущим поколениям путём умного руководства молодёжью была тогда задачей образования. Уважительный взгляд снизу вверх, готовность к восприятию знаний и стремление к подражанию со стороны учеников, полная мудрость и опыт со стороны учителей

связывали молодых и старых, приходящих и уходящих теми неразрывными связями сердец, которые только и могут перенести наследие предков через водоворот времен и омолаживать старое творческим новым. Нам не надо напоминать о том, в каком мере мысли о воспитании общественного стиля жизни проходит красной нитью через почти все произведения Гёте. Если бы наше время осознавало это, оно должно было бы понять, что у Гёте можно научиться гораздо большему, чем у Руссо, Шиллера или Канта. Ибо он и только он, в отличие ото всех этих великих людей, не только воплотил в себе стиль жизни XVIII века, но и передал его в словах. Вместо этого сегодня восхваляют демократизм и свободолюбие санкюлотов, десятки «Союзов Гёте» и тысячи ученых, занимающихся Гёте, под личиной уважения к его творчеству и личности, занимаются работой гробовщиков, потому что и те, и другие предаются отвратительному идолопоклонству, превращая каждый список отданного в стирку белья, написанный великим человеком, в священный документ. (Поэтому они не поймут, был ли Гёте всецело мудрецом или же художником, в то время как он, как было сказано выше, женственно-личным образом сочетал в себе и то, и другое. Шекспир¹³³ и Гомер остались далеко позади него, превратившись в мифы. Леонардо¹³⁴ и Сапфо¹³⁵ приближаются к нему, как и Готфрид Кел-

¹³³ Шекспир Уильям (1564–1616) — выдающийся английский поэт, актер и драматург. Оказал большое влияние на развитие театра и литературы.

¹³⁴ Винчи Леонардо да (1452–1519) — итальянский художник, скульптор, изобретатель, писатель эпохи Высокого Возрождения.

¹³⁵ Сапфо (Сапо) Мителенская (ок. 630 г. до н. э. — 572/570 до н. э.) — древнегреческая поэтесса и музыкант, входит в канонический список Девяти лириков.

лер. Но что мы уже знаем о его личности, и как долго и он будет превращаться в легенду? В случае с Гёте, чем больше времени проходит со дня его смерти, все больше становится известным нам как человек. Его творчество всё глубже исследуют, не восхваляя его заслуги, а стремясь к его пониманию). Только он открыл нам сначала всё богатство нежных и благородных, запутанных и мучительных чувств, чтобы потом связать их духовные сущности и снова разделить их. Он был также великим и деликатным провозвестником «хорошего тона», «нравственности нравов» и того чувства меры в жизни, которого почти достиг Античный мир, выводя ее законы из человеческого Эроса. А теперь остается показать и обратную сторону.

Представим себе человека типа Гёте вырванным из общества, либо в полном одиночестве средневекового пустынника или обитателя пещеры, либо в символическом одиночестве внутренней жизни самой по себе — он не сможет в нём существовать! Чувство жизни гения Гёте, родственное «вечно женственному», нуждается в посреднике, и этот посредник — другой, ближний. В этом его особое содержание, но и его жестокий конец. Одиночество не потому беспредельно, что оно отказалось от противоположности дарения и восприятия (если это настоящее одиночество), а потому что форма исторического человека, даже человека высшей культуры, не может больше воспринимать всю полноту мировой жизни. В этом нет сомнения у того, кто хоть однажды сам пережил биение пульса стихии, непосредственно или при посредстве безграничного рупора откровений, к числу которых Гёте не принадлежал. Достаточно сравнить ритм и интонацию всех приведенных здесь

высказываний Гёте лишь с немногими словами Гёльдерлина¹³⁶, и мы поймем, о чем идет речь, хотя, может быть, и не сможем облечь свое понимание в слова. Возьмём другие примеры: того, кто смотрит на пейзаж глазами Гёте, зовут Пиранези¹³⁷ или Клод Лоррен¹³⁸, а того, кто смотрит на него глазами стихийного «романтика» зовут Бёклин. Достаточно взглянуть глазами авантюриста, чтобы почувствовать, что общественный человек пал до уровня произведения искусства, а освободившаяся от законов духа, гонимая своим демоном душа следует зову космических сил, даже если ее авантюра кончится тем же, чем кончил Эмпедокл, — прыжком в жерло Этны.

¹³⁶ Гёльдерлин Иоганн Христиан Фридрих (1770–1843) — немецкий философ, писатель, переводчик.

¹³⁷ Пиранези Джованни Баттиста (1720–1778) — итальянский художник и архитектор.

¹³⁸ Лоррен (псевдоним) — Желле Клод (1600–1682) — французский художник, мастер классического пейзажа.

ВИЛЬГЕЛЬМ ИОРДАН

(1919)

(К столетию со дня рождения)

В тот момент, когда рушится та Германия, которая после длившийся полтора столетия борьбы народов возникла в результате войны 1870 года, вдвойне трудно воздать должное до сих пор не вполне оцененному человеку, который как никто иной увенчал лучезарными башнями народного воодушевления здание всего мировоззрения. Хотя идеалы тоже смертны, как люди и народы, они приходят и уходят, никакая смена времен не затрагивает основное содержание плодов творчества, и никакие изменения человечества, пока человечество еще живет, не лишают силы правдивые слова Гёльдерлина: «То, что остается, создают поэты».

Мы попытаемся, не тратя много слов, заставить наших современников вспомнить, чем немецкая литература обязана делу жизни Вильгельма Иордана¹³⁹. При этом, совершенно откажемся от привлечения к объяснению его творчества дат его жизни, потому что она, несмотря на всю свою динамику, не имеет значения для души, для творца это отработанный шлак, благородная руда из которого извлекается только в процессе творчества. Только совершенно необходимое надо изложить читателю, для которого образ нашего поэта давно поблек, стал легендой его школьных лет.

¹³⁹ В русскоязычной литературе встречается написание фамилии Йордан.

Вильгельм Иордан родился сто лет назад, 8 февраля 1819 года в Инстербурге в Восточной Пруссии в семье тамошнего пастора. В 1839 году поступил в Кенигсбергский университет, чтобы изучать теологию, но под влиянием сочинений Штрауса¹⁴⁰ вскоре обратился к светской мудрости и пришел при посредстве Фейербаха¹⁴¹ к естественнонаучным просветительским идеям, с помощью которых бурно начинавшийся тогда век победоносной техники и буржуазного предпринимательства самонадеянно намеревался раз и навсегда решить тысячелетние проблемы истории Запада. Вместе с ним учились Рудольф Готтшалль¹⁴² и Фердинанд Грегоровиус¹⁴³. Уже в самых разных исторических произведениях «Колокол и пушка» (1841), «Земные фантазии» (1842) и особенно в трехтомном «Демииурге» (1854) он объявляет себя приверженцем первоначальной формы того, что теперь называют монизмом, и оставался верным ему до самого преклонного возраста. После тяжелой борьбы со своей семьей он отказался от наследственной должности пастора, мужественно принес ее в жертву своим убеждениям. В 1844 году он женился на подруге юности, приобрел недвижимость в Лейпциге, окунулся в революционный водоворот сороковых годов, стал депутатом парламента Франкфурта и одновременно министерским совет-

¹⁴⁰ Штраус Давид Фридрих (1808–1874) — немецкий философ, теолог и историк.

¹⁴¹ Фейербах Людвиг Андреас (1804–1872) — немецкий философ-материалист, в своем интеллектуальном развитии прошел путь от теологии к марксизму.

¹⁴² Готтшалль Рудольф фон (1823–1909) — немецкий писатель, поэт, литературный критик и историк литературы.

¹⁴³ Грегоровиус Фердинанд (1821–1891) — немецкий историк-медиевист и писатель.

ником по делам немецкого флота, который только начинал создаваться. После ликвидации этой должности он осел во Франкфурте и в тихом домике на Таунусплац занялся творчеством. С тяжёлым сердцем прочтет сегодня каждый немец грозные слова, которыми Иордан 24 июля 1848 года закончил свое выступление по польскому вопросу, направленное против левых космополитов: «Было время, когда немецкие свободомыслящие с чистой совестью приветствовали изгнание стоглавого Польского королевства, которое дух истории изгнал из нашей страны, а новое евангелие прав человека упорно этого не признает. Но это время прошло, прошло навсегда, и не надейтесь, что каким-то образом удастся снова отнять немецкую часть Познани. Она немецкая и всегда будет немецкой».

Кульминацией расцвета его творчества (1855–1875) стал новый вариант «Сказания о Нибелунгах» с аллитерационной рифмовкой, о котором он как странствующий рапсод читал лекции более чем в трехстах городах, где жили немцы, от Кронштадта в Семиградье¹⁴⁴ до Сан-Франциско. Наряду с поэтическим оформлением этого сказания он занимался глубоким изучением истории эпоса. Результаты этих исследований изложены в работах: «Эпический стих германцев и его аллитерационная рифмовка», «Закон искусства Гомера и рапсодика», «Эпические письма». В тот же период он написал комедии «Не верящие в любовь», «Обманутый обманщик», «Сквозь ушко», «Его брат — двойник», отмеченную премией трагедию «Вдова Агида», пьесу «Артур Арденн». В 1871 году под названием «Строфы и аллитерации»

¹⁴⁴ Кронштадт в Семиградье — ныне румынский город Брашов, в то время населенный немецким меньшинством.

он выпустил сборник лирических стихотворений, перевел на немецкий язык трагедии Софокла¹⁴⁵ (1862), сонеты Шекспира и его драмы «Цимбелин», «Король Ричард III», «Отелло», «Король Лир», «Макбет», «Ромео и Джульетта», а позже, в 1881 году — всего Гомера.

В последние годы жизни он написал поэму «Фели Дора», дал законченное описание своего мировоззрения в хрустально-светлых стихах «Молитвы» (1877), написал в их оправдание религиозно-философскую работу «Исполнение христианства». Позже он попытался еще раз связно изложить свои основные идеи в крайне неудачных романах «Зебальды» и «Две колыбели». В 1889 году он представил новый вариант «Эдды», дополнил сообщения о своем опыте изучения эпосов в своих «Письмах и лекциях» и дал в «Последних песнях» лирическое добавление, без которого мы могли бы обойтись, как и без его романов (и рифмованных памфлетов «Немецкие удары», «В рясе и в латах»). Иордан умер в возрасте 85 лет в 1904 году во Франкфурте-на-Майне.

При наличии такого объема произведений естественно встаёт вопрос, какие из перечисленных книг позволяют легче всего представить себе духовный образ этого необыкновенного человека. Ответ прост: достаточно знать 48 песен о Нибелунгах и «Молитвы». Эти два сочинения включают в себя всё, что долго еще будет иметь значение, и как фреска показывают как сильные, так и слабые стороны его знаний.

Прежде чем мы охарактеризуем основные черты его своеобразия, отметим, что изучение его работ — дело трудное, вследствие чего этот странствующий

¹⁴⁵ Софокл (496–406 гг. до н. э.) — древнегреческий драматург, строил свои произведения на противоречиях главных героев.

ший рапсод после короткого победного шествия снова стал чужд своему народу. Нет сомнения в том, что Иордан совершенно отсутствует в мыслях нынешнего образованного слоя. Даже среди высоко эрудированных германистов встречаются те кто не знают его важнейшую работу о стихосложении германцев. Специалисты по Шекспиру не знают о переводе Иорданом на немецкий язык его сонетов, филологи, занимающиеся Древним миром, знающие как самые старые, так и самые новые переводы, не знают, что Иордан переводил Софокла. Среди множества людей, которые не понаслышке знают сочинения Геббеля¹⁴⁶, Келлера, К. Ф. Мейера, прочли от начала до конца Густава Фрейтага¹⁴⁷, почитают Шторма¹⁴⁸ или Хейзе¹⁴⁹, серьезно относятся к поэзии Гейбеля¹⁵⁰, Дана¹⁵¹ или Эберса¹⁵², немало таких, которые в лучшем случае вспомнят, что в молодости слыхали о «Нибелунгах» Иордана! Что же касается специалистов, то они за немногими исключениями придерживаются единого мнения, что наш поэт — просто эпигон, у которого нет ничего оригинального и за гладким версификаторством которого кроется пустота души. Готфриду Келлеру десятки раз приходилось выслушивать легковесные суждения и высокомер-

¹⁴⁶ Хеббель (Геббель) Кристиан Фридрих (1813–1863) — известный немецкий драматург, лауреат премии Шиллера.

¹⁴⁷ Фрейтаг Густав (1816–1895) — немецкий писатель, политик, журналист.

¹⁴⁸ Шторм Теодор (1817–1888) — немецкий прозаик и поэт-лирик.

¹⁴⁹ Хейзе Пауль Йохан Людвиг фон (1830–1914) — немецкий писатель-романист, поэт, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе.

¹⁵⁰ Гейбель Франц Эмануэль Август (1815–1884) — немецкий поэт, драматург, лауреат премии Шиллера.

¹⁵¹ Дан Феликс Людвиг Юлиус (1834–1912) — немецкий писатель-романист, поэт и правовед.

¹⁵² Эберс Георг Мориц (1837–1898) — немецкий ученый-египтолог, писатель. Обнаружил медицинский папирус в Луксоре, названный по его фамилии.

ные оценки, о которых он сказал: «Надо иметь толстокожую душу, чтобы объявить древнюю и единственную в своем роде “Песнь о Нибелунгах” устаревшей и поставить на ее место современных уродцев. Слишком очевидно звучит лукавая надежда, со ссылкой на свидетелей из числа великих людей, подкрепить самомнение человека, который в школе плохо слушал критические замечания учителей. Но есть и профессиональные замечания. Его называют “поэтом идей”, чьи образы — аллегории, часто оспаривается право его “Ниbelунгов” называться “народным эпосом”, его упрекают в том, что достойный уважения материал сказания он иссушил, навалив на него новомодную науку. Но подобные высказывания не отражают действительные недостатки. Хоры греческих трагиков блистали искрами мыслей. Гёте имел все основания называть общее мнение “душевным заболеванием”, так как его собственные сочинения столь богаты мыслями, что из них можно без труда вывести цельную систему вселенской мудрости».

Но «народные эпосы» в том значении, какое приписывается «Ниbelунгам» Иордана, ее никогда не имели. Даже если в действительно народных балладах строки удивительной длины часто бывают сложены общим метром или, как в финской «Калевале», когда надо, образуют распознаваемые части, связанные общим героем, их нельзя поставить на один уровень с ядром индийских «Махабхараты» и «Рамаяны», поэм Гомера, «Шахнаме» Фирдоуси¹⁵³ и средневековых «Ниbelунгов», равно как с длинными мифами и героическими сагами «Эдды». Такие подлинно эпические произведения создавали не народ-

¹⁵³ Фирдоуси Хаким Абулькасим Мансур Хасан (935–1020) — знаменитый персидский поэт.

ные певцы, а поэтические личности, люди высокой культуры, которые не только перелицовывали в художественном плане материал сказаний, но во всех без исключения случаях наполняли его духовным содержанием своей эпохи. Да, можно доказать, и Иордан частично сам это признавал, что настоящие эпосы всегда были законченным выражением определенного мировоззрения. Эпос это заключительный пункт линии духовного развития до уровня общего сознания. Его подлинный предмет, как мы увидим ниже, это судьба мира, отраженная в душе таких народов и эпох, которые вообще обладают даром умозрения и стимулы веры которых обретают свою конечную форму только в виде разветвленной наподобие древа системы убеждений и знаний о мире. Независимо от этого о многих скачках и разрывах дают самые сильные свидетельства «вестники Валы». Метафизические народы являются одновременно и эпическими: индийцы, персы, греки и германцы.

Зная это и вполне сознавая, Иордан предпринял попытку наполнить материал германских сказаний мироощущением своего столетия, и в этом его неоспоримая заслуга, выводящая его творчество далеко за пределы обманчивой атмосферы подделок под древность, приукрашенных мертвыми словами и оборотами, под которыми скрывается их привязанность к удивительно быстро устаревающему духу модного направления.

Не перегруженность действительной или мнимой наукой наносила вред его поэзии, а *содержание* его убеждений, тяжесть которых не вынес бы и в десять раз более сильный художник. Иордан был по-этом эпохи Бисмарка, а в известной нам Всемирной истории никогда не было периода более враждебно-

го поэзии, чем этот! И какие бы заслуги не приписывали середине прошлого столетия в развитии человечества, несомненно одно: она знаменовалась принявшим теперь крайние формы раздвоением Духа и Души. Не было эпохи более дикого варварства. Даже во время Тридцатилетней войны, не были в такой мере утрачены пути к источникам жизни и не было в такой мере забыто, что ни труд в полуобморочном состоянии, ни порабощение сил природы, их упорядочивание, регулирование и механизация не принесут счастья. Кутаясь в лохмотья, мерзнет призрак мечты романтиков, и давно отзвучал пророческий голос Гёльдерлина (предвещавший резкий, устрашающий крик из уст ницшевского Заратустры): «Необходимо, чтобы работал разум. От безумия, от несправедливости он защитит нас, так как он упорядочивает, но безумие и несправедливость это еще не высший предел человеческих качеств... Чистый разум не рождает философию, так как философия это нечто большее, чем слепое требование никогда не кончающегося прогресса, сочетания и различения всевозможных материалов... Государство превращает в ад то, что человек делает своим небом... Ты видишь ремесленника, но не человека, мыслителя, но не человека, священника, но не человека, господ и рабов, юнцов и взрослых, но не людей — разве это не похоже на поле битвы, где отрубленные руки, ноги и другие члены валяются в беспорядке, а пролитая кровь уходит в песок?.. Растет расход чувства, а с ним и грубое мужество, растёт пьянство, а с ним и заботы: излишества в употреблении пищи рожают страх перед перееданием; благословение каждого года становится проклятием, и все боги бегут». Имеется в виду не только целый народ, но и всё т. н. ци-

вилизованное человечество с его нерушимой верой в суетные ценности, презрение к которым выразил Гёльдерлин в приведенных выше строках, и можно даже усомниться в возможностях поэзии, если она их признает (мы не считаем, что сегодня стало лучше — поэтическое искусство стало иным, но возрождение не предвидится).

В то время как некоторые из творческих умов нашей эпохи благодаря зерну народного чувства не разделяют этих идеалов (самый яркий пример — Келлер), другие бессознательно поддаются им. Иордан свято верил в их эффективность и был страстным и красноречивым их проповедником. Он был певцом того, что убивает любое пение разума, государства, порядка, бесконечного прогресса, смертоносной техники. Здесь мы должны вспомнить об одной особенности его монизма, которая позволяет дать хотя бы половинчатый ответ на вопрос Ницше о сущности христианства, правда, с использованием противоположного метода оценки. Отвлекаясь от споров между догмами, он видит суть христианства в его общих достижениях и показывает с удивительной четкостью нити, связывающие основные заповеди Евангелий с верой либерализма нового времени в прогресс. Цивилизацией, в противоположность культуре античности, называют нынешнюю образованность, принадлежащую христианским народам и только им, которая выполняет все пожелания веры, объявившей человека царем природы, и вместе с Логосом расчетливый разум неизбежно стал основным мерилom любой оценки. Техника и капитализм, вместе с их тенью — социализмом, это осязаемые плоды с древа иудохристианской нравственности. Штир-

нер¹⁵⁴ и Ницше отвергали эти плоды, а Иордан принимал их, а с ними и древо, с которого они сорваны. Он слагал стихи под знаком мировоззрения, под которым создаются фабрики, картели и государство, и хотя он стремился к тому, что кажется невозможным, вряд ли надо подчеркивать, наибольший ущерб его поэзии нанесло его добросовестно преступное стремление сделать ее голосом *самой враждебной* Душе силы, как только есть на Земле.

После этих предварительных замечаний, перейдем к непреходящим ценностям его творчества.

Дар поэтического восприятия нельзя понять, исходя из характера или образа мыслей его обладателя. Иордан обладал им, несмотря на его веру в прогресс, и противоречие между ними не доходило до его сознания, поскольку его характер был необыкновенно гармоничным и к тому же и самый твердый минерал холодных и трезвых понятий не мог не раствориться в алхимическом растворе его могучего языка. Поэтическое и непоэтическое в его произведениях настолько уравновешены в единой тектонике многоуровневого здания с башнями, что редко удается их разделить. Мы не будем пытаться найти непосредственные доказательства его поэтической оригинальности, ограничимся анализом последовательности явлений, бессмертных самих по себе. Благодаря природным задаткам, которые выступают на передний план у ораторов и проповедников, а также у поэтов, он был мастером слова, что сделало его языкотворческой величиной первого ранга всех времен и народов. Хотя его и не относят к

¹⁵⁴ Штирнер Макс (псевдоним) — Шмидт Иоганн Каспар (1806–1856) — немецкий философ, основоположник философии индивидуалистического анархизма.

числу ведущих поэтов, ему нельзя отказать в выразительности написанного слова, которая ставит его в один ряд с Данте¹⁵⁵, Экхартом¹⁵⁶, Лютером¹⁵⁷, Гёте, Гёльдерлином, Гёрресом и Ницше. Он обладал не только чувством родного языка, необходимым для любого настоящего поэта и значительного писателя, вместе с ним он внес в немецкую литературу нового времени утраченный ею эпический стиль. Подобно тому, как в Гёте мы видим, прежде всего, неподражаемого возродителя песенного звучания, в Гёльдерлине, намного превзошедшего Клопштока¹⁵⁸, убедительного оживителя интонаций оды, в Ницше — непревзойденного художника глубокомысленных афоризмов, в Иордане видим творца, обновившего эпический стиль, который со времен «Песни о Гильдебранде» и «Беовульфа» был присущ кругу германских языков. Не случайно и то, что он вернулся к аллитерационному стиху, с которым он обращался с такой уверенностью, как ни один скальд «Эдды». Но не в этом мы видим суть его эпической формы изложения, которая отличает его во всех его произведениях и пределы которой резко обозначают границу его мастерства. Мы можем указать также на поучительные рифмованные стихи его «Молитв» и на почти научно-преподавательскую прозу его «Эпических писем». Она несет в себе характерные черты его личности, но она не теряет из-за этого своего значе-

¹⁵⁵ Данте Алигьере (1265–1321) — итальянский богослов, поэт, мыслитель.

¹⁵⁶ Экхарт Иоганн (ок. 1260 – ок. 1328) — немецкий философ и теолог, один из основных христианских мистиков.

¹⁵⁷ Лютер Мартин (1483–1546) — немецкий христианский богослов, инициатор Реформации, оказал большое влияние на формирование литературного немецкого языка.

¹⁵⁸ Клопшток Фридрих Готлиб (1724–1803) — один из выдающихся немецких поэтов.

ния, будучи образцовым примером словесного выражения эпического духа. В этом по необходимости кратком очерке мы можем для сравнения привлечь, в первую очередь, поэмы Гомера, а также борьбу Пандавов с Кауравами в мастерском переводе «Махабхараты» Гольцмана.

Поэзия это выражение души в слове и она доступна лишь духу того, кто хотя бы на одно мгновение подчинится пульсации стихийной жизни. «Третий вид одержимости и неистовства — от Муз, — говорит Платон в диалоге «Федр» — он охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет выражать вакхический восторг в песнопениях и других видах творчества... Кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых». Но, в то время как сочинитель дифирамбов, в упоении, как древний певец или путем искусственного воссоздания, пытается сам уловить проносящиеся мимо него образы, то автор эпоса получает от них только определенный стимул для создания своего предметного мира. Первый теряется в своем творении, потому что он целиком сливается с ним, второй — потому что он целиком отделяет себя от него. А поскольку он вследствие этого противопоставляет себя и своему собственному пониманию, он предстает в глазах простого зрителя и тайного демиурга так, что обретает реальный образ лишь через него, но не из него. Поэтому если язык дифирамбов и песен говорит сам от себя, то в эпосе говорит охватывающий весь мир дух, которому слово охотно повинует, словно это гений самого языка. Можно сравнить «Оду к Афродите» Сапфо

и описание острова Огигия у Гомера, чтобы ощутить различие по сути этих видов поэзии. Оба они в высшей степени совершенны. Мы встречаем эти художественные произведения и в более поздних культурах. Оба являются творениями обладающих самосознанием личностей, но если язык Сапфо словно осыпает нас жемчужными каплями сверкающего золотом источника, соприкосновение с которым омолаживает, то строфы Гомера похожи, наоборот, на медленно движущийся поток, хрустальные волны которого уносят нас, и мы забываем себя под влиянием проплывающих мимо нас образов и обширных ландшафтов. В первом случае обретает звучание биение нашего сердца, во втором из уст поэта вырастает мир, который кажется нам даже более реальным, чем мир нашего эпоса. То, что называют эпической широтой, — следствие той магии языка, которая не только разглашает чудеса души, но и, шаг за шагом, создает, будто бы снаружи, кажущуюся вещественной реальность, в которую душа может улечься, как в постель.

Не следует путать эпическое искусство с искусством рассказа. Увлекательный рассказ может быть реалистическим, как у Иеремии Готтхельфа¹⁵⁹, или фантастическим, как у Амадея Гофмана¹⁶⁰, или сказочным как в сказках и легендах, или высокохудожественным, как у Келлера, или просто поэтическим, почти все авторы рассказов — поэты. Но он всегда предполагает наличие мира, в котором происходит действие рассказа, а создатель эпоса строит и

¹⁵⁹ Готтхельф Иеремиа (псевдоним) — Бициус Альберт (1797–1854) — швейцарский писатель-романист и богослов.

¹⁶⁰ Гофман Эрнст Теодор Вильгельм (с 1805 г. Амадей) (1776–1822) — немецкий писатель романтик, сказочник, композитор.

сцену, на которой разыгрываются описываемые им события. В рассказе сменяют друг друга все возможные тональности, от наивной народной до искусственной, искаженной тональности т. н. романов. Эпос знает только *осиленный* язык хотя и понятного, но стоящего над ним духа. Сюжет рассказа — происходившее где-то и когда-то, пусть даже в сказочном царстве, эпос рассказывает, как уже говорилось, о судьбах мира. Каждая особая эпоха это, в сущности, особая космогония. События и образы кажутся связанными в ней согласно таинственному плану. Надо всем царит Рок, от которого не спасают ни величие характера, ни ясность сознания; герой — побежденный или победоносный исполнитель божественного решения. Силами Неба и Земли полон и сам ландшафт, и по их таинственным знакам можно предугадать Неотвратимое. Иногда раскрывается отдаленный фон, и мы видим норны, которые плетут нити Судьбы. Полная страшных предчувствий картина планетарной вселенской необходимости, без которой не обходится ни один великий эпос, в «Нибелунгах» Иордана сверкает всеми красками. Достаточно одного лишь эпического начала — и почти обывательская сцена обручения Зигфрида с Кримгильдой вплетается в ткань жизни Вселенной:

*И подошли никем не видимые Норны
Своим бесшумным хороводом обрученных
Соединив кольцом. И дуновенье
Овеяло любовью опьяненных
И легким ветерком ушло к камину.
Но через мир ночной, в глубины Нибельгейма
И к облакам, в обитель жителей Валгаллы
Песнь донеслась, земным ушам неслышна,
Она была морской подобна буре.*

И такими же блистательными стихами заканчивает Гильдебранд свой рассказ о преступной связи Кримгильды с Этцелем в шатре короля гуннов:

*Дул ветер ночью, небо было в тучах
Сквозь редкие просветы огоньками
Мерцали звезды, словно только горе,
Увидев на земле, они скрывались.
К ним поднимался дым от преступления.
Они спешили миновать просветы
Чтоб с неба не упасть, лишь тьму оставив.
Но на Востоке все же поднимался
На кромке, из тумана, темно-красный
Сerp месяца, как будто нож кровавый
След оставляя, отражался в водах.
Предстал Дунай, таинственно шумящий,
Передо мною как поток кровавый
И гром глухой при этом я услышал
Внизу злоеще где-то загремел он
Земные недра грозно сотрясая
Уже в момент зачатья ощущала
Земля, что горем мир наполнит жребий
Который суждено родить ей вскоре, —
Он в Этцеля шатре уже свершился.*

Мировой скорбью дышат эти строфы, услышав которые Зигфрид при холодном свете начинающегося солнечного затмения уходит один в лес, где видение Аида подсказывает ему место его гибели.

*И бесстрашный герой почувствовал сердцем
Что время пришло, и великие беды
Ждут не только его. И к Земли душе он
Обратил, ночными думами полон,
Дух встревоженный свой. И богов ждет гибель.
День падения их наступит скоро
Он в Исландии древнюю песню слышал,
И теперь сорвалась она с уст героя*

*«Есть беда и на небе
И всему грозит гибель,
И на небе, я слышал,
Свет его уже гаснет.
Даже гордые звезды
Смерть теперь ожидает
И та ночь уже близка,
Когда утра не будет.
Ибо солнце зачахнет,
Когда кончится лето».*

*И с этою песней шествовал Зигфрид
Одинокó весь вечер, пока не увидел
Изда́лека раскину́тый кня́жеский ла́герь,
Осве́щенные стра́нно за́катным сол́нцем
Бургунды ка́зались ему́ тенья́ми
Они ждали рассвета в тени дубравы
На бездорожном подножье Иды.*

Мало что во всей немецкой поэзии можно сравнить с космическим великолепием боевой песни о валькириях, с которой Нибелунги начинают свою смертельную битву с гуннами:

*Проснитесь!
На тучах Оружия звон
Проснитесь! И буря
Заржала, как конь
Валькирии с неба
На битву летят
Как брачные платья
Их латы блестят
По воздуху всадницы
С неба слетят
И лаской того, кто убит, наградят.
Проснитесь!
Волков слышен Вотана вой
И пир его враны предчувствуют свой.
Душе пусть откроется
Солнечный путь*

*Ты меч только свой
Наточить не забудь.
Ведь жизнь это сон.
Только гибель в бою
Спасет для бессмертия душу твою.*

Это еще одно доказательство эпической подлинности Иордана, которую он совершенно утратил, когда позже попытался просто рассказывать, но нельзя его недооценивать из-за его неудачных романов.

Мы здесь только наметили рамки, в которых можно обрисовать картину эпического построения языка, но мы должны ограничиваться только той основной линией, которая позволяет обнаружить это построение и вне связного рассказа.

Автор эпоса не только делает нас едиными с происходящим, но и заставляет переживать его. Он, в отличие от авторов дифирамбов и драматургов, которые тоже на свой лад преображают нас, должен придавать выдуманному поэтическим образом видимость телесности, чтобы сделать их достоверными. Его язык трехмерный, телесный, временной. Ницше упрекал поэтов в том, что они якобы не знают «опьянения звуками», но это его мнение могли бы опровергнуть не только греки, но и Гёльдерлин, Жан Поль¹⁶¹, Эйхендорф, Ленау и Конрад Фердинанд Мейер, так как самые возвышенные места их сочинений дышат благозвучием, убеждающим нас в том, что из живых языков немецкий — самый красивый в мире. Зато со времени рассвета нашей литературы в XVIII веке мы знаем лишь двух поэтов, которые умели передавать новому верхненемецкому диалекту

¹⁶¹ Поль Жан (псевдоним) — Рихтер Иоганн Пауль Фридрих (1763–1825) — немецкий писатель-сентименталист и преромантик.

тройную пластичность, накладывая на него древнегерманский отпечаток: это удавалось Аннетте Дросте¹⁶² в лучших ее стихотворениях и тому же Иордану, даже в неудачных его сочинениях. Мы не можем здесь выделить элементы работы над языком, которая служила одной цели — чтобы одновременно с рассказом создать зрительный образ атмосферного пространства, в котором все фразы стояли бы как плиты, овеваемые прозрачным воздухом. Достаточно лишь сказать, что наряду с распределением гласных в такт, переносом ударения на основные слоги с сильными согласными и обильным использованием соединительных слов и переходных фраз, тайна пластичного стиля заключается в развертывании одной фразы из другой, что связывает их как следующие одно за другим впечатления, из которых каждое готовит следующие, а закон последовательности им дает всем вместе только последнее. В полную противоположность автору дифирамбов, у которого навязанный ритмом порядок слов придает отдельному слову утраченные им краски или оделяет его новыми, порядок слов у демиурга эпоса определяется только мыслями, но согласно закону наглядного развивающегося возвышения. Когда Иордан начинает со слов:

*В пении сладком, бессмертная сага,
Древние сказки вложи мне в уста,*

то эти уста саги приобретают значение лишь благодаря тому, что им предшествует сладкое пение, но оно само — результат обратного воздействия

¹⁶² Дросте-Хюльсхофф Аннетте фон (1797–1848) — немецкая писательница и поэтесса.

полноты чувств, без которой он мог бы обойтись при тех же словах, но в иной последовательности:

*Древние сказки вложи мне в уста
В пении сладком, бессмертная сага.*

Именно по этой причине Гомер начинает «Илиаду» со слов гнев, менис, а на него накатываются, как волны в бурю, первые строфы, которые сразу же делают почти титаническим образ Ахиллеса, Пелеева сына.

Нам пришлось бы исписать много страниц, чтобы охарактеризовать в отдельности те средства, с помощью которых достигается глубинное измерение структуры фразы и осязаемая телесность эпического выражения мыслей. Иордан отказался от постановки глагола на последнее место в предложении. Он ставит его либо перед ударным словом, либо, с совершенно неожиданным эффектом, в начало предложения, где ударение приходится на него:

*... Как чистое золото, заворковали,
Молчанье нарушив, четыре сестры,
И тронули струны и вместе запели.*

Или:

*Намеренье поняли: палец Кримгильды
След сохранил от преступного злата.*

Иногда ударение анапеста обязывает, но местами он ускоряется в порыве, не нарушая накатывание волн пения и рассказа:

*К ним скачут верхом на конях, словно буря,
Гиганты Рейфланда отнять у них жизнь.*

Если у Гомера развитие событий сопровождается металлически звонкими эпитетами, то у Иордана бесчисленные новообразованные сложные слова местами придают рассказу удивительную силу... Но, поскольку такого рода дополнения остаются искусственными, мы лучше в заключение перескажем для читателя описание Исландии, места рождения «Эдды», в «Эпических письмах». Мы видим в нем совершеннейший образец немецкой прозы, и его одного достаточно, чтобы убедиться в лживости болтовни об эпигонстве этого великого мастера эпического языка. Читателю будет нетрудно распознать основные признаки этого языка, и не должно шокировать то обстоятельство, что во время создания этого произведения еще доминировала гипотеза о происхождении всех ариев из Пятиречья. «Окруженный с севера и с востока ледяными массами Ледовитого океана, этот остров в какой-то мере ещё пригоден для жизни только благодаря последним остаткам тепла, которые ответвление Гольфстрима приносит в Европу из нагреваемого котла, Мексиканского залива. Оно омывает западные и южные побережья Исландии. Горные массивы, возвышающиеся из тумана и облаков, покрытые вечными снегами и глетчерами, сияют мореплавателю уже издалека. Потухшие вулканы возвышаются словно великаны доисторического мира в своих ледяных панцирях, непробиваемых для солнечных лучей. Засохшие потоки лавы глыбами громоздятся друг на друге, образуя фантастические фигуры, и им не видно конца. И теперь ещё грохочет Гекла, выбрасывая ввысь облака пепла и заливая неугасимым жаром недр земли снежные и ледяные пустыни. Мощные горячие источники, именуемые гейзерами, выбрасывают в воздух гигантские

пенные снопы кипящей воды. Жидкий ствол, толщиной до десяти футов, поднимается как башня, увенчанная огромными облаками пара. В следующий миг в глубине раздается глухой удар, пенная колонна падает и будто по волшебному слову исчезает подобно чудесному сну при первых лучах утра. Когда дрейфующие льды со Шпицбергена, как это иногда бывает, обступают северное побережье в июле и даже в августе... на этом острове нет лета и после короткой бурной оттепели между морозами одна зима сменяет другую. В иных случаях за долгой зимой следует короткое лето, но оно похоже на март в Южной Германии, когда солнечные дни сменяются дождливыми, а иногда идёт снег. В промежутках бушуют опустошительные бури, которые сбрасывают всадников с коней и бичуют поверхность моря, поднимая облака брызг, и они поливают дождем соленой воды горы высотой до двух тысяч футов.

В середине года темно-красное солнце стоит даже в полночь над северным горизонтом. Но только в благоприятные годы этот долгий день обладает силой, достаточной для созревания ячменя на скудных полях; чтобы его зерна можно было молотить, срезанные снопы колосьев сушат на полуденном солнце на обращённых к югу стеллажах. В конце сентября снова начинается зима с её непроницаемыми метелями, чтобы на семь-восемь месяцев покрыть весь остров от гор до побережья столь толстым слоем снега, и лишь местами из нее выглядывают утесы лавы, покрытые серым мхом, но нигде ни кустика, ни стебелька, а люди часто могут беспрепятственно ходить по крышам своих занесенных снегом домов. Только северный олень находит путь через зимнюю пустыню и умеет выкопать из снега мох для своего скудного пропита-

ния. В короткие полуденные сумерки, к которым сводится день, стаи морских птиц слетаются на обледевшие берега, громко крича и борясь с ветром. Вся прочая жизнь умолкает. Однако ночью на звездном небесном своде начинается свой волшебный огненный танец северное сияние. Меняя краски, его лучи, дрожа, поднимаются и опускаются между коричневой дугой горизонта и зенитом и освещают заледеневшие поля призрачным неопишуемым светом.

Скучно, но возвышенно напоминала эта природа своими резкими контрастами, своим первозданным огнём и своими льдами о тайнах творения, о начале и конце всех вещей. Её краски — мрачные, серые; ее формы — колоссальные, резко очерченные, несущие на себе печать разрушения; туманны и грозны ее впечатляющие небеса. Ни одно место на Земле не может в такой тональности заставить людей вспомнить историю изгнанных богов, их бывшее величие, после того как главный из них, сравнимый с титаном нашего века, обрел здесь свою Святую Елену. Здесь фантазия не удовлетворяет чувства, глухая современность заставляет с удвоенной ностальгией вспоминать о прошлом. Во время длящегося восемь месяцев зимнего досуга в заснеженной хижине при свете лампы воспоминания улетают на тысячи лет назад, из этого последнего привала посреди замерзшего Ледовитого океана на солнечную прародину асов на склонах Гималаев и под пальмами на берегах священного Ганга».

Если наше время уже вообще глухо к чудесному воздействию возвышенной речи, значит, оно утратило какую бы то ни было связь с художественным совершенством и спокойной речью эпосов. Разобщенное, лишенное убеждений, оно теряет вкус и

восхищается отдельными блестящими красотами. И остается еще сказать о том, что в поэзии Иордана царит дух почти безличной грусти, которая вопреки его вере в прогресс постоянно напоминает ему о вечном расставании со всем живым. И как слезы в глазах мужчины, больше, чем излияния лириков, нас трогают скупые и редкие жалобы на свои собственные беды обычно молчаливой души. Хотя «Строфы и аллитерации» это на три четверти мысли и рассуждения, достаточно одного стиха как этот, чтобы обеспечить его творцу непреходящее место среди мастеров песни, живших после Гёте.

Время, стой! Отдохни!

Дай покой хоть на миг!

(Несчастливым чувствует себя тот, чье счастье в его руках)

Не мешает Солнце ей никогда.

Поспешает К нам наша звезда.

(Когда круг жизни близок к завершению)

Уже дышит с небес Осень холодом

И зеленый лес Станет желтым.

(Но уже почти готов его летный зеленый наряд)

Пусть осыпаются Твои листочки

Вновь наливаются Ростки и почки.

(Ты не заметишь, как выпил свою чашу.)

Дитя, играй, пока растешь.

Что жизнь — не рай Потом поймешь

(Мрачным становится лицо, которое только что смеялось.)

Миру верь И не злись

Либо вверх Либо вниз

(И как только ты вполне пробудился, ты погружаешься в сон.)

О СТИХОТВОРЕНИЯХ КОНРАДА ФЕРДИНАНДА МЕЙЕРА (1925)

(К столетию со дня его рождения)

Если есть нечто вечное, придающее исключительную ценность плодам творчества, то мы должны тем выше оценивать их, чем чище и ясней представлено в них это вечное, поэтому не исторические рассказы, новеллы и романы, а стихотворения Конрада Фердинанда Мейера имеют непреходящую ценность. И дело не в их светящейся сути, хотя в какой-то степени именно она увлекает читателя, а в том, что в них заключено утонченное и часто скрытое ощущение времени, так что мы могли бы усомниться, есть ли оно в них, если бы стихи не поверяли его нам. Что оно собой представляет, невозможно просто определить одним словом, как красное или сладкое. Тому, у кого органы чувств в душе сморщились, мы не можем об этом сказать, как не можем описать слепорожденному краски заката. Только тот, кто может его понять и проникнуться им, может вспомнить прошедшее и попытаться его истолковать. Но есть немало таких, кому это ощущение было до сих пор недоступно, потому что их внимание было отвлеченно на что-то другое. Ведь нам дана не только жизнь, но и разум, и мы в спешке проживаем отпущенный нам срок ради определенных целей, намерений, программ, движений и партий, часто при этом, искусственно делая наши души слепыми и глухими, и спо-

собны уделить внимание реальному миру не больше, чем участник скачек или бегун, идущий на рекорд, может оценить очарование природы. Вечное мы не можем воспринять как информацию, хотя оно близко, но мы можем разорвать созданные мозгом призраки, отвлекающие глаза души, и мы хотим, чтобы наши слова понимали именно в этом смысле.

Пророческой фразой «То, что остается, создают поэты» Гёльдерлин выразил ту мысль, что о сути свидетельствует лишь поэт и хранит ее. Но достаточно хотя бы раз в жизни самому почувствовать неопиcуемый пульс поэтического возбуждения, чтобы правильно понять глубокий смысл этого выражения. Оно не означает, что насыщенные реальностью мгновения непременно должны быть выражены в поэтической форме — нет, это под силу только магии языка. Наконец, совершенное стихотворение не обязательно должно содержать нечто сверхвременное, чтобы именно по этой причине пережить все изменения, происшедшие в мире. Чтобы создать то, что остается, поэту достаточно того же, что и строителям древнеиндийских и египетских храмов, римских триумфальных арок, мавританских Альгамбр и не в меньшей мере — даровитым певцам Волги и степей, и среди них не было никого, кто не раскрыл бы в запечатленных им вечных образах неповторимую, уникальную сущность своего народа и своей эпохи. Одно остается истинным: поэтическое это всегда обновление прошлого и оно сохраняет его нерушимую *реальность* наряду с никогда неисчерпаемой возможностью возрождения в готовой к восприятию душе любого народа и любой эпохи. Но почему это чудо мы, прежде всего, ощущаем в ритмичной последовательности звуков языка, которые живы лишь для того, кто знает их значение и может их

воспринимать? От этого возникающего из бездны вопроса мы решительно отшатнемся: реальность нимба воспринимается лучше, если мы не будем ошипывать его разумом, обратимся к ее особому проявлению в ритмах нашего поэта.

Стихотворений, в которых она выражается в полных значения прообразах или сама душа целиком превращается в образы, мало даже у самых великих, если учитывать весь объем их сочинений. У Аннеты Дросте, которая не уступает и Сапфо, на дюжину ее стихов найдется максимум одно такое (при их общем металлическом звучании), а Гёте наряду с множеством чисто личных реминисценций оставил нам еще больше мудрых мыслей, мастерски выраженных в стихах. Надо сказать, что Конрад Фердинанд очень строго отбирал стихи для своего «Избранного», и нелегко найти нечто подобное им, за исключением одного Гёльдерлина, и самый взыскательный любитель совершенства будет от них в восхищении, ибо даже в тех случаях, когда слова не переходят полностью в образы, пафос грозит переродиться в патетику, а радость рассказчика отвлекает его от созерцания, захватывает дыхание красота его стихов и строф. Поэтому эпиграфом к тому его стихов могла бы служить последняя строка из «Новогодних колоков»: «Безбрежен благозвучия поток».

*Как сладко тишина молчит в любом листе!
Ржаное поле волнами шумит
Под ветром тем, что с высоты летит
Женщины, неся кувшины, шествует степенно
Как они придут и минут году год на смену.
Я поднял весла, лодке дал свободу
И падают лениво капли в воду.
Меня он братом назвал недаром
И мое сердце зажгет пожаром*

*И показалось мне, будто крылья
Кто-то надо мной распростер.
Они обладали таким размахом,
Что охватить могли без усилия
Не только поле единым махом,
Но пропасти и вершины гор.*

Можно заполнить много страниц подобными образцами, но мы хотим сказать только о самых совершенных его стихотворениях.

Сегодня мы привыкли считать вторую половину XIX века бескультурной и враждебной душе, но мы не должны забывать, что в 80-х и 90-х годах на океане человечества поднялась волна, может быть, вызванная планетарными причинами, но в любом случае стихийная, на фоне которой современная безвкусица выглядела как обломки кораблей и консервные банки на морском берегу. Их было немного, но и немало, людей с душами искателей приключений эпохи парусников, которые устроили смелую путину и оставили потомкам на память те сокровища, которые они выловили из глубины вод. Через «бездны забвения» (Келлер), которые уже сегодня нас от них отделяют, мы видим в уменьшенной перспективе имена людей, которые не имели ничего общего со своими современниками. Можно сказать, что все они, по сути, очень близкие к романтикам, но столь отличные от них по образу мыслей, эту близость не признавали, творили под знаком возрождения язычества и подготовили переворот в наших представлениях о Древнем мире, который долго казался невероятным в классическую эпоху подделок под ампиры и конечный результат которого, насколько мы можем о нем говорить, и в настоящее время еще не просматривается. Назовем лишь несколько имен. Буркхардт проложил себе путь через аморализм Ре-

нессанса, хотя частично в нем застрял. Бахофен, хотя и был старше, копнул несравненно глубже и дошел до того хтонического нижнего слоя, в который уходят своими корнями еще не знавшее морали мировоззрение не только средиземноморских народов, но и всего человечества. Бёклин в красках, а Конрад Фердинанд в словах выразили пламенный ужас доисторического мира, для которого, Ницше, будучи в какой-то мере наследником их всех, нашел подходящий символ, окрестив его именем Диониса, бога со множеством масок. Золотое содержание стихов нашего поэта — своего рода язычество. Знаком и печатью его поэтической миссии можно считать то, что, хотя в своих новеллах он тоже частично застрял в Ренессансе, но свои стихи, которые он черпал из первоисточника и, касаясь струн жизнеощущения древних, заставлял звучать так, как ни один поэт до него. Мы говорили при этом не только о его «Избранном», хотя оно лучше всего подтверждает наши выводы. Мы имеем в виду те флюиды древности, которые окропляют живой водой все его стихи, которые мы можем сравнить только с самыми прекрасными барельефами греков. Мы становимся современниками рождения Афродиты.

Не было ни одного великого поэта (как мы уже сказали), который по-человечески и эмоционально не был бы связан со своей родной землей. Только у Конрада Фердинанда неподражаемый свет древности, величественный, спокойный свет давно исчезнувшего мира показывает нам альпийские луга, высокие горы и вечные снега столь пластично, с такой ясностью и такими резкими тенями, какими мы никогда не видим их нашими телесными глазами, словно в прозрачном воздухе. Как чудесно сказал Жан Поль: «Прошлое блестит подобно тому, как ко-

рабли иногда оставляют за собой на море светящийся след». Поэтому дали становятся близкими, четкость ландшафта влечёт к бесконечным странствиям, современность мелодических образов дрожит, словно непрерывно прощаясь. Поэтому так влечет своим блеском культ темного полушария жизни, который ни один поэт нового времени не описал столь антично. Сравним «Вечно юно только солнце» и противоположное ему стихотворение «Под звездами», и мы узнаем тайны древности, потому что переживем их как посвященные, а не будем знать о них только по находкам археологов. Мы видим колесницы, которые стремятся к цели, видим победителя, которого под клики народа награждают венком, и видим, как гаснет свет, чувствуем, что вся эта мировая сцена, непрерывно вращаясь, опускается вечную тьму звёздной ночи и молчания.

*Вот сын земли при ярком солнце мчится,
Хлеща коней, он гонит колесницу
К заветной цели, рассекая воздух,
Но помнит ли при этом он о звездах?
Устанут кони, гонка быстротечна.
Потом начнет мигать огнями вечность
И по священным мировым законам
Умолкнет крик. День будет осужденным.*

Ночь, материнская мировая стихия, породившая свет. Сон — всеобъемлющий океан, который для короткого периода бодрствования выпускает из себя каждое бытие в отдельности и снова забирает его себе. Умершие это не бедные души, наоборот, они возвращаются в лоно жизни, в подземные жилы первозданных вод, без их питающей влаги всё засохло бы. Эти основные представления «человечества пеласгов», которые современное человечество без-

надежно утратило, снова расцвели и заструились ароматом в стихах Конрада Фердинанда. В этом редчайшая красота его творений.

Первым снова возвестил об этом Новалис. «Даже сон не что иное, как невидимое мировое море, а пробуждение — его прилив». Новалис своими «Гимнами ночи» бросает нас в пылкие объятия тьмы. Ленау в седьмой из упоительных «Песен о Мерлине» позволяет нам пройти через ворота дремоты и увидеть мир снов, по сравнению с которым дневная реальность становится бледной и мрачной. Конрад Фердинанд воспекает несказанное, и мы постепенно падаем в бездонные колодцы бессознательного, забывая самих себя и происходящие в мире события, снова погружаясь в бездну. Непостижимые «Ночные шумы» каждый читает, глубоко уходя в себя, а в более легком пересказе «В запоздалой лодке» мы видим в заключительных стихах тот же символический корабль феаков, который выносит заблудившихся во сне к берегам родины.

*Смерть нежная и боль, и радость ждет.
Ночная лодка спящего несет.*

Ничто происшедшее не повторяется. Каждый из нас имеет только *одну* жизнь, и каждый миг жизни столь же незаменим, как сама эта жизнь. И народы приходят и исчезают навсегда. То, о чем мечтали индийцы, что созерцали греки и переживали римляне — никто не будет вновь мечтать об этом, снова созерцать или переживать. Речь идет не о повторении, а о возобновлении древних страхов, и если мы вынуждены объяснять сочинения нашего поэта, ссылаясь на прошлое, из которого он черпал вдохновение, то не менее важно указать и на цвет души, благодаря которому он, независимо от любого прошлого, смог

выразить в звуках самые сокровенные импульсы своей и только своей эпохи. Творцам поднимавшим описанную выше волну, были присущи, три схожие черты, которые, может быть, означали переход человечества в совершенно новые состояния сознания, а может быть — гибель самой души. Страх перед бренностью, «таинственные огненные письма» полные неопределенных предчувствий, и чувство грозящего Рока. Достаточно вспомнить прекраснейший автопортрет Бёклина, на котором ему суфлирует Смерть, его многочисленные картины, посвященные искателям приключений (например, «Поход готов») с сопереживанием чувства викинга, который сжег за собой мосты и отправился в поход, готовый как победить и завоевать, так и погибнуть в море, полном немислимых угроз. Не только паны, фавны, нимфы, тритоны появляются на его картинах, но и челн Харона, и мстительные Эриннии, и Погубитель в ореоле бури и пламени. Если мы применим слово «демоническое» которым часто злоупотребляли, к породившему его духу, это, конечно, будет Бёклин, и в этом его античность отличается от античности Гёте, Винкельмана¹⁶³ и Шиллера. Но недостаточно четко прислушивался тот, кто не уловил близкородственный демонизм в стихах нашего поэта. Сошлемся на его «Избранное» или на его стих: «Сдружился я со смертью». Дрожь от страха перед бренностью бытия чувствуется, словно подземный гром в его стихотворении «Умершие друзья»:

*Волны плещут о борт и весла бьют
И словно участники пьянки поют
Веселый хор я слышу, не стон*

¹⁶³ Винкельман Иоганн Иоахим (1717–1768) — немецкий искусствовед, специалист по античной культуре.

И ночь оглашает бокалов звон.

Поэту видится двойник, и часто повторяется мотив встречи с ним. В заснеженном ельнике ему встречается всадник, которого, как кажется, он знал в давно прошедшие дни:

*Дикая сила юных глаз
И уст немых упрямая складка
Едва я увидел их, тотчас
Меня охватили всего без остатка.
По белой тропе его шел конек
Мимо меня на неслышных копытах
Я имя его вспоминал, но не смог
Вспомнить его после многих попыток
И так продолжалось это доколе
Я имя вспомнил свое еле-еле,
А между тем и всадник, и конь
Исчезли, уйдя в заснеженный ельник*

И культ предков, которых почитали пеласги, обретает у него величие и значительность, как ни у кого другого, в его потрясающем «Хоре мертвых», который снова влечет их к жизни:

*Мы мертвые, мертвые, мертвые души
Нас больше, чем вас на морях и на суше...
И каждую вы почитайте, как бога,
И жертвуйте нам! Потому что нас много!*

Что же касается шага в неизвестность и предчувствия роковой неизбежности, то мы никогда не закончим, если захотим в стихах и строфах найти эти оттенки в душе нашего поэта, поэтому мы довольствуемся тем замечанием, что воздушная прозрачность, о которой мы говорили ранее, сменяется у него иным светом: вдруг возникающим и снова погружающимся в ночь светом зарниц.

*Пресс давяльный мне не страшен
Лет, тяжелых как чугун,
Становлюсь в огне я старше
И в огне я снова юн.
Я от первой же зарницы
Осветившей небосвод
До другой, что миг лишь длится,
Свой отчитываю год.*

Сильней и глубже, чем весь трагизм одного только человека, трагизм самой реальности, поэтому неотделимы друг от друга: пресыщение красотой жизни, вспышки дурманящего блаженства, ее рождающие образы потоки и неумолимая Судьба, которая неотвратимо ломает любую жизнь. Флейта радости отзвучит, и наступит вечное молчание. Тот, кто еще может услышать это в шуме улиц, в грохоте прибоя, и хочет знать, что происходит тогда в сердце человечества, в сердце самой Земли, узнает это из этих вдохновенных стихов:

*Спать ложатся в Каналь Гранде
Тени вечера устало
Темные скользят гондолы
И как будто шепчут тайну.
Но между двумя дворцами
Все еще закат пылает
И еще полоски света
На гондолы он бросает
И в его пурпурном свете
Люди говорят, смеются.
Машут спорщики руками,
А девицы строят глазки
Коротка и быстротечна
Наша жизнь в страстях проходит
И в тени потом угаснет
Словно шепот непонятный.*

ПОЧЕМУ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНО ПОДНИМАТЬ ПОКРОВ СТАТУИ ИСИДЫ?

ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО (1919)

Советую перед тем, как будет дан ответ на поставленный в заголовке вопрос, перечитать сначала балладу Шиллера. Хотя она заканчивается весьма моралистическим поучением, которое, несомненно, было чуждо древности, значительная часть ответа будет касаться как понимания древних, так и понимания Шиллера.

Уже имеющееся толкование, я имею в виду Ваше, я и тогда не смог бы признать за таковое, если бы выраженная в нем мысль была верна сама по себе, но фактически это не так.

Исида, говорите Вы, это «творчески ткущая Мать-Природа», и тот, кто силой поднимает ее покрывало, «захлестывается полнотой освобожденного мира мечтаний» и в результате духовно разрывается на куски. Не желая отбрасывать выражение «Творчески Ткущая Мать-Природа», я хотел бы все же указать, что оно содержит в себе нечто сомнительное и опасное. Оно говорит и всё и почти ничего! Природа в этой взаимосвязи — одно из тех неопределенных понятий, при которых каждый может думать все, что угодно. Творческую полноту один будет представ-

лять себе как задумчивый лес, другой как любовную страсть, третий как тайфун, четвертый как звездное небо, а эфесцы, еще не дошедшие до философии, изображали ее в виде женщины со ста кормящими грудями. Натуралистическое изобретение терминов отдаёт предпочтение обобщениям, чем больше оно уходит в физику, тем больше отходит от переживания. «Полноту освобожденного мира мечтаний» можно нам мысленно представить себе, но невозможно охватить взглядом все направления мечтаний, фантазий и даже представлений, которые вызывает определённое изображение Исиды или Сфинкса или Артемиды Эфесской.

Но даже если оставить в стороне неопределенность этого основного словосочетания, я всё равно сочту его немыслимым и думаю, оно никогда ещё всерьёз не употреблялось, захлестывание полнотой природы повлекло бы за собою хроническую болезнь, длящуюся всю жизнь. В этом захлестывании в любом случае было бы нечто экстатическое, а поскольку в экстатическом волнении с высшим блаженством смешивается глубочайший ужас, многочисленные свидетельства самых разных народов и времен доказывают, что, очнувшись, человек вспоминает момент пережитого экстаза как момент милости, и каждый, кто его пережил, хочет пережить его снова. Апулей¹⁶⁴, посвящённый в мистерии Исиды, описывает чувства, которые вызвала у него после просветления статуя богини в храме Исиды, в таких словах: (согласно переводу Де Ионга, из которого взяты и другие цитаты в этом письме): «Ещё несколько дней оставался я там, и неопишное бла-

¹⁶⁴ Апулей (ок. 125 – ок. 170) — древнеримский философ-платоник и писатель.

женство доставлял мне вид божественной статуи, незабываемыми благодеяниями обязан я ей... При виде Богини я пал ниц и долго прижимался лицом к её ногам, обливаясь слезами, которые прерывали лишь частые всхлипывания, и полузадушенным голосом выговаривал слова: "Ты Святая, ты вечная Хранительница рода человеческого, ты всегда щедро улаждаешь смертных, к несчастным ты относишься со сладкой нежностью матери. Ты не знаешь ни дня, ни часа покоя, ни одно мгновение не проходит без твоих благодеяний. Без того, чтобы ты не защитила людей на воде и на суше, не прогнала бури жизни, не протянула спасительную руку, которой ты самарываешь запутанные донельзя нити судьбы, умиротворяешь ярость рока и останавливаешь губительное движение звёзд. Тебя почитают небожители, тебе служат боги нижнего мира, ты вращаешь Землю по кругу, зажигаешь свет солнца, властвуешь над миром и вступаешь в Тартар. Тебе повинуются созвездия, меняются времена года, Тебя радостными криками приветствуют боги, Тебе служат стихии. По твоему знаку дышит воздух, наливаются влагой облака, оплодотворяются семена, вырастают стебли. Твоё величие видят птицы, летающие по небу, дикие звери, скитающиеся в горах, змеи, скрывающиеся в земле, морские чудовища. Я слишком слаб духом, чтобы воспеть тебе хвалу, слишком беден, чтобы принести тебе достойные тебя жертвы. Обилие слов мешает мне высказать то, что я чувствую перед твоим величием, для этого не хватит ни тысячи уст, ни тысячи языков, ни вечного потока неустанной речи. Я хочу лишь того, чего может желать благочестивый бедняк; вечно буду хранить я твой божественный

лик и твою святейшую силу в моём сердце, и вечно будут они перед моими глазами”».

Эти слова дышат восторгом и вечными воспоминаниями. Несравненно более расплывчатые чувства человека нового времени звучат в стихах из либретто оперы Вагнера¹⁶⁵ «Тристан и Изольда»:

*Тонуть и утливаться в дыхании Вселенной —
Нет выше счастья для души Блаженной!*

Я плохо понял, почему пережитое способствовало преждевременному увяданию любопытного юноши из Саиса, этому способствовало, может быть, моё прежнее представление об экстатическом саморастерзании, к чему я ниже ещё бегло вернулся.

Таким образом, я вообще не могу счесть за правильное то положение, на основе которого Вы строите Ваше толкование, не могу и счесть его применимым к содержанию баллады Шиллера, которая начинается так:

*Влекомый страстью к истине в Саис
Пришёл однажды юноша, который
Стремясь постигнуть тайную науку
Египетских жрецов, уже прошел
Немало ступеней к высотам духа,
Но рвался он вперёд неудержимо,
Учитель отвечать не успевал
На все его вопросы.*

Тем самым заранее недвусмысленно сказано, что речь идет о постижении тайного знания. Строго говоря, у нас нет больше повода задавать вопрос, в

¹⁶⁵ Вагнер Вильгельм Рихард (1813–1883) — выдающийся немецкий композитор и дирижер. Творчество Вагнера было очень популярно в Третьем рейхе.

чем заключалась сущность Иси́ды или что скрывалось за покровом её статуи, так как об этом сказал нам сам поэт. По свидетельству иерофанта, за ним скрывается именно то, что было для этого юноши удовлетворением его любознательности: *истина!* Мы можем попутно задать вопрос: а в чём, собственно, заключается эта истина? Но наш главный вопрос должен быть таким: почему смертельно опасно желание поднять покров скрывающейся истины?

Мы, несомненно, будем твердо следовать мысли поэта, если поймём её так, что истина, то ли потому, что она обладает волшебным пылом, то ли потому, что находится под охраной могущественной богини, ускользает от человеческой жажды исследования и заранее названа *тайной мира*, поэтому в духе баллады будет вывод: тот, кто страстно стремится логически обосновать тайну мира, нарушает права богини и последствия этого преступления будут ужасны.

Шиллер говорит: тот, кто поднимет покров богини, *увидит* тайну мира. Если за Покровом скрывается сила, исходящая из Иси́ды, то либо этой тайной является сама богиня, либо она должна проявиться видимым образом. Несомненно, в любом случае тайна откроется тому, кто поднимет скрывающий её покров. Сразу же встает вопрос: не опасно ли для человека само по себе увидеть эту мистерию? Прежде чем заняться тем, какое указание на ответственность заключено в балладе Шиллера, ознакомимся с мнением древних. И тут нас ждут две поучительные находки, взаимно дополняющие друг друга.

Во-первых, с точки зрения всей античности (как, кстати, и большинства первобытных народов), зрелище богов опасно для людей. В орфической по-

эме «Аргонавтика» об Артемиде-Гекате (одна из форм Исиды) говорится:

*Ужасно для людей её увидеть, ужасно для людей её услышать,
Не пройдя посвящение и не принеся искупительные жертвы.*

В т. н. «Священной книге Монас или восьмой книге Моисеевой о свящённых именах» сказано: «Когда является бог, не смотри на него пристально, а смотри на свои ноги». Непосвящённый свидетель священных церемоний обречён на временную и вечную смерть. Так нам рассказывают об одном человеке, который из любопытства прокрался на церемонию и в ужасе от увиденного сошел с ума и вскоре умер. О двух юношах из Акарнании рассказывает нам в своей «Римской истории» Ливий¹⁶⁶: они невольно оказались свидетелями тайной церемонии и поплатились за это жизнью.

Во-вторых, мы знаем теперь, и Апулей это подтвердил: любое посвящение совершается в состоянии эпоптии, то есть созерцания. Перед созерцающим его мистом божество снимает покров, то есть происходит та самая мистерия, которая столь грозна для взгляда непосвящённого. Апулей так говорит об этом: «Я прошел через врата смерти. Я приблизился к нижним и верхним богам и молился им лицом к лицу». В том и заключался исключительный дар магов, некромантов и теургов — в способности выдерживать вид демонических сил и с их помощью заставлять говорить мертвых и творить прочие чудеса. Так что зрелище мистерии опасно не само по себе, а только для непосвященного. Но в чём заключается посвящение?

¹⁶⁶ Ливий Тит (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — древнеримский историк.

Шиллер устами иерофанта предупреждает: «Ни один смертный, — сказала богиня — не поднимет этот покров, пока я сама его не подниму». Любое посвящение человек *получает*, т. е. само божество даёт его посвящаемому. Такое получение во всех тайных богослужениях мира трактуется как подлинное зачатие, как «гамос» (брак) с божеством, причём душа миста является женской половиной. Я частично говорил об этом в «Мифологических письмах» и в «Космогоническом Эросе»: священный брак знаменует собой мистическое превращение: созерцающий, принимая бога в себя (обычно через символы ритуальный еды), сам становится богом и с тех пор тайна внутри него, а не вовне. Это позволяет нам понять то, что в египетских магических папирусах теург говорит о самом себе: «Я Осирис, то есть вода, я Исида, именуемая росой». Созерцание тайны происходит на основе единения с божеством, которое, в отличие от совокупления непосвящённых, не отменяет двоичность полюсов. Но человек становится таким лишь частично, в состоянии крайнего пафоса, которое по сравнению с деятельным ощущением бодрствующего «Я» воспринимается как его уничтожение, как смерть. «Я прошел через врата смерти»...

Вспомним, что всё наследие тайного посвящения было усвоено раннехристианской церковью, это обеспечивало успех её пропаганды среди язычников. «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови его, то не будете иметь в себе жизни» (Ев. от Иоанна, 6,53). И далее: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нём» (Ин.6,56) «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную» (Ин. 6,54). Это же соединение с божеством! Но

задумаемся над следующими словами: «Кто будет есть хлеб сей и пить чашу Господню недостойно... тот ест и пьет осуждение себе» (1 Кор.11, 27,29). Точно так же, как при языческих тайных богослужениях христианское причастие освещенной плотью и кровью сулит званым вечную жизнь, а незваным — вечное осуждение.

Вернемся теперь к балладе Шиллера, и попытаемся уяснить, в чём, согласно содержащимся в нем указаниям, заключалась недостойность непосвящённых.

Почему, собственно, юноша хотел поднять покров? Из жажды знания или, попросту говоря, из любопытства. Между тем и другим нет существенной разницы. В обоих случаях причиной является беспокойство разума, а разум беспокоит всё, чем он ещё не обладает. Жажда познания это жажда присвоения, хотя и жажда присвоения Духа в нас. Тот, кто хочет исследовать тайну мира и подчинить её себе (в противоположность мисту, который отдается и подчиняется), тот чей Дух хочет подчинить её себе непременно вызывает десакрализацию тайны, разрушает то, что по сути своей было тайной. Воля к разумному овладению это *преступление* по отношению к *природе*, поэтому природа наносит преступнику мстительный ответный удар. Этот принцип останется верным, покуда существует человечество, и он получит страшное подтверждение, когда выродившееся человечество путем рационалистической десакрализации жизни покончит с ней. Таким образом, мы получили ответ на наш главный вопрос и можем теперь задать второй: что, собственно, увидел юноша? Шиллер обладал достаточным вкусом, чтобы не описывать этого, хотя, возможно, он был не вполне убедительным. Но всё стихотворение дает

лишь один ответ на вопрос о сути увиденного юношей. Он в один миг увидел истину, которая исследующему разуму представляется как конечная и предельная. Что же это за истина?

Проследим теперь историю Разума и особенно наук во все времена и у всех народов, до конца осмыслим проблему, которую ставит перед нами новейшая, сегодняшняя наука: что такое материя, что такое сила, что такое внешний мир, что такое душа и т. д., и мы неизбежно получим в итоге абсолютное Ничто. Все пути жажды познания сходятся в этом Ничто (т. е. в проекциях активного ничто — Разума) и стремление к познанию в своей совокупности после смелых попыток созидания и страстных начальных порывов завершает свой жизненный путь вселенским сомнением. Воля к разумной истине это воля к *дематериализации мира*. Юноша, который хотел одним скачком достичь цели, удовлетворить любопытство разума, увидел вечную смерть, всеобъемлющее Ничто!

Но как могла показать ему это богиня жизни? Сколь удивительно это не прозвучит в первый момент, она и только она может показать это человеку. Разум, как таковой, находится вне жизни, для него Ничто — исходная позиция и поэтому — одно и то же со Всем. Отвергнутый жизнью, он представляет собой бесцельность, бессмысленность, бесплодность, разрушение и вечное Ничто во всех отношениях, а сама жизнь представляется ему без начала и конца. Мы убеждены и без научного исследования, что действительность противостоит нам, если мы обращаемся к ней с требованиями разума!

Счастье достигается, но оно должно длиться, а продолжительность и счастье исключают друг друга! Но это и не было бы счастьем: какую цель может

ставить перед собой смертный, если у него нет полной уверенности, что она через самый короткий срок не погибнет! И он сам, ставящий цели и стремящийся к ним, через очень короткое время превратится в бессознательной прах. А забота о семье, о детях? И дети, и дети детей тоже превратятся в прах, и сегодняшние величайшие достижения завтра станут добычей моли и ржавчины. Или осчастливливание и улучшение человечества? А для чего? Несчастье как было, так и останется, а грядущие поколения будут с проклятиями разрывать цепи, которыми нынешние думали их одарить. Да, за пять тысяч лет в человечестве стало неизмеримо больше нужды и страданий. И будет иначе: всё это человечество однажды перестанет существовать. И вместе с ним исчезнут все человеческие шедевры, пирамиды, песни Гомера и музыкальные поэмы Бетховена. Или поможет защита природы? Все резервы самое большее за два человеческих поколения будут капитализированы. В любом случае вся жизнь на земле однажды исчезнет, а сама Земля предположительно упадет на Солнце и там сгорит или погибнет иным образом. Вся наша солнечная система однажды возникла и однажды снова исчезнет, да и вся Вселенная, включая самые дальние туманности, удалённые от нас на тысячи световых лет и видимые только в гигантские телескопы не будет существовать вечно. После всех игр с привлекательными целями и шума человеческой и космической жизни конечную победу одержит, несомненно, ночь Смерти. Говоря словами одного мистика, «кольцо теней охватывает жизнь, за её красными вихрями сон и тьма».

Такова истина достигшего совершенства, т. е. отчаявшегося разума, которую я выразил здесь

всего лишь как набросок; она не раз уже имела на Земле своих последователей, как во времена Будды, так и в минувшем столетии, когда Шопенгауэр, Байрон¹⁶⁷, Леопарди¹⁶⁸ (их предшественником, в сущности, был Шекспир) снова с успехом приняли учение о нирване. Эту истину в виде страшного символа показала юноше из Саиса оскорблённая его святотатством жизнь. Он увидел вечную смерть, вечную бессмысленность, вечное напрасно! Их обретет в конце каждый, кто, вместо того, чтобы принести себя в жертву богине, сделает своим вождем любопытство своевольно разума.

Если в итоге попытаться составить представление о том, какими свойствами должен был обладать символ, чтобы передать всё это с быстротой молнии, то образцом может послужить захватывающая картина Гольбейна¹⁶⁹ «Пляска смерти». В принципе, это тот же самый символ, который вот уже две тысячи лет стремится изображать враждебная жизни религия христианства: смысл жизни — самораспятие творения. Кто захочет в этом наглядно убедиться, пусть внимательно посмотрит на знаменитое «Распятие» средневекового художника Грюневальда¹⁷⁰. Настроение бессмысленно замученного до смерти — таково глубоко пессимистическое содержание этой картины. Недавняя Мировая война¹⁷¹ с миллионами

¹⁶⁷ Байрон Джордж Гордон барон (1788–1824) — английский поэт-романтик.

¹⁶⁸ Леопарди Джакомо (1798–1837) — итальянский поэт-романтик, филолог, мыслитель-моралист.

¹⁶⁹ Гольбейн Ганс (младший) (1497–1543) — выдающийся немецкий художник-портретист.

¹⁷⁰ Грюневальд Маттиас (псевдоним) — Нитхардт Готхарт (1470/1475–1528) — немецкий художник.

¹⁷¹ Речь идет о Первой мировой войне 1914—1918 гг.

омерзительно истекших на ней кровью людей облегчает нам сближение со страшными видениями Грюневальда, а также с тем, что увидел юноша из Саиса:

*Терзаемый какой-то тайной мукой,
Сошел он скоро в раннюю могилу...*

Тому, кто пытается познать её разумом, действительность предстает не в трагическом, а в невыносимо отвратительном виде медузы Горгоны.

Зайдя так далеко, я должен бросить пояснительный взгляд назад, на то особое толкование осквернения статуи Иисуса, которое я дал в «Космогоническом Эросе». Что даёт разум всем тем, кому он действительно присущ? Часто говорят: он позволяет подсчитывать, взвешивать и измерять. Но что происходит в результате с жизнью? Её десакрализация. В сказках и для детей озера и источники существуют неосмысленно. Разум измеряет глубину — 30 саженей — и находит основу — дно. В мифах и у первобытных народов армии демонов скачут в бурю на облаках — для разума это водяные пары, механически бездушные, а потоки воздуха тоже рассчитываются механически — и так во всём внутреннем мире. Вместо десакрализация мы можем сказать овеществление. Но то, что овеществляется, подносится поближе, чтобы его можно было осмотреть, ощупать, объять, охватить — так охват становится функцией разума, поэтому в более благочестивые времена считалось святотатством прикосновение к священным изображениям. И так становится очевидным и ясным, что десакрализация мира заключается в уничтожении его *связи с Дальним*. Человеческие инстинкты — это Эрос, поскольку они сопричастны с космическим Эросом, но космический Эрос

это Дальний Эрос. Поэтому, когда отрицают Дальнее, убивают желание обладать Эросом, а вместе с ним и нимб мира и саму реальность.

Но что остаётся тайной и осчастливливающим знанием мистов так это созерцание священного образа в его отдаленности, несмотря на слияние с ним. Мист видит «лучи солнца среди ночи».

О СЕКСЕ И ЭРОСЕ

Поскольку цивилизованный человек, не зная этого или лишь подозревая, в своих оценках всегда находится под тысячелетним влиянием христианства, получается так, что многие, кому нетрудно принять пагубное лжеучение Платона «о земной и небесной любви», тщетно пытаются понять, в какой мере Эрос представляет собой нечто иное, нежели секс. Шопенгауэр не имел об этом ни малейшего представления, Ницше только догадывался. Хотя он знал о способности самой души к опьянению, а с ней и всего тела со всеми органами, он так и не смог четко осознать, что и локальное возбуждение половых органов и его особая связь со сладострастием задают загадку. Мы возьмем один пример, который должен найти достаточный отклик, по крайней мере, у любого читателя-мужчины, и поможет ему четко разделить круги проявления обоих видов возбуждения.

Представьте себе смешанное с печалью опьянение ароматом первых фиалок ранней весной, а потом беспокоящий и возбуждающий соблазн взглядов, жестов и поз прелестной шансонетки, и вы поймёте, насколько эти состояния сходны по сравнению, например, с известием о чьей-то смерти, но, минуту подумав, вы увидите и большое различие между ними. Оба они сплошь земные, и мы воздержимся от поспешных оценок. Но мы видим: при первом виде возбуждения, которое мы по опыту принимаем за эротическое, имеет место сильное, но неопределённое влечение, полное предчувствий *стремление*, при

втором, в сексуальном характере которого нет сомнения, налицо не менее сильная, но определенная потребность, многообещающее *возжеление*. Постоянно помня об этих двух примерах, попытаемся ответить на следующие вопросы:

1. Происходит ли Эрос из секса или наоборот?
2. Имеют ли и тот, и другой один общий корень?
3. Различны ли они по своему характеру и происхождению?

Сегодня уже каждый может задать себе такие вопросы, не имея готовых ответов, основанных на предрассудках, без малейшего осознания их сомнительности. Только тогда он будет в состоянии искать решения в обход предрассудков. Полагаясь на это, мы предлагаем наше решение с минимальным количеством доказательств, частично как чистую догму, так как для обстоятельного обоснования пришлось написать бы особый труд большого объёма.

1. Мнение, будто Эрос исходит от секса, страдает дефектом мышления, которому способствует привычка к физическому пониманию энергии. Энергии, но не качества, могут остаться одинаковыми в разных областях проявления, и мнение, будто секс при определённых условиях переходит в Эрос, содержит не больше смысла, чем предположение, что неудовлетворенный голод может превратиться в жажду. То, что сегодня любят называть сублимацией секса, было и остаётся сексом, как у старой девы в виде т. н. обезьяньей любви к коту или таксе. Неоспорим и тот факт, что повторная отдача возбуждению усиливает потребность в возбуждении. Тот, кто привык много есть, тем самым непреднамеренно усиливает свой голод, тот, кто много пьет — жажду и т. д.

Более правильным было бы противоположное мнение, согласно которому секс происходит из Эроса как способность всего тела к вожделению, путём ограничения этой способности одними половыми органами, то есть её обособление. Мы ещё вернёмся к этому позже.

2. Тем самым уже даётся отрицательный ответ на второй вопрос. У Эроса и секса нет общего источника, некоего третьего, которое проявляло бы себя то, как голод, то, как жажда.

3. Правильным остаётся лишь утвердительный ответ на третий вопрос. Эрос и секс по сути своей различны и имеют разные по сути основы.

Таким образом, мыслима и метафизика секса, хотя в истории мысли о ней говорилось мало, медитации проходили мимо неё, а о половом влечении, если вообще о нём упоминали, как правило, говорили, что им занимаются лишь сомнительные философы. Но, например, Шопенгауэр в своей «Метафизике половой любви» восхваляет мифическое учение, рассчитанное на потребности скотоводов, а Ницше отваживался на смелый контрудар: «Необыкновенная важность, которую индивид придаёт половому инстинкту, не является следствием его важности для рода, а свидетельством собственной деятельности индивида и его высшего интереса, т. е. высшего выражения его власти». («Воля к власти», карманное издание, № 680). Но, поскольку он не раз пытался убедить нас в том, что половое вожделение есть проявление воли к власти (чьей, в каком плане и над кем?), мы с разочарованием вынуждены признать, что он говорил нам только о своем любимом начале и не упускал случая призвать его в свидетели. Ссыл-

ки, которыми мы ограничиваемся, служат только прояснению отношений между сексом и Эросом.

Различие обоих видов возбуждения, по сути, благоприятствует возможности столкновений между ними, но не исключает и возможности их соединения. Великие поэты часто описывали последний случай, причём столь убедительно, что их жизнеспособность не могла подвергнуться сомнению, хотя их обычный трагический подход не случаен. Налицо стремление согласовать оба вида проявлений. Но и у нас есть и другие средства мысленно сблизить основные критерии обоих видов возбуждения, исходя из фактов, из случаев предпочтения, отдаваемого одному из них, или из случаев столкновения между ними.

Если Эрос основывается на полезности гениев, прообразов, душ, тех, кто им затронут, то мы должны соотнести полярность, на которой основаны половые влечения, с абстрактной, т. е. оторванной от уникальной природы обладателя пола. Хотя она в человеке никогда не исчерпывается индивидуальным выбором, потому что открывает и обходные пути через изображения, когда она и та же общая волна возбуждения обращена, выражая свою жизненность, только к одной зоне тела, для внутреннего мира и душ (в узком смысле слова) это, по сути, безразлично. Эрос может расцвести вне полового влечения, возможно и половое влечение без Эроса. Но когда они сплетаются, тогда имеет место предпочтительный случай их соединения и большой любви при различии полов любящих, это происходит лишь тогда, когда к уже пробужденному и определяющему Эросу, т. е. к полярности гениев, только добавляется половое влечение и долго остаётся зависимым от него как частичная полярность второго порядка. По-

стоянно повторяющееся и описываемое поэтами и провозвестниками (со времен Платона) основное чувство таких пар это предопределенная звездами встреча, загадочное родство и общность душ. Если же на первом месте влечение на основе половой полярности, а Эрос к ней лишь потом добавляется, то сущность человека выражается в частичных притяжениях одной зоны и любовь обретается за счет отпадения от «genius albus» и воспринимается как непреодолимая страсть. Ее разрушительная форма — половая зависимость.

Учитывая все это, при любом влечении нетрудно определить относительную долю Эроса в сексе и секса в Эросе. Высокая литература приводит больше таких примеров с женской, чем с мужской стороны. Его наивысшим проявлением мы можем восхититься в стихотворении Дросте о Диоскурах, целиком уходящем корнями в Эрос, но она сама переписала его в «Послании Левину Шюккинггу» и тем дала доказательство, что для великих душ половые различия не мешают рождению прообраза. Сплошь космическая последняя строка стихотворения о Диоскурах гласит:

*Поллукс и Кастор попеременно пылают и бледнеют,
Свет одного лишь заимствуется у другого
И это знак самой благочестивой верности
Так дай мне руку, мой Диоскур!
И пускай обновится прелестный мир
О пламени близнецов, горящем над шлемом.*

Если мы сравним этот случай с тоже преимущественно эротическим союзом Генриха и Матильды в «Офтердингене» Новалиса, то мы не очень покривим душой, если заметим оттенок сексуальности.

Напротив, величественная, полная пафоса и отличающаяся счастливой взаимностью страсть Виттории и герцога Браччиано из пленительной «Виттории Аккоромбоны» Тика¹⁷² целиком вырастает из полярности полов. Эрос служит только украшением. Эта эротически окрашенная сексуальная страсть, которая, если мы не ошибаемся, только и известна выдающимся писателям Франции. Зачатки этой теории даны в книге Стендаля¹⁷³ «О любви», он выявляет эротику как кристаллизацию вокруг сексуального ядра, и наоборот, сексуальная кристаллизация вокруг эротического ядра во французской литературе не представлена. Одержимость и околдованность сексуальностью негде не нашла столь совершенного выражения, как в приводимых ниже стихах малоизвестного французского поэта Ксанрофа¹⁷⁴:

*Когда ты вечером где-то встретишься с ней
И заговоришь с ней и радостно поблднеешь,
Когда она скажет: «Может быть...»
И впервые задрожит твоя душа,
Ты подумаешь, это будет длиться недолго,
Но постепенно замечаешь, насколько ты влюблен,
И любовь непрерывно пожирает тебя, всю твою жизнь.
Когда тебе нравится пара больших глаз,
Ясных, как небесная роса,
Ты сразу чувствуешь себя просветленным духом
И наполненным глубокой поэзией.
Когда её взгляд мягко обволакивает тебя,
Ты забываешь о бывлой ревности
И, не сводя с неё глаз, как верующий,*

¹⁷² Тик Людвиг Иоганн (1773–1853) — немецкий писатель, поэт и переводчик эпохи романтизма.

¹⁷³ Стендаль (псевдоним) — Бейль Мари-Анри (1783–1842) — знаменитый французский писатель-романист.

¹⁷⁴ Ксанроф Леон (псевдоним) — Фурно Леон Альфред (1867–1953) — французский писатель, поэт, драматург, актер.

*Встаешь перед её ложью на колени.
Когда звучит её светлый и сладкий голос
И каждый звук поёт тебе льстивую песню,
С твоих уст соскакивает печать,
И ты выбалтываешь то, о чем клялся молчать.
Когда её поцелуй — твоё единственное счастье,
А без поцелуя мир беднеет.
Ты, сам того не подозревая,
становишься совершенно вульгарным.
И когда она выглядит, как маленькое дитя,
Слабое, нуждающееся в твоей защите,
Она торжествует, чувствует себя неприступной
И дразнит тебя, если ты разозлишься,
И когда, наконец, изможденный муками,
Ты воскликнешь: «Я тебя убью!»
Она будет долго и красиво плакать
И ты ослабеешь, струсиишь и сдержишься.
И когда она однажды убежит от тебя,
Твоя тоска станет столь сильной, что увлечет тебя
В страну, где ничего подобного больше не происходит,
Ты прыгнешь с моста.
Любви, этому нежнейшему из удовольствий,
Свойственно, помни это, подчеркивать
Расстояние между человеком и животным,
существующее извечно.*

В четырех последних строках выраженное истинное знание, не оставляющее сомнений: страсть присуща исключительно человеку, а не животным, и ее роковая сила чувствуется и тогда, когда нравственное высокомерие уступает страсти в сексуальной зависимости.

Второй критерий различия секса и Эроса — исследование чувств, которые сопровождают сильные любовные переживания. Чувство любви сопровождается смешанными чувствами, произвольно выделяющими три основных состояния:

Воожделение — нежность — отдача себя на произвол судьбы.

Если вождление связывает сущность того, кто вождлеет, а самоотдача ее развязывает, то мы не замедлим отметить: чем больше вождления, тем больше секса, чем больше самоотдачи, тем больше Эроса. Нежность, хотя и не неразделенная, стоит посередине и уклоняется то в сторону секса, то в сторону Эроса. Этим ключом мы можем открыть семь запертых врат, получить доступ к смыслу до сих пор погребенного в густой тьме морального осуждения полового влечения. Ревнив только секс, но не Эрос, и даже небесная любовь, если она подобна христианской, несмотря на мнимое сублимирование, целиком стоит на почве секса, тогда как о победе Эроса свидетельствуют слова, которые мудрый Гёте вложил в уста легкомысленной Филины: «Если я тебя люблю, то какое тебе до этого дело».

Поскольку современный человек, привык мыслить эволюционно-исторически, позволим себе несколько афоризмов. Тот, кто внимательно наблюдал за животными, не только домашними, мог убедиться, что кроме вождления в периоды течки, они знают и нежность, но не состояние самоотдачи — оно присуще только человеку. Естественное состояние на животном этапе — господство секса и подчиненность Эроса. Если бы первобытных пеласгийских людей отличало от животных господство Эроса и подчиненность секса, мы не смогли бы с одинаковым смыслом говорить о животном и человеческом сексе и переносить на него метафизическое достоинство, которое мы за ним признаём, без оговорок, так как животное господство секса было бы теперь неестественным. И если в рамках цивилизации продолжает существовать дезротизированный секс, главным образом, среди мужчин, то мы ни в коем случае

не можем выводить его из животного полового инстинкта, а видим в нем явление вырождения, связанное с какими-то дефектами. Если же господство Эроса сочетается со способностью всего тела к вожделению, то вышеуказанное обособление следует понимать как изоляцию. Мысленное деление человека на верхнюю и нижнюю части повлекло бы за собой разделение полюсов или, грубо говоря, отделение головы от нижней части тела, и то, что служило раньше необузданному вожделению, стало бы служить необузданной воле. Но разделяет Дух! Поэтому мы отводим сексу роль жизненного эллипса, что, естественно, порождает новые вопросы, но подчеркивает значение его сути.

Возможно, некоторые возразят: если может существовать секс без Эроса, то Эрос не может существовать без секса, и сошлутся на пример кастратов. Это возражение основано на неверном взгляде на организм, как на состоящую из деталей машину и не подтверждается фактами, так как даже евнухи могут испытывать эротическое опьянение. Когда, например, метрагирты и кибобы, служа Кибеле, как позже многие христианские экстатики, оскотпляли себя, то они делали это не ради уничтожения способности к опьянению, а чтобы исключить помехи ему со стороны секса. Оставим этот вопрос, мы лишь хотим с помощью ссвнения показать, что различие между эротической и дезротизированной жизнью может быть понято и тем, ярким светом лампы, а Эрос с закрывающим его матовым стеклом. Эротическая жизнь — это лампа, от которой во все стороны равномерно исходит приглушенный свет. Но если мы снимем стекло, свет станет ослепительным, и вместо теплого равномерного освещения мы полу-

чим резкий луч (читай необузданный секс), а от стекла останутся одни осколки (кастрированный Эрос). Этот пример помогает понять, каким образом с исчезновением Эроса может быть связано усиление энергии секса, тогда как объединяющее начало первоначального возбуждения, наоборот, может уступить место разделяющему началу.

ОБ ОТНОШЕНИИ ВОСПИТАНИЯ К СУЩНОСТИ (1935)

Если мы попытаемся указать здесь на некоторые связи между влиянием воспитания и сущностью человека, то мы, к сожалению, вынуждены будем употребить необходимые основные термины без их обоснования, а любознательных читателей автор отсылает к его сочинениям, так как, разумеется, невозможно изложить в рамках одного очерка результаты исследований, длившихся десятилетиями.

Носителями жизни являются растения, животные и люди, но только человек является носителем личной жизни, т. е. личностью. В то время, как в безличном жизненном процессе следует различать две основные черты, физическую и психическую, то в процессе жизни личности к ним добавляется третья — духовная. Помня о том, что жизненный процесс всегда представляет собой одно неделимое целое, можно для облегчения изложения заменить эти три основных черты тремя объектами: это будут тело, душа и дух. Наука о жизни (биология) установила, что каждый жизненный процесс имеет две стороны: рецепторную или воспринимающую и эффекторную или исполнительную. Лишь кратко укажем, что из этого следует для трех объектов носителя личной жизни. Процесс восприятия телом это ощущение соприкосновения, а исполнительный процесс приводит в действие инстинкты, процесс восприятия душой —

созерцание, исполнительный процесс — оформление, процесс восприятия духом — абстрагирование, исполнительный процесс — произвольные движения.

Чтобы в случае необходимости можно было собрать вместе эту силу, к этим основным понятиям надо добавить ряд дополнительных, определяющих отношения трех объектов между собой. Тело и душа это два неразделимых полюса каждого организма, поэтому все происходящее в телесном полюсе не может не вызвать одновременного изменения в психологическом полюсе и наоборот.

Полное бессилие одного полюса сразу же вызвало бы полное бессилие другого. В немецком языке о добровольной смерти говорится такими словами: тот, кто лишает себя жизни, падает бездыханным (бездушным).

Совсем иного рода взаимосвязь духа с двухполюсной ячейкой жизни. Тот, кто лишает себя жизни, испускает дух, но наш дух может быть бессилен и без малейшего ослабления нашего тела.

Во время глубокого сна в спящем не обнаруживается никаких следов умственной деятельности, но, несмотря на это, он не только живет, но даже испытывает подъем жизненных сил, например, при кризисах болезней. О том, что его душа всё равно бодрствует или может бодрствовать, мы можем заключить из его способности видеть сны. Спящий, которому снится сон, видит себя вовлеченным в самые удивительные события, переживая то безграничное счастье, то самый мучительный страх, но он не в состоянии вмешаться в происходящие во сне события и управлять ими. Насколько сильно наш дух зависит от нашей жизненной силы, настолько же сильно он в состоянии бодрствования управляет си-

лой вопреки ей. Центр этого господства, где сходятся все нити организма, называется «Я» или Индивид. Как в общественных формах человечества между высшим руководством и простыми членами общества имеет место полное согласие, или разногласия, или требуется третейский суд, так и дух человека может быть в согласии с его жизненной силой, а может и разойтись с ней. В одном случае мы имеем дело с более или менее цельным характером, а в другом с раздвоенным, внутренне противоречивым и даже подавленным. Многократно цитируемые слова Фауста: «Ах, две души в моей груди», хотя и допускают тысячи разновидностей, во всех случаях без исключения имеют своей основой какое-то расхождение между Духом и Жизнью. Личность при этом испытывает неприятные чувства, что наносит не меньший ущерб способности к суждениям и воле, затрудняет принятие решений и неизбежно заставляет человека сомневаться в своей самооценке (обычно именуемой самосознанием). Этого краткого обзора нам будет достаточно.

При любом воспитании мы должны различать цель и средства на пути к цели. Если мы сначала на один момент остановимся на целях, что сегодня считается само собой разумеющимся, то любое воспитание должно стремиться к тому, чтобы сделать отдельного человека максимально пригодным для воплощения в жизнь общественных ценностей. В этом содержится указание, что такая пригодность предполагает наличие всесторонне образованных и максимально единообразных личностей, а также важного требования, чтобы воспитание учитывало не только дух, интеллект, но в равной степени душу и тело. Не надо и говорить о том, что это правило нередко на-

рушается. Воспитание не возможно без обеспечения воспитанника определенным учебным материалом. Упор на многообразие знаний все равно ни в коей мере недостаточен для решения тех задач, которые ставит перед нами в жизни Судьба. Прежние методы обучения оказываются очень часто несостоятельными, именно в тех случаях, в каких они считались испытанными. Учебный материал можно усваивать механически или вживую. Один зубрит его и отвечает на уроке, другого полученные знания побуждают к самостоятельному мышлению. Нам кажется, что наилучший путь указал педагог Бертольд Отто¹⁷⁵, который заменил специальное обучение тем, что он назвал «свободным общим обучением». Практикуемое им и его последователями обучение «играючи» имеет ряд преимуществ, из которых мы здесь хотели бы особо выделить два.

Во-первых, этот метод не регулирует свободный обмен мнениями между учениками, а лишь помогает закрепить в памяти те или иные его результаты, которые трудно переоценить. Любое приобретённое при этом знание будет теперь для ребенка связано с ситуацией, в которой он самостоятельно принимал участие. Благодаря тем выводам, которые воспитатель сделает после таких непринужденных разговоров относительно натуры воспитанника, сам собой произойдет отбор по дарованиям, который будет способствовать подготовке воспитанников к определенным профессиям в зависимости от их задатков, ибо из букового орешка не вырастет дуб, а из желудя — бук. Гёте сказал: «Способности — это предрасположенность, они должны стать навыками»,

¹⁷⁵ Бертольд Отто (1859–1933) — немецкий педагог и реформатор образовательной системы.

и тем выразил ту истину, что необходимо не только специальное обучение — это будет напрасный труд при отсутствии достаточной одаренности. Прежде чем мы еще раз вернемся к «свободному общему обучению», мы хотели бы процитировать другие его правдивые слова: «Чтобы найти себя в бесконечности, ты должен разделить, а потом связать». Задачи, как и средства воспитания надо сначала рассмотреть особо в их отношениях к телу и духу. Тогда душа станет связующим звеном.

Когда Ницше бросил своим современникам: «Соизмеряй свою высоту знающего со своей глубиной могущего», он имел в виду многие недостатки ненавистных ему «образованных филистеров», в частности, их физические дефекты. Сегодня уже общеизвестно, что высокие способности недостижимы без тренировки тела. Для игр под открытым небом, спорта, вольных упражнений дорога открыта. Они тем более ценны, что наряду с телом влияют и на ближайшую к телу область духа, т. е. волю. Решительность, присутствие духа, способность повиноваться и отдавать приказы надо воспитывать в себе. И здесь есть индивидуальные границы в виде имеющихся способностей, но физическое воспитание выходит за эти пределы, что можно показать на одном единственном примере.

Многие поколения, пользуясь при письме острыми как иглы перьями, не только преждевременно портили себе глаза, но это приводило и к искривлению позвоночника и судорогам мышц, работающих при письме. Взрослые обычно забывали, скольких мук в ранней юности им стоило обучение обращению с пером, и они не подозревали, что тогда была приобретена их наклонная, косая или изогнутая

осанка. Теперь нет сомнений, что неправильное обучение письму нанесло длительный ущерб, так важной частью физического воспитания является его ориентация на органы тела.

Теперь мы обратимся к духу. Оставим в стороне уже упомянутое воспитание воли и допустим, что прежние методы обучения виртуозно развивали деловитость, умение считать, логическое мышление, комбинационные способности, запоминание терминов, обобщение и специфически научную критику, но они слишком часто отставали от необходимости развивать такие качества, как твердость убеждений, находчивость и *самостоятельность суждений*. Последняя способность — основа всех способностей интеллекта, поскольку её воздействие выходит за пределы специальностей и позволяет плодотворно вмешиваться в общественную жизнь. Любое воспитание духа должно быть направлено на то, чтобы воспитанник как можно чаще вынужден был принимать самостоятельные решения. Важнее только неперенное развитие всех задатков души или, выражаясь языком их функций — наблюдения и оформления.

Подумаем теперь, какие цели перед воспитанием ставит то обстоятельство, что душа человека должна выполнять эти функции. Первой целью должно быть совершенство. Пчелы, термиты, птицы строят совершенные жилища, и только человеку присуще врожденное стремление к совершенству любого дела. Это качество включает в себя все особые цели. Воля сама по себе — это воля к власти, она признаёт только уровень достижения, а воля, исходящая от души, оценивает его по характеру (качеству), и если мы будем устанавливать уровни, то по уровню совершенства. Не против воли направлено

наше знание сущности человека (такое понимание неправильно), а против самоуправства воли, которая ценность крови приносит в жертву мнимой ценности численного перевеса (называемой некрасивым словом рекорд) со все большим стремлением лишить человека чувствительности, опустошить его душу и остановить пульс жизненных процессов.

Поскольку человек как личность обладает честолюбием и желанием выделиться, воспитание должно уметь поставить эти качества себе на службу, и оно достигает этого, заглушая то честолюбие, которое стремится только к превосходству, тем, которое стремится к превосходству путём большего совершенства своих действий. Например, физические упражнения, целью которых являются одни т. н. рекорды, не достигая цели, потому что они, как мы теперь знаем, могут вызывать постоянное повышение кровяного давления и мучительные судороги. Таким образом укрепляющие человека физические упражнения могут доводить его гибкость и подвижность до совершенства, показывает многообещающая «ритмичная гимнастика» Боде.

Даже писание, о котором уже говорилось, имеет свою психическую сторону, для пробуждения которой выбран ложный путь ускорения путем произвольного оформления шрифта. На основе исследований истории письменности было установлено, что орудия письма, правила их использования и материал, на котором писали, образовывали неразрывное целое, по которому можно было так же точно определить стиль эпохи, как по постройкам, изображениям, музыкальным произведениям, одеждам и предметам обихода. Одновременно с развитием острых перьев как орудия письма развивались и формы

шрифта, которые, будучи заимствованными от камнерезов и граверов по меди, на фоне тысячелетнего наследия в этой области могли бы заслужить приз за безобразие. «Пишет, как режет» — всего одно поколение назад было высшей похвалой учителя правописания ученику, хотя сегодня это звучит как анекдот. Но если такие ложные идеалы формы вдалбливались в головы детям, которые учились писать, следует ли удивляться тому, что сегодня чувство формы выродилось во всех областях. Не будет преувеличением утверждение, что упадок, например, архитектурного стиля в последней четверти прошлого века неотличим от упадка шрифтов той эпохи. Теперь произошел радующий нас поворот в этой области, подготовленный выдающимися реформами шрифта, которые взяли за основу более естественный и радующий глаз шрифт Зюттерлина¹⁷⁶.

Умение писать — школьная основа формирования ребенка, но только основа. В старой школе преподавалось также рисование, которое, однако, ограничивалось срисовыванием орнаментов и тому подобным, что заведомо сковывало фантазию детей. Сегодня мы знаем, какие дарования в этой области таятся в неиспорченном ребенке, надо только дать им импульсы, направить их. Но стремление человека к приданию формы столь же велико, как и способности человеческих рук, которые можно довести до совершенства, открыв все возможности для чеканщиков, резчиков по дереву, плетельщиков корзин, переплетчиков, столяров, для всех видов ремесел. Ремесло — основа всех искусств, основа любого оформления.

¹⁷⁶ Зюттерлин — немецкий готический шрифт-курсив, названный по фамилии немецкого художника-графика.

Различие в ценности с наблюдением растет по мере увеличения возможностей оформления.

Подобно тому, как письмо — это основа любого ремесленного оформления, основой любого духовного оформления является *владение в совершенстве родным языком*. Открыть богатство и красоту немецкого языка, учить использовать его письменно и устно на примерах наших великих мастеров слова, применять его в живой речи и в свободных сочинениях, такова, по нашему мнению, самая ценная из целей воспитания, направленная на совершенство в любой деятельности. Излишне добавлять, что это как ничто иное помогает сохранить и умножить наследие предков.

Второй главной целью руководства душами мы считаем развитие *уважения ко всему живому*, будь то растение, животное или человек, к тому, что есть во всех трёх и что образует глубоко волнующее целое родного ландшафта. В том, у кого нет уважения к живому, нет никакого благочестия, пусть даже он часто ходит в церковь, а тот, кто носит его в сердце и исповедует, оно есть, даже если он не знает наизусть катехизис. В этом уважении коренится подлинный общественный дух, не только показной, но и непрерывно проявляющийся как действенная сила в чувствах, суждениях, поступках. Бросим взгляд на бесчисленные виды эгоизма, такие как жажда прибыли, высокомерие, зависть, сословное чванство, всезнайство, и мы сразу же убедимся в их несовместимости с подлинным уважением к живому. Из него и только через него тянутся нити от одной души к другой, от души к природе, от отдельной души к душе народа. Но, как подобным образом возникает ткань общества, так и обостряется взгляд на каждую ложную нить или, говоря без обиняков, на каждую недостойную

надменность, на низкие формы эгоизма и, не в последнюю очередь, — на фантомы, которые выдают себя за гуманитарные идеалы и до последних дней дорого обходятся человечеству. Воспитание уважения к живому это то же самое, что воспитание строгости к самому себе.

Предпосылкой этого, как мы уже видели, всегда являются задатки. Но было бы неверно думать, что в уважении всё сводится к задаткам и ничего нельзя воспитать. Совсем наоборот. Но лишь для того, чтобы описать важнейшие задачи, вытекающие из этой цели, пришлось бы написать целую книгу. В рамках короткого очерка мы можем довольствоваться лишь парой скупых указаний.

Воспитатель требует от воспитанника правдивости. Неудачи, ошибки, прогулы для него лучше, чем затушевывание, приукрашивание, отсутствие мужества признаться в них. Он совершает со своими воспитанниками путешествия по полям и лесам, по старым городам, и открывает им глаза на великолепие мира, как природного, так и созданного и предками. Он умеет вызвать у воспитанников сердечное участие в истории героев, поэтов и мастеров их народа. Несмотря на расстояние, которым отделяет его от них его зрелость, он для них хороший товарищ.

Последний пункт приводит нас опять к «свободному общему обучению». Ничто иное не способствует в большей мере воспитанию духа общности у воспитанников между собой и с их воспитателем, которому они в непринуждённой беседе могут задавать такие вопросы, которые возникают у них в повседневной жизни. Это способствует также воспитанию того, чему Гёте придавал особое значение — самообладанию. Нескромность и самонадеянность

лучше всего подавляются дисциплиной, которую правильно направленная беседа накладывает на каждого участника.

Третьей цели воспитания души, о которой мы здесь еще можем сказать, достичь труднее всего: воспитатель должен быть образцом. Все образцы истории менее действенны, чем современные. Ничто не производит на душу человека вообще и ребенка в особенности более сильного впечатления, чем близкий человек, которого они любят и которым восхищаются. Самое горячее желание ребенка — подражать ему. Но для этого, кроме ума, хорошему воспитателю нужны три качества: правдивость, мужество и чувство меры. Лишь очень немногие могут похвастаться тем, что имеют все эти три качества в полном объеме. Указателем служит старая латинская поговорка: *in magnis et voluisse sat est*¹⁷⁷.

В заключение скажу о часто поднимаемом вопросе, является ли характер врожденным или приобретенным, или частично врожденным, частично приобретенным. Когда один говорит: характер этого взрослого врожденный, он прав, но, когда другой говорит: очень многое в нем приобретено, он тоже прав, потому под словом «характер» они имеют в виду разные вещи. Характер не только человека, но и других существ, врожденный, наследственный, но не как система неизменных качеств, вроде той, какая присуща кристаллу горной породы, а как система качеств, которая даёт каждому диапазон для развития, но ширину этого диапазона мы не знаем. Конечно, человек с каждой минутой становится старше, тело старика — это больше не тело маленького ре-

¹⁷⁷ В великих делах уже само желание достаточная заслуга — лат..
— *Прим. автора.*

бенка, но столь же несомненно, что и сущность старика весьма отлична от сущности маленького ребёнка. Что после всех изменений остаётся в характере неизменным, мы можем при достаточном знании жизни от случая к случаю без особого труда узнать, но до сих пор не установлен закон, который позволил бы нам принципиально решить этот вопрос.

Воспитатель исследует души своих воспитанников, выявляет их задатки, выясняет, к чему они пригодны, но он ни в коем случае не должен отказываться от мысли о врождённости характеров. То, что из врождённого характера можно или нельзя сделать при умном руководстве, это, в конечном счёте, решает только успех.

О СОЗНАНИИ ВО СНЕ

(1919)

Предлагаемая здесь читателю статья о сознании во сне это лишь фрагмент, даже фрагмент фрагмента. Она была написана в 1913 и опубликована в 1914 году в давно прекратившем свое существование журнале «Цайтшрифт фюр Патопсихологи» (III том, 1-й выпуск). Тогда меня одолевало желание при благоприятном стечении обстоятельств закончить вынашиваемую мной работу до начала Мировой войны, приближение которой я предвидел. Но не получилось. Катастрофа, разразившаяся в середине 1914 года, полностью изменила мою жизнь, пришли заботы о существовании и ещё бóльшая озабоченность судьбой моей Родины. Нити оборвались, и прошло почти два года, прежде чем я снова начал их связывать. Вся работа делилась на три части:

I. Характерные черты сонного сознания и сна.

II. Бодрствующее сознание во сне.

III. Сонное сознание при бодрствовании.

Большую часть второго раздела удалось напечатать в 1919 году в том же журнале. Только я должен признать, что, несмотря на связный ход мыслей, аромат первой части улетучился за годы духовной нужды. И я отказался от неё окончательно, уничтожил богатый собранный материал.

Если бы я писал эту работу сегодня, я, вероятно, назвал бы её «О состоянии сна», и большой фрагмент её то, что напечатано теперь снова, выходит из забвения.

Строго говоря, если сравнивать только с первой частью симфонии, данная статья сама по себе не фрагмент, поскольку её тема исчерпана полностью: о сне, писали две тысячи лет, но так и не добрались до сути. На первом плане всегда стоял вопрос о значении того, что привиделось во сне: то ли это искажённый отзвук дневных переживаний, то ли предвестник будущих событий, то ли проявление инстинктов, подавленных бодрствующим сознанием. Предполагалось, что сферу сна можно приравнять к сфере бодрствования. Но это не так. Моя статья показывает, что пространство и время сна значительно отклоняются от пространства и времени бодрствования, в ней называются и обосновываются отличительные признаки. Только тот, кто это усвоит, может с успехом толковать содержание снов.

* * *

Здесь пойдёт речь не о содержании снов, об этом будет упомянуто лишь мимоходом, а о некоторых характерных чертах сна, известных из прежних исследований, хотя и не оценённых в полном объёме, и из новейших, исключительно диагностических, забывших о фантастических картинах снов. Древняя концепция придавала сначала снам как таковым, а позже лишь определённым снам не только субъективное значение, и была ближе к истине, чем отклонившаяся от неё современность. Мы хотели бы внести свой вклад не столько в понимание снов, сколько в теорию сознания вообще, бодрствование которого не понять, не поняв сути снов.

Сделаем такое невероятное предположение, что некто до тридцатого года жизни никогда не спал, и для него смысл слова «спать» также непонятен, как

для слепого названия красок, и вдруг он видит живой, наполненный событиями сон. После пробуждения он будет долго размышлять, то ли он видел действительно чужеродные образы, то ли побывал в другом месте, из которого вернулся в своё обычное состояние без участия его воли. При первом предположении он вступил бы на тот путь, который привел все первобытные народы к вере в призраков и демонов, а второе допускало возможность мгновенной смены места, столь же привычной для первобытного мышления как исчезновение. Мы многократно находим описание этого в сказках всего мира, особенно индийских, где, например, человек, прыгнув в море, моментально попадает в волшебный город; достаточно погрузить голову в воду источника или хотя бы чаши, чтобы вернуть исчезнувшего в дневной мир, может быть, из пруда замка, в котором он только что купался. Если наш человек, впервые увидевший сон, позже вернётся к господствующему мнению, согласно которому сны это всего лишь форма существования представлений, то древние народы остались при своей гипотезе и языком сна описывают в своих сказаниях, легендах, баснях, сказках и мифах картины того, что представлялось им *реальным* миром. Были их сны живей и глубже или они сами пребывали в полусонном состоянии? Для начала надо понять, почему *мы* допускаем такое предположение.

Для этого есть две причины, и корень у них один. Периоды бодрствования нашей жизни взаимосвязаны, отдельные сны обычно нет. Тот же друг, которого я вчера видел умершим, может встретиться мне сегодня свежим и цветущим, но одно другому не мешает, мой вчера действительно умерший друг остаётся мертвым и сегодня. В то время как реальность

влечет за собой последствия, сон ощутимых последствий за собой не влечёт, он может повторяться и разбиваться, как пена, о скалы фактов, от которых, по словам одного известного философа, «не исходит никакого призыва». Но не будем забывать, что и факт требует определенных предпосылок в нас самих, например, памяти. Умерший друг не умер бы для меня, если бы я забыл, что он у меня когда-то был. Потеря моего состояния не сделала бы меня бедней, если бы я вместе с деньгами потерял и память о моём былом богатстве. Любая вещь утратит форму реальности, если я не могу больше сравнить моё мгновенное впечатление от неё с прежним, потому что оно не оставило в моей памяти никаких следов.

Мы уже коснулись здесь второй причины мнимого характера снов, из которой вытекает первая: мы совершенно неспособны вспоминать во сне о прежних снах. И вот в чем недостаток сна: мы не знаем во сне ничего о нашем бодрствовании, но, бодрствуя, мы вспоминаем и сны и включаем их в цепь нашего опыта. Если во сне мы, похоже, теряем актуальную память, в том, что касается наших знаний о нём, мы можем целиком положиться на наше состояние бодрствования, подобно моряку, который, как бы далеко ни уплыл он в море, всё равно ищет глазами берег. Мы неизбежно находимся на грани снов, но уже не во сне, когда мы осознаём, что это сон, и делаем выводы о сознании во сне, стоя целиком на почве бодрствующего сознания. Таким образом, становится понятным, что мы привыкли не видеть во сне нечто целое, а воспринимаем его как эхо в отношении к производимому звуку.

Но что, собственно, даёт нам право взвешивать образы сна на весах фактов? Откуда мы знаем, что

опыт нашего бодрствующего сознания в данном случае действителен? Разве мы при этом уже не предполагаем, что решающим является лишь то, что претендует на реальность, что встречается нам в бодрствующем состоянии? Сон имеет определённые присущие ему черты, но все теории сна сознательно или неосознанно исходят из недоказанной веры в то, что сны могут быть поняты на основе предпосылок бодрствующего сознания. Теоретики находят то, что искали, но не думают о том, что в одном и том же случае часто бывает так, что нечто другое может быть даже более важным, или отказываются объяснить его, если оно возникает.

Говорят что самые смелые фантазии сна можно разложить на элементы, которые уже присутствовали в бодрствующем сознании, например, крылатого коня — на коня и крылья, свойства этого сознания повторяют, хотя и с чудесным искажением, то, что произошло в предыдущий день, за внешне беспорядочной сменой образов стоит, словно невидимый драматург и сценарист, характер спящего со всеми его повседневными желаниями, страхами, заботами. Из чего делается вывод, что спящее сознание это разновидность бодрствующего. Но даже при верности этого вывода по всем пунктам, неизвестно понимает ли сон лучше тот, кто приходит к нему в ожидании ассоциаций, переплетений, слияний, психических помутнений, или тот, кто из поэтического произведения извлекает только фабулу, а всё остальное объявляет просто украшениями, разумеется, для того, чтобы сделать теорию понятней. Подобно тому, как художественная форма проистекает не из одного содержания, так и форма сна порождается нематериальным опытом, над которым, как мы видим, она

господствует, и может быть даже наоборот, как считали исследователи прошлых веков, свидетельствует о первоначальной цельности, из которой выкристаллизовалось бодрствующее сознание. Детство человечества с его готовностью видеть сны открывает нам стихийную жизнь, и вера древних в истинность снов, предзнаменования и путешествия душ в мифах — это ещё живое воспоминание о собственном соучастии в них. Встаёт серьёзный вопрос: что содержит в себе память, что закрепило в нас враждебное снам факты, и не были ли, в конце концов, правы древние философы, выводившие всё твёрдое и вещественное из бесформенной влаги, не было ли более глубоким их проникновение в смысл постепенного *пробуждения* души? Мы должны также задать себе вопрос, как соотносится с такими перспективами явная ничтожность большинства снов, что бросалось в глаза уже древним. Чтобы сделать вывод займёмся теперь более тщательным исследованием сонного состояния без предрассудков, будто оно — вырожденная форма бодрствования, а рассмотрим его как нечто изначальное.

Ни одно свойство сна не имеет такого всеобщего подтверждения, как то, что, *пока мы спим*, мы принимаем то, что видим во сне, за реальное. Но всё мнимо реальное заключает в себе два момента: мы сами находимся с ним в определённом пространстве, и оно попадаетея нам навстречу. Так если реально существующая гора, о которой я думаю, переносится мною из моей комнаты в иное пространство, то гора, которую я вижу во сне, находится со мною в одном и том же пространстве. Далее: я могу подавить или вызвать мысль о ней и чувствую, по крайней мере, возможность освободиться от этой мысли, если она станет навязчивой, но гора, которую я вижу во сне,

находится здесь и определяет мои мысли и действия. Пространство сна, которое мы называем внутренним пространством, включает в себя также внешнее пространство личности спящего, и всё происходящее в нём обретает форму, *противоположную* бодрствующему сознанию. Поскольку наука обычно объясняет происхождение сна представлениями, покажем их полное различие ещё на одном примере. Каждый, кто попытается нарисовать отсутствующего знакомого, к удивлению своему обнаружит, что он не в состоянии достаточно полно представить его себе, вспомнить, широкая у него переносица или узкая, уши поставлены высоко или низко, уголки рта горизонтальны или опущены книзу, короче, он замечает, что не знает деталей выражения его лица, но когда человек спит и неожиданно встречает во сне этого знакомого, он ясно видит перед собой со всеми чертами лица, которые он перед этим тщетно пытался вспомнить. Сможет ли спящий описать их после пробуждения, это ещё вопрос, зато несомненно, что во сне он не упустил из вида и те признаки, которые не смогло обнаружить бодрствующее сознание, притом безо всяких усилий, они неожиданно проявятся, словно спящий видит своего знакомого во плоти.

В отношении их реальности между сновидениями и фактическим восприятием есть существенное различие: реальные переживания выражаются в таких словесных оборотах, как мы «в сонном состоянии», ощущаем происходящее «словно во сне», кажется, будто это «только сон», мы вели себя «как сомнамбулы». Речь идет и о «глубоких, как сон» чувствах, о счастье, «обвитом сном». Художники называют свои картины «Фрагментами сна» или «Ландшафтами, увиденными во сне», поэты свои

стихи — «Грёзы» или «Песни-грёзы». Интересно проверить, что, собственно, происходит с реальностью вещей, если они кажутся нам нереальными, словно во сне. Такое сонное состояние, как мы его называем, возникает по самым разным причинам, особенно типичны случаи вроде того, когда в тишине ночи мимо вашего дома проезжает автомобиль и издаваемые им звуки постепенно затихают; когда смотришь на далёкий фейерверк или беззвучные зарницы; когда возвращаешься на родину после многих лет странствий, при первом взгляде на тропический ландшафт; при звуках монотонной музыки — в древности это были звуки флейты, а во времена романтиков — барабан, стеклянная гармоника и эолова арфа; иногда от ритмических движений танца; нередко от движения поезда, когда сидишь в нём в купе; в моменты полного истощения сил, отчаяния, подавленности, большого горя или под влиянием наркотиков. Последними случаями мы ещё займёмся, а сначала укажем на три общие черты остальных.

Во-первых, на пассивность особого рода, которую мы отличаем как от простого бездействия или терпения, так и от той уступчивости воли, которую мы не совсем правильно называем вслед за древними патической пассивностью. Я вообще обречён на пассивность любым фактом, с которым я вынужден смириться, особенно чувствительным, когда он внезапно вторгается в моё духовное поле зрения (например, если моё внимание привлекает неожиданный треск). Я веду себя пассивно и при подчинении моей воли приказу или инстинкту, но в пассивности сна наяву я чувствую также, что отдаюсь впечатлениям. Мне кажется, будто они побуждают меня к действию, усыпляют мою волю и становятся сильней

по мере того, как моё чувство бытия исчезает перед ними. Новейшая философия больше не чувствует патику внутренней жизни, на основе которой древние создавали свои мистерии, зато язык сохранил её для нас. Спящий при виде моря тонет или теряется в нём, от музыки он тает, а счастье доводит его до самозабвения. Это позволяет нам в точности перевести глубокомысленную антитезу греческой философии, различие между νοῦς¹⁷⁸ и ψυχή¹⁷⁹ как различие между Духом и Душой, так что даже самая ограниченная рассудительность вынуждена будет если не признать, то хотя бы понять, что для того, чтобы пробудилась Душа, сначала должен задремать Дух. Если мы примем это откровение жизни и её ритмичность, мы поймём, почему импульсное повторение сходных впечатлений, утомляя Дух, пробуждает Душу и может вызвать то усыпляющие мерцание, повторение которого придаёт вещам определенную окраску, как в тех случаях, когда стук колёс поезда сопутствует ландшафту, который ты видишь из окна, или при монотонных звуках или ритме танца. Обратимся теперь ко второму признаку сонного состояния: к *чувству удаленности*.

Во всех вышеописанных случаях нимб исчезает либо при действительном приближении образов, либо после него. Когда во время грозы грохочет гром, молнии, по крайней мере, для современного человека, теряют характер видения. Родина, которую я только вчера покинул, стала бы для меня только знакомой, а не увиденной словно во сне, если бы я взглянул на неё с расстояния прошедших десятилетий. Однообразные звуки флейты теряют своё оча-

¹⁷⁸ Дух (греч.)

¹⁷⁹ Душа (греч.)

рование при гулких и назойливых звуках труб. Стук колёс поезда ночью, чтобы усыпить, должен раздаваться издалека, чтобы танцующему, когда его уносит ритм, мир показался далёким, его движения должны ускориться, стать бессознательными; с местностью, по которой я еду, я близко не соприкасаюсь, потому что для этого по ней надо *идти*; ощущение чуждости тропического ландшафта это только разновидность чувства удалённости. Фундаментальное значение имеет то обстоятельство, что по сравнению с дневными светом туман, сумерки и ночь благоприятствуют созданию атмосферы сна, будто увеличивая расстояние между нами и вещами. Любимый яркий свет сужает освещаемый предмет, притом вдвойне, чётко очерчивая детали и исключая космический фон, так как мы можем разглядеть что-то, только выходя из тьмы на свет, а не уходя из света во тьму¹⁸⁰. Лучше, чем днём, ощущение сна проявляется в вечерние сумерки, особенно когда начинают зажигаться звёзды, способность которых вызывать сны Гёте знал и описал суть этой способности в одной стихотворной строчке:

Всё близкое уже далёко

По отношению архитектуры к свету можно судить о степени родства со сном целой эпохи. Глубокие сумерки в лишённых окон храмах античности, поскольку в них не делали отверстий под открытым небом, соответствовали полумифическому духу той эпохи. Благочестивая сосредоточенность Средневе-

¹⁸⁰ Гёте наглядно выразил разницу между мерками светлого и тёмного помещений в стихах: «И силой разделяет неземной Палатку дня и звёздный свод ночной». — *Прим. автора.*

ковья на внутреннем мире позволяла делать своды не очень толстыми, и в церквях т. н. романского стиля отверстия типа колодцев позволяли проникать внутрь только слабому свету и мистически господствовала даже над устремлённой к свету готикой, постепенно целиком закрывая огромные окна кафедральных соборов цветными стеклами. Только Ренессанс отверг сумеречное настроение внутренних помещений и окончательно даровал победу свету окон в унисон с интеллектуальностью, которая до этого воевала с сонным сознанием.

Мы заканчиваем краткий обзор, посвящённый чувству удалённости, предположением о разных ролях, которые отдельные зоны чувств играют в формировании мира сна. Только зрение и слух действуют на расстоянии, обоняние — на ограниченном расстоянии, вкус и осязание — вблизи. Если требуется удалённость, то реальность сна делает преобладающий у нас зрительный образ абсолютным монархом — отсюда ясновидение, — слух ещё сохраняет большие полномочия, обоняние ещё допускается, а вкус и осязание почти не действуют.

К двум предыдущим добавим теперь третью черту сонного состояния — *чувство мимолётности*. Едва воспламенившись, сразу гаснут световые фигуры фейерверка; ночной поезд всё ближе и ближе — и вот он уже проехал; картины ландшафта в его окне сменяют одна другую; море меньше давало бы снам, если бы оно не двигалось непрерывно и даже при полном штиле не менялись отблески и формы; наконец, при возвращении на родину, если она выглядит так же, как и раньше, спящего охватывает чувство *собственной бренности*. Он сам становится сорванным листом, исчезающим дымом распадающейся

пеной, улетающим облаком, падающей звездой — в этих и других образах народные песни и литература выражают чувство бренности в сердце спящего наяву человека. Наряду с сознанием отдаленности во времени оно вызывает во сне и образы не меняющегося, постоянного, также как столетние деревья, пирамиды, ледяной покров высоких гор, и придаёт всем мысленным отметинам прошедших лет силу, позволяющую в один миг глубже понять весь мир.

Самоотдача, которая побеждает самоутверждение, голубые дали надо всеми предметами и их укладывание в поток исчезновения, в котором мы тонем: из этих трёх нитей сплетается покрывало, через которое бодрствующий дух смотрит на мир как во сне. Мы ещё не знаем, в какой мере мы снова найдем их в законченном сне, но для чувства отчужденности, о котором говорит данное суждение, условие, как мы полагаем, следует искать в том обстоятельстве, что таким образом затеняется опорный столп бодрствующего сознания, расстояние между субъектом и объектом. Увлекаемое далью из своей телесности «Я» теряет свою опору и без самоотдачи, целиком попадая во власть образов до такой степени, что *путаёт себя с ними*. Здесь мы встречаем основную черту в любой великой мифологии — предпочтение, отдаваемое уклончивому, неопределённому. Колебание всей веры в демонов между страшной серьёзностью и фантастическим обманом. Роскошное изобилие древних царств богов состоит не столько из знакомых и полезных предметов, таких как орудия труда, плоды земные и жилища, сколько из дальних образов кружащихся созвездий, текущих вод, безграничных бурь и при этом само становится воздушным, как облако. Поэтому до сих пор не ути-

хает спор, не связано ли здесь т. н. чувство природы хотя бы наполовину с чистыми уподоблениями. Это позволяет нам, к тому, что мы понимаем под верой как таковой, добавить веру в твёрдые факты, сравнения. Например, ведический гимн, не ощущая никакого противоречия, выводит бога огня Агни с небес, из воды, находит его в лесах, в камне, в растениях, в трении палочек, в «материнском лоне масла», и подобно прометееву огню, доисторический герой крадёт его с небес, его называют то «быком», то «красным конём», то «блестящим языком богов», а иногда и устами, которыми они пожирают жертву огню. Ничем, кроме как дикой природной поэзией не объяснить, почему духи бури, маруты, бешено мчатся, болтая, доят небесное вымя и поливают землю молоком, дуют в дудки бури, объедают облачное море, как гусеницы дерево, подобно слонам, гнут леса, и от их «львиного рыка» Земля качается, как корабль¹⁸¹. Здесь мы имеем дело с настоящей поэзией, но мы не должны забывать, что всех этих духов не только чтили, но и приносили им обильные жертвы со сложным ритуалом, церемониями и требованиями, которые опутывали всю человеческую жизнь, и что образы, которые кажутся только украшениями, в действительности объясняли значение широко распространенных магических обрядов, — всё это было бы бессмысленным без веры в их реальность. Напрасно пытаются, исходя из перспективы бодрствующего сознания, понять весь хаос сонного сознания, для которого собственное пение может стать событием, в то время как оно испаряется в звучащих образах.

¹⁸¹ См. Ольденберг «Веды». Хороший материал содержит также книга И. Мюллера «Образ в поэзии». — *Прим. автора.*

До сих пор в наших рассуждениях, хотя и с доказательствами нового типа, мы следовали направлению философии романтиков, к числу которых я отношу и более поздних исследователей, сознательно или бессознательно следовавших по тому же пути: Шернера¹⁸², Фолькельта¹⁸³ и прежде всего Фехнера¹⁸⁴. Эти и другие родственные им мыслители помогают нам выразить вышеизложенное в следующей формул. Реальность сновидения, по свидетельству наших переживаний, не менее реальна, но реально *по-иному*, так что, похоже есть две реальности. Одна из них — именно реальность сна, лишь иногда заглядывает в привычную реальность бодрствования, но потом сотрясает её законы и фундамент, лишая нас уверенности в противоположности субъекта и объекта; носитель первого — Дух, второго — Душа. Нам приходится сразу же отказаться от чёткого ориентира и предпочесть ему всеобъемлющее бессознательное, если мы хотим точнее узнать, что представляет собой Душа по отношению к Духу, и почему наряду с фактической реальностью мыслима и иная. Но сначала надо ответить на вопрос, имеет ли сам сон те черты, которые мы сочли характерными для сонного состояния.

И тут выясняется, что в обычном ночном сне мы не чувствуем себя бренными и не отдаёмся патически событиям сна, они, наоборот, часто вызывают у нас сопротивление и ужас и в итоге становятся непреодолимо далёкими; часто они, как и в дневной

¹⁸² Шернер Карл Альберт (1825–1889) — немецкий философ, педагог и психолог.

¹⁸³ Фолькельт Иоганнес (1848–1930) — немецкий философ, автор работ по теории познания и метафизике.

¹⁸⁴ Фехнер Густав Теодор (1801–1887) — немецкий психолог, основоположник психофизиологии.

жизни приближаются к нам, вызывая боль, от них стремимся бежать или защититься, и они обычно оставляют нам очень мало времени для сонных мыслей о мимолетности. Но мы уже заметили ошибку в наших предпосылках. То, что мы описали выше, это было состояние бодрствования, к которому применялись элементы сна, а теперь мы попытались представить себе сон, к которому могут применить элементы бодрствования. Мы можем, бодрствуя, находиться в сонном состоянии, но трудно сладить с самим сном, в его реальности мы можем встретиться с чем-то противоположным бодрствующему сознанию, невозможно убедиться в том, что это сон. Не элементы сна открывает она нам, а скорее даёт сведения о преобразовании, которому должна подвергнуться дневная реальность, чтобы её можно было переживать как реальность сна. Её характерные черты — это ещё не характерные черты сна, а его *признаки в бодрствующем сознании*, по которым мы можем найти их значение и частично понять смысл различия между двумя реальностями, отношение которых к сну и бодрствованию ещё предстоит точно определить.

Что касается третьего пункта, мимолётности реальности при сонном состоянии, то мы встречаем здесь свойство сна, которое подчеркивают все наблюдатели, хотя они, похоже, не осмыслили его до конца. Это свойство — непрерывная изменемость всех образов сна. Улица, по которой вы только что ехали во сне, может в следующий миг превратиться в канал, автомобиль — в судно, стены домов исчезнут, и вы плывете между множеством судов, стоящих в порту, и при этом не будете удивляться отсутствию взаимосвязи в последовательности процессов.

Выше из мимолётности реальности сна мы вывели любовь мифического мышления к подобным явлениям. Сейчас мы находим способность любого события во сне *превращаться в любое другое*, а в мифах этим даром обладают боги, демоны, феи, эльфы и прочие духи. Общей для них является способность самим принимать любой образ, друга или врага, вещи, животного или человека. Овидий¹⁸⁵ удачно выявил сюжет всех мифов и сказок, назвав свой поэтический сборник «Метаморфозы», хотя ему не удалось переложить основной феномен на язык литературы. И в чувстве мимолётности мы видим, по крайней мере, один элемент творческой ситуации в том, что, спящий вдруг обретает веру в то, что он может и сам видоизменяться, — на этом основывается наше предположение о связи событий во сне с Душой. То, что могут делать властелины сна, боги, то же может случиться и с душой спящего, независимо от его желания: на выбор все многообразие вещей, можно превращаться в камни, растения, в животных, людей и предметы. Эта логика сонного мышления во многих местах породила догму о переселении душ. Для связанного со сном духа в принципе нет ничего неодушевленного, чисто механического, он разговаривает с животными, растениями и неживыми вещами, разделяет в каждый момент судьбу окружающего его мира. И опять-таки это потребность в выборе также вещественно изменяемого, что определяет типичные формы души: бурного дыхания, мерцающего света и зажигающего пламени. В немецкой сказке это огненные люди, блуждающие огоньки, факелы ведьм, источники и реки, из которых раздаются пророче-

¹⁸⁵ Овидий Назон Публий (43 г. до н. э. — 17/18 г. н. э.) — древнеримский поэт, оказал большое влияние на развитие европейской литературы.

ские голоса, мерцающие солнечные столбики, а среди животных — птицы (орёл, голубь, сова, лебедь, аист и т. д.) рыбы и змеи¹⁸⁶, порхающий мотылёк, беспокойная пчела, охотящийся волк, быстрая ласка, суетливая мышь, которая часто выскакивает изо рта спящего, когда душа начинает свои странствия.¹⁸⁷

Принцип превращения, с помощью которого душам можно вернуть силу дневного сознания — цель всех теургов, экзорцистов и заклинателей мёртвых и один из этнических корней мистики. Эту первичную форму, лишенную чрезмерной одухотворенности, мы встречаем в превращении германских героев в вервольфов и берсеркеров, цейлонских дьявольских танцоров — в демонов, фракийских сабосмистов — в фанатичных фиасов буйного бога-быка. Греческие мифы видят в образе бога водяного демона, друга тюленей, морского старца Протея, о котором в «Одиссее» рассказывается, что он, будучи схваченным Менелаем и его одетыми в звериные шкуры спутниками, сразу же превратился во льва, а когда это не помогло, в леопарда, дракона, вепря, текущую воду, достаемое верхушкой облаков дерево, прежде чем он признал себя побежденным и сообщил пророчество о будущем. Видя в нем классического демона мифического искусства превращений, мы считаем его имя подходящим и говорим, что реальность сна имеет *протеевский* характер.

¹⁸⁶ Трогательное свидетельство сохранения древних представлений о душе вплоть до культуры умирающей античности — известная легенда о смерти Плотина. Как только этот философ сказал своё последнее слово о единении с Богом и умер, из-под его ложа бесшумно выползла змея и исчезла в расщелине стены — это была вышедшая из него душа.
— *Прим. автора.*

¹⁸⁷ Если она не возвращается, немцы говорят о человеке, что он «мёртв как мышь». — *Прим. автора.*

Зададим теперь вопрос: почему во сне каждая вещь может любым образом видоизменяться, тогда как в состоянии бодрствования мы считаем её сутью именно постоянство? Обычно отвечают, что во сне ослабляется внимательность, ухудшается ориентировка, встречные мотивы перестают действовать, нарушается логика, происходит диссоциация, исчезает причинное мышление, назовут и много другое, вплоть до разрыва апперцептивных связей. Какую бы формулу ни предпочитали — мы заменим их все одной, вполне определенной, — нас всегда удивляет, что даются только отрицательные определения, связанные с прекращением действия регулятора, но при этом не интересуются, почему несмотря на это появляется законченный мир, полный, как и мир бодрствования, во всяком случае достаточный для того, чтобы стать фундаментом жизненных форм и способа мышления доисторической эпохи человечества, которая насчитывает больше тысячелетий, чем т. н. мировая история веков. Но ещё больше нас удивляет другое.

Мы считаем доказанным и не требующим новых аргументов, хотя, как и прежде, есть отсталые люди, которые это оспаривают, что наше сознание должно совершать мыслительные *акты*, если оно не сосредоточено на одном восприятии, чтобы с их помощью установить отношения с предметами; мы считаем также доказанным, что для мыслительных актов необходимо существование «Я», как тождественного с ними места их происхождения в процессе времени. Но такая же молния мыслительного акта, которая в потоке событий, в которые мы замешаны, фиксирует вневременной *факт* и навсегда отделяет его от нас как субъекта, связанное от связующего, внешнее от внутреннего. Неизбежное последствие этой способно-

сти схватывать, которая всегда находит только одно *нечто*, а *событие* мыслит, как вызванное определенной причиной, иными словами, из события, как целого, она вырывает отдельные вещественные куски, которые связываются между собой только на основе закона причинности. Факт и закон причинности неотделимы, если рвётся причинная связь, факт тоже отрывается от события. Так именно и происходит во сне, приведенные выше формулы подтверждают это, но без апперцептивных связей упорядоченные во времени и пространстве сущности, имеющие характер реальности, остаются вне нас! Как не удивляться такому чуду? Но удивляться не надо, необычная проблема заключается в природе сна, и, если мы не ошибаемся, последствия этого вывода могут потрясти предпосылки мышления нового времени.

Взглянем еще раз на ситуацию и скажем без обиняков, какие условия необходимы для её возникновения. Спящий оказывается перед лицом реальных вещей, которые видоизменяются не только как уносимые ветром облака, и это кажется ему само собой разумеющимся, не требующем никаких объяснений, а в бодрствующем состоянии он, наоборот, считал бы это невозможным. Во сне частично просыпается мифический человек с его формами мышления, допускающими возможность чудес, с его верой в колдовство, а в закономерном целом мире фактов он находит место и для предзнаменований. Но существа, которые беспричинно видоизменяются, не могут быть фактами, т. е. вещами, а там, где нет вещей, нет и «Я», в природе которого понимание вещей с помощью умственных актов. Мы уже видели, что в сонном состоянии сокращается расстояние между субъектом и объектом, а теперь мы понимаем: то,

что соприкасается в законченном сне, вообще не должно называться субъектом и объектом. Место противоположности, на которой основывается бодрствование, занимает нечто совершенно иное, а именно полярность, от изучения которой будет зависеть, какое мнение мы составим себе о реальности сна. Мы облегчим дальнейшее изложение, если различие ситуаций будет отражено и терминологически.

Если верно, что чем глубже сон, то тем больше он обессиливает «Я», пока оно не перестанет совершать какие бы то ни было акты. Во сне нет ни мыслей, ни желаний, ни даже восприятия, и мы вынуждены назвать способность спящего к восприятию другим словом, даром *созерцания*, притом, разумеется, не только видимого, но и слышимого, обоняемого, осязаемого, ощущаемого на вкус. Выбор этого слова основан на частой связи именно созерцания с патической самоотдачей образам, ибо каждого, погруженного в созерцание, мы можем назвать любующимся, например, красотой, наблюдателем, но ни в коем случае воспринимающим или видящим, если только не употреблять слово взгляд в двойном смысле. «Мои глаза будут созерцать Бога», — так говорил ещё Лютер.

Для созерцаемого во сне мы предпочтём вместо слова образ использовать слово явление, так как оно приближает нас к таким родственным сну процессам, как фантазии, фантомы, явление призраков, и т. п. Если бодрствующее сознание способно к восприятию вещей, то спящее сознание обладает даром созерцания явлений. Для подтверждения своей реальности вещь действует, притом непрерывно, но её действие не всегда можно ощутить и понять его причину, тогда как явления, как нереальные, не могут и действовать, зато беспричинно переходят в другие

явления. Разные наименования позволяют развеять обычные сомнения. Не представляет ли собой явление только деятельность субъекта, не следует ли считать его чем-то вроде видоизменяемого представления, как это сочетается с предполагаемым исчезновением «Я», если остаемся только мы, и мы осознаем себя во сне и думаем, будто реагируем на явления сна словами или действиями (так до сих пор сопаривали этот тезис, пока он выражался в неясной форме), так что можно вообще отрицать реальность явлений, которые надлежит исследовать. Мы используем последний пункт, чтобы глубже проникнуть в протеевскую природу сна.

Современные ученые и неученые толкователи снов едины в том, что сны якобы можно воспроизвести с помощью максимально точного описания того, что удалось запомнить. Это правило верно, когда речь идёт о фактах, но, когда речь идет не о фактах, подобного рода отчёты об отдельных переживаниях во сне передают только их общие черты, так как их нереальные феномены приходится описывать на языке реальности. Нам не избежать этого, если мы собираемся философствовать об этом, но есть порог наших знаний: мы говорим в данном случае метафорами и только метафорами, если выражаем наши мысли опосредствованно, т. е. в понятиях, природа которых предполагает, что непременно имеется в виду нечто реальное. Смысл метафоры в данном случае иной. Мы прибегаем к образной речи, когда хотим, чтобы то, что имеется в виду, стало понятно другим. Для воспроизведения снов образная речь не подходит, затрудняет передачу мыслей в словах, всё, что имеется в виду и выражено в понятиях, но немислимо, это только шифр, рассчитанный на понимание. Наши важные слова стали теперь метафора-

ми. С их помощью мы рассказываем о содержании снов, включая сущность сна, описываем их реальность так же, как метафоры описывают реальность фактов, с тем лишь существенным различием, что мы, хотя и переносим настоящую метаморфозу в саму речь, не можем сделать её собственной¹⁸⁸. Реальность сна, о которой мы говорим, только в зеркале нашего сознания обретает форму факта, сама по себе она скорее отражение всей реальности сути и пережитое ощущение ее субстрата, бытия. Связка есть к ней неприменима. В более глубоком смысле это относится к реальности вообще, т. е. и к реальности бодрствования, однако последняя открыта для мыслительного анализа, а в состоянии сна она лишь частично влияет на характер его проявлений. Только при таком понимании существует реальность сна, и есть возможность отграничить от неё реальность бодрствования, а может быть, и определить значение, какое она для неё имеет, а не отказываться от объяснений, как раньше.

Возвращаясь к рассказам о снах, мы хотим высказать мнение, что совершенно устарела теория, согласно которой сон — это вариант представления, нельзя не учитывать большое расстояние между ним и настоящим сном. Если тот, у кого ещё недостаточно сформировалась способность восприятия, выражает протест против продлённого действия сонного

¹⁸⁸ Прекрасный пример изменения смысла метафоры на образный приводит Мюллер в своем вышеупомянутом сочинении, взяв его из ведического гимна, в котором о марутах говорится: «Когда они бросают из дальних далей свои лучи как измерительный шнур...» Лучи сравниваются с измерительным шнуром. Глубокий пафос индийского поэта воспринимает то, что имелось в виду в бодрствующем сознании, а именно лучи, как простую метафору божественной деятельности, которая выражается в образе бросания измерительного шнура, и делает тем самым свой язык высшим мерилom наглядности понятий. — *Прим. автора.*

явления, то он сам чувствует себя не в состоянии достаточно ясно рассказать о бессодержательном сне, о его особой атмосфере, той неопишуемой реальной среде, которая образует общее пространство сна; его рассказ можно будет сравнить с каплями воды, которые человек принёс домой, чтобы сохранить кусочек радуги. Сказать об этом нельзя, но при определённых обстоятельствах можно спеть. Слово не только передаёт сообщение, оно имеет также художественно-выразительную функцию, ему присуща сила, с помощью которой оно может временно перенести человека в реальность того, что сообщается, и преимущество поэта в том, что он умеет так использовать слово, чтобы развязать эту силу. Что же касается сна, то даже среди поэтов есть лишь определенная группа, у которой мы можем найти подтверждение наших тезисов, и сделаем теперь для более глубокого проникновения в протезизм сна. Мы описываем ситуацию по аналогии с состоянием бодрствования, когда называем её изменчивость явлениями. И превращения выглядят во сне более или менее осмысленными, хотя лишь иногда, когда мы видим только этапы, а не сам процесс превращения, как нам регулярно описывает его Овидий в своих «Метаморфозах». Всё это происходит в форме дневного сознания, без волшебства, и похоже на смену костюма в театре, когда речь идёт об образном превращении Ио из коровы в женщину:

*С тела исчезла вся шерсть,
Убрались рога, глаза стали уже,
Стал человеческим рот, утончились плечи и руки
И распались копыта на пять выступающих пальцев,
И от коровы осталась у ней только белая кожа.*

Мы удивляемся такому превращению как удачному трюку и, несомненно, будем искать, какой механизм за этим скрывается. Но спящее и мифическое сознание не имеет повода для удивления, потому что его переживания совершенно иные. Поэтической силы Овидия недостаточно для того, чтобы средствами языка извлечь тайный закон из глубины чувства сна, и мы возьмём описание у более сильного поэта, чтобы пробудить живое воспоминание о нём, без которого всё, что мы хотели бы сказать, остаётся описанием красок для слепых.

Мы процитируем как особенно убедительное, по нашему мнению, воспроизведение сна, со всей его выразительностью, большой отрывок, хотя он, наверняка, известен всем читателям. Мы имеем в виду чудесные сны о родине в заключительной части «Зелёного Генриха» Келлера, о которых невозможно читать, не поддавшись чувству, что ты сам видел эти сны и что всё происходило именно в такой последовательности, несмотря на то, что в бодрствующем состоянии это было бы пункт за пунктом невозможно. Некоторые выделенные нами курсивом строки это не самые важные части данного текста, в нём всё более или менее важно, всё помогает вывести из него теорию сна, они обозначают только то, что касается видоизменений явлений во сне.

«Я приближался к городу, где находился отчий дом, по удивительным тропам, по краю широких потоков, каждая волна которых несла на себе плавающий розовый куст, так что вода едва сверкала сквозь покрывающий её розовый лес. На берегу крестьянин вспахивал землю золотым плугом, который тащили молочно-белые быки, и там, где они ступали, вырастали большие васильки. Борозда заполнилась золо-

тыми зёрнами, которые крестьянин, направляя плуг одной рукой, брал другой и подбрасывал в воздух, после чего *они оседали на мне золотым дождём*. Я ловил их шляпой, сколько мог, и с удивлением увидел, что они *превращались в звонкие золотые выставочные монеты*, с чеканным изображением древнего швейцарца с длинной бородой и обоюдоострым мечом. Я усердно их подсчитывал и не мог сосчитать, но заполнил ими все карманы, а те, что не поместились, снова бросил в воздух. И тут *золотой дождь превратился в великолепного коня золотисто-рыжей масти*, который ржал и рыл копытами землю, из которой потом вырастал прекраснейший овёс, но конь нарочно им пренебрегал. *Каждое зерно овса вместо со сладкой миндалиной, изюминкой и новым пфеннигом* было завернуто в красный шёлковый платок, к кончику которого была привязана свиная щетина, которая приятно щекотала коня, когда он катался на ней и кричал: “*Овёс колет меня!*”

Я подогнал коня, сел на него, так как он был прекрасно осёдлан, осторожно подъехал к берегу и увидел, что крестьянин со своим плугом и упряжкой зашёл в плавающие розы и погрузился в них. Розы стянулись в плотные кучи и *поплыли вдаль, распространяя по горизонту зарево*, а поток казался теперь безмерной лентой текущей голубой стали. *Плуг крестьянина между тем превратился в корабль, он плыл на нём, правя золотым лемехом*, и пел: “Рдение альпийских вершин охватывает родину”. Потом он просверлил отверстие в днище корабля, вставил в него мундштук тромбона, сильно подул в него, и раздался мощный звук, подобный звуку военного рога и забила блестящая струя воды, так что в плывущем кораблике образовался прекрасный фонтан.

Крестьянин взял струю в руки, уселся на борт корабля и стал выковывать из неё у себя на коленях правым кулаком могучий меч, так что полетели искры. Когда меч был выкован, он испробовал его остроту на вырванном из бороды волосе и вежливо вручил его самому себе, вдруг превратившись в Вильгельма Телля, которого во времена моей юности любой толстый хозяин мог представить себе, играя в Телля. Тот взял меч, взмахнул им и громко запел...

Потом толстый Телль отрезал своим мечом от переборки корабля, которая *теперь оказалась боком окорока*, большой кусок и удалился с ним в каюту, чтобы перекусить.

Тем временем я продолжал скакать на моём коне золотисто-рыжей масти и сам не заметил, как очутился посреди деревни, в которой жил мой дядя. Я едва узнал её, потому что все дома были перестроены по-новому. Все её жители сидели за светлыми окнами вокруг столов и ели, и никто не смотрел на безлюдную улицу. Но я был в высшей степени рад этому, потому что *только теперь заметил, что сижу на моём прекрасном коне в старой, изношенной одежде*. Поэтому я поспешил попасть незамеченным за дом дяди, который я никак не мог найти, но, наконец, узнал его — он весь оброс плющом и кроме того был окружен старым орешником, так что не было видно ни каменной, ни кирпичной кладки, только там и сям поблескивали сквозь зелень частички оконного стекла величиной с ладонь. Я уловил за окнами какое-то движение, но не мог ничего ясно рассмотреть. Сад весь зарос дикорастущими полевыми цветами, из которых высовывались высокие как деревья садовые растения — розмарины, фенхели, подсолнечники, тыквы и смородина. Над дикими

цветами жужжали одичавшие пчёлы, а в улье лежало старое любовное письмо, которое ветер некогда занёс туда, обветренное и открытое — за долгие годы его никто не нашёл. Я взял его и хотел сунуть в карман, но оно вырвалось из моей руки, а когда я оглянулся, то увидел, что прелестная Юдит стоит с ним, улыбаясь, за ульем и посылает мне воздушный поцелуй — я почувствовал его своими губами. Но это был не поцелуй, а кусок яблочного пирога, который я жадно съел. Однако, поскольку я не утолил голод, который я испытывал во сне, я решил, что я, вероятно, сплю, и *этот пирог напомнил мне о яблоках, которые мы некогда, целуясь, ели вместе с Юдит*. И я счёл тем более разумным войти в дом, где, несомненно, был уже готов обед. Я распаковал тяжёлый портплед, который *вдруг оказался на коне*, когда я привязал его к покосившемуся забору сада. Из портпледа выпали красивейшие одежды и тонкая новая рубашка, грудь которой была украшена вышитыми виноградными кистями и ландышами. Но, когда я развернул рубашку, *она превратилась в две, две в четыре, четыре в восемь*, короче, образовалась куча самого красивого нательного белья, которую я тщетно пытался запихнуть обратно в портплед. Рубашек и других частей одежды становилось всё больше, они покрывали землю вокруг, и я очень испугался, что мои родственники внезапно застанут меня за этим странным занятием. В отчаянии я схватил одну рубашку, чтобы надеть её, и стыдливо спрятался за орешник, но *в этом месте меня могли увидеть из дома, и я спрятался за другой*, и так переходил от одного дерева к другому, пока не подошёл вплотную к дому, вжался в плющ и поспешно переоделся, надел самую красивую одежду, но всё ещё был не

вполне в порядке, а когда, наконец, добился этого, снова стал озабочен тем, куда деть траурный бант со старого платья. Куда я его ни уносил, везде на землю падал оборванный кусок; наконец, мне с трудом удалось выбросить его в ручей, но он никак не хотел уплывать, а крутился на одном и том же месте. Я схватил сгнившую жердь для поддержки бобов и попытался протолкнуть дьявольские лохмотья в поток, но *жердь стала ломаться и от неё ничего не осталось.*

Тут я почувствовал дыхание на моей щеке: передо мной стояла Анна. Она провела меня в дом. Мы поднялись с ней рука об руку по лестницам и вошли в комнату, где собрались дядя и тётя, двоюродные сёстры и братья. Отдышавшись, я огляделся: старая комната была чистой и в ней было так светло, что я не понимал, как столько света может проходить сквозь толстый плющ. Все мои собравшиеся родственники были в цветущем возрасте, школьный учитель тоже был красив и казался юношей, а Анна — девочкой четырнадцати лет в своём украшенном красными цветами платье с её любимым ожерельем.

Но было очень странным то, что все, и Анна тоже, держали в руках длинные глиняные трубки и курили ароматный табак, и я вместе с ними.

При этом все, и умершие, и живые, ни один миг не стояли спокойно, а с радостными лицами сновали по комнате туда-сюда, а между ними в мирном согласии сновали на полу охотничьи собаки, серна, соколы и голуби. Только они двигались по противоположным людям путям, так что вместе они сплетали чудесную ткань.

Тяжёлый ореховый стол на гнутых ножках был накрыт белой камчатой скатертью и на нём стояли ароматные свадебные блюда. Я прополоскал рот и

сказал старому дяде: “О, мне кажется, Вы вполне здоровы!” — “Разумеется!”, — ответил он, и все повторили за ним “Разумеется!” приятными голосами. Вдруг дядя приказал садиться за стол; все сложили на полу трубки в пирамиды, три на три, как солдаты ружья. Но *потом они, похоже, снова забыли, что собирались есть*. К моему огорчению, они опять образовали хоровод и постепенно начали петь:

*Мы и спим, и не спим,
Мы спешим, и не спешим,
Мы и здесь, мы и там,
Мы уходим, оставаясь по местам
Кому это не любо? Нет таких!
Не правда ли, прекрасен этот стих!
Алло, алло!
Живите все, в зелёное одеты где-то,
Леса, поля, охотники, а с ними и охота!*

Женщины и мужчины пели с трогательной гармонией и радостью и “Алло!” дядя возглашал таким мощным голосом, что весь хор тоже повышал голос, подпевая ему, и *одновременно становился всё более бледным, растворяясь в неясном тумане*, в то время как я горько плакал и всхлипывал. Я проснулся в слезах».

Характерным для этого поэтического описания сна и сердечным нервом описания является то обстоятельство, что мы никогда не присутствуем при процессе, а всегда, в любой момент, видим его уже завершённым. Золотые зёрна, которые разбрасывает крестьянин, падают на землю золотым дождём, а в шляпе, в которую их ловит спящий, они превращаются в золотые монеты. Превращение золотого дождя в коня тоже не показано, конь просто занимает место дождя. В овсе, который конь выкапывает из земли, каждое зерно-миндалина, и нам остаётся

только положиться на силу языка поэта и не удивляться этому, как и спящий. Конь золотисто-рыжей масти это, собственно, не конь, а демоническое существо, которое может колдовать и говорить. В полной предчувствий перемене, которая переходит из сна в состояние сна и в миф, уходящая вдаль розовая лента превращается в вечернюю зарю. Плуг крестьянина «превращается в корабль, и он плывет на нём». Из струи фонтана, как из металла, можем выковать меч, а крестьянин больше не крестьянин, а Вильгельм Телль. Корабельная переборка оказывается окороком, который идёт на закуску. Спящий, скача на коне, вдруг обнаруживает, что он плохо одет, а это значит, данное обстоятельство появилось только теперь, так что для спящего оно будет тем же, чем для бодрствующего сознания является вещь известного происхождения или такая, которую надо исследовать. Из слов о поцелуе Юдит мы узнаём, что спящий уже не сидит на коне, хотя он с него не сходил. Этот поцелуй — «кусочек яблочного пирога», и здесь следует отметить следующее. Безошибочным признаком приближения сна к пробуждению является его переплетение с мимолётным подозрением, что это только сон. Здесь впервые с полной ясностью вспыхивает воспоминание — в случаях с Теллем и старым любовным письмом оно было лишь половинчатым — а именно воспоминание о яблоке, которое спящий ел вместе с Юдит, но оно снова неизбежно ведёт к объяснению происхождения пирога, что раскрывает нам суть сна — он *уничтожает время*. Идём дальше: совершенно неожиданно на коне оказывается тяжелый портплед, две рубашки превращаются в четыре, четыре в восемь и так до бесконечности; каждое место, где прячется полуголый

спящий, перестаёт быть укрытием; жердь беспричинно ломается; она проводит гостя в дом, и вдруг у него оказывается такая же длинная трубка, как у хозяев, которые хотят есть и снова забывают об этом. Когда они в конце концов бледнеют и растворяются в тумане, значит, кончился и сон, — рассказчик рассыпается в слезах.

Мы копнули ещё недостаточно глубоко, когда нашли соответствие бренности мира в сонном состоянии в фантазиях самого сна, в его превращениях; и они — только перенос последней характерной черты явления: с течением времени оно *не остаётся беспричинно одним и тем же*, а является *одновременно как одним, так и другим*. Как видим, исчезает принцип идентичности, а с ним и понятие реальности, и опровергается предположение об одинаковой сущности сновидений и представление, потому что под каждым представлением разума подразумеваются факты, от которых он по собственному побуждению и часто с трудом переходит к другим фактам. Точнее говоря, только одна форма мышления отказывается от представлений, так же как они противоположны явлениям сна, так что можно сказать: сон рассыпается именно потому, что человек пытается выразить его в представлениях¹⁸⁹.

¹⁸⁹ Такова трагическая сторона проблемы художника, именно художника, а не поэта, которому чудо языка даёт возможность целиком оставаться во сне. Предмет искусства — беспредметное, а именно образы, которые должны быть выражены в материалах мира восприятий, в звуках, красках или камне. Художник должен сделать представляемым то, что можно увидеть только во сне, показать явление в предмете восприятия, захотеть того, что ему противно. На этом основан глубокий раздор в сердце каждого художника, как личности, и жесткие, воинственные черты любого искусства, которое перестало быть таким, как в доисторическую эпоху и в ранней античности — чисто мифологическим и поэтому чисто поэтическим. — *Прим. автора.*

Представленное может пить из источников жизни и увлечь за собой руководящий ею разум, но лишь после того, как с представлениями будет покончено, и их место займёт подобный сну процесс фантазирования, к которому мы теперь снова вернёмся.¹⁹⁰ Он господствует в поэзии мифов и романтики, тогда как в сказках, народных песнях и легендах говорит сам ничем не нарушенный сон, любые превращения происходят без начала, непоследовательно и только придаёт преобразённому интимные черты.

В сказке братьев Гримм¹⁹¹ «Дерево Махандель» колдовские действия совершаются с костями убитого и съеденного мальчика, после того как его сестричка положила их под дерево. В тени дерева загорается огонь, и из этого огня вылетает прекрасная птица, которая великолепно поёт, летая в воздухе. Эта птица — душа, и слова её песни жестоки:

Моя мать меня убила, мой отец меня съел и т. д.

Но это песню слышат золотых дел мастер, сапожник и двадцать слуг мельника, все они восхищаются ей и каждый дарит птице то, что умеет делать: золотую цепь, сапоги и жернов весом в центнер в качестве ожерелья. Нет ничего удивительного в том, что птица может рассказать такую историю и поднимать тройной груз, — для сонного состояния в нём заключён демон мстительной Судьбы. Песня птицы даёт

¹⁹⁰ Полную ясность в вопрос о противоположности деятельной природы представлений творящей природе фантазии мы находим из всех современных мыслителей только у Палады в его «Натурфилософских лекциях об основных проблемах сознания и жизни», работе, которую мы советуем изучить всем психологам и феноменологам. — *Прим. автора.*

¹⁹¹ Гримм Якоб (1785–1863) и Вильгельм (1786–1859) — немецкие лингвисты и исследователи народной культуры.

отцу счастье, позволяет сестричке пребывать в благо-
честивом ожидании, оба получают в дар золотую цепь
и сапоги, а страшная преступница — размалывающий
жернов. И как только это происходит, снова вырыва-
ется огненный дым и из него живым и невредимым
выходит убитый, расчленённый и съеденный мальчик
и как будто все всё забыли, все трое, отец сын и дочь
возвращаются в свой дом и пируют. В вещественном
мире жестокая драма превращается в мимолётное
привидение, в игру теней, а в мире явлений она была
захватывающей реальностью.

Окутанный испарениями древней поэзии не-
мецкий романтизм создал литературу сонного созна-
ния, какой не найти ни у одного другого народа. И в
шедеврах Тика, Эйхендорфа и Гофмана она не раз
заставляет нас периодически пробуждаться. Особен-
но благодаря последнему мы можем интроспективно
проникнуть в сущность подлинной магии и колдов-
ства, которую тщетно пытается истолковать совре-
менная литература о гипнозе. В отличие от автоном-
ного сознания спящего человека, для которого суще-
ствуют только явления, увиденное во сне остаётся
привязанным к вещам в той мере, в какой оно испы-
тывает и на себе, только теперь в призрачном виде,
мифическую смену образов и утрату идентичности.
Обычное для магов принуждение с помощью страха,
и возникшие сами по себе страхи человек восприни-
мает как истинные, хотя они только кажущиеся. На
бронзовой ручке двери в руке студента Ансельма
появляется «металлическое лицо с издевательской
ухмылкой»: это демоническая женщина с яблоком;
схваченный им шнурок звонка опускается и превра-
щается в прозрачную змею; между кустами и де-
ревьями у дона архивариуса Линдхорста (он повели-

тель духов) открываются при ближайшем рассмотрении «длинные проходы, уходящие вдаль», куст красных лилий вдруг начинает двигаться, и тут появляется сам архивариус, чей «желто-красный сверкающий халат» только вводит Ансельма в заблуждение, из глаз зелёной змеи на него с невыразимой страстью смотрит его возлюбленная, огненный поток охватывает его, но, если присмотреться, это лишь «толстые книги с позолоченными обрезами». Обнимая змею, как возлюбленную, он слышит от неё рассказ о чудесной земле Атлантиде и собственноручно записывает его неизвестными ему таинственными письменами. Забавный человечек устраивает вечер с пуншем, приглашения можно получить у архивариуса, но, когда он выходит за дверь, все видят, что это был всего лишь «серый попугай». Старый кофейник со сломанной крышкой оказывается в действительности ведьмой, но, в сущности, это красная свекла и т. д. Ни одно место из «Золотого горшка», который мы цитируем, не позволяет нам глубже заглянуть в обманчивые превращения заколдованного. В наказание за роковую чернильную кляксу Ансельм страшным заклинанием отправляется в хрустальную бутылку на стеллаже в библиотеке тайного повелителя духов. Он неподвижно плавает «словно в замёрзшем эфире», дыхание его затруднено, жилы надуваются, и сквозь стекло сосуда, в котором он заключён, все окружающие предметы кажутся ему дрожащими в цветах радуги. Он жалобно зовёт свою возлюбленную, и тут кто-то говорит рядом с ним: «Я не знаю, господин студиозус, чего вы хотите, почему вы так безмерно печалитесь?» Студиозус Ансельм осознаёт, что рядом с ним на том же стеллаже стоят ещё пять бутылок, в которых сидят три ученика и два практи-

канта. «Ах, господа, товарищи по несчастью, — обращается он к ним, — как такое может быть, что вы так довольны, судя по радостному выражению ваших лиц? Вы сидите взаперти в стеклянных бутылках, как и я, и не можете двигаться, даже подумать о чём-нибудь разумном... у вас в головах полный хаос». «Вы мелете вздор, господин студиозус, — отвечает ему один из учеников, — никогда мы не чувствовали себя лучше, чем теперь, потому что особые талеры, которые мы получаем от безумного архивариуса за переписывание запутанных текстов, приносят нам радость. Мы теперь каждый день ходим к Йозефу, заказываем пару пива, любимся красивыми девушками, поём, как настоящие студенты, и всем довольны». «Эти господа правы, — вставил практикант, — я тоже богато одарён особыми талерами... и прилежно хожу в виноградник вместо того, чтобы сидеть в одиночестве в четырёх стенах и переписывать документы». «Но дражайшие господа, — сказал студент Ансельм, — разве вы не чувствуете, что сидите в стеклянных бутылках и не двигаетесь, даже не можете прогуляться вокруг них?» Тут ученики и практиканты разразились смехом и закричали: «Этот студент сошёл с ума, он воображает, будто сидит в стеклянной бутылке, а он стоит на мосту через Эльбу и смотрит в воду. Пошли дальше!» Когда голос замолк, мгновенно стёрлись воспоминания обо всём процессе, и мучительное обаяние явления одержало верх над мгновенным видением истины.

Из передаваемых устно народных сказок, например, «Петушиной жерди» (из собрания братьев Гримм) мы узнаём, что жердь, которую петух по приказу волшебника показывал удивлённый публике, была в действительности соломинкой. Молодая

девушка, нашедшая четыре склеенных листа, которые сделали её неуязвимой для иллюзий, обнаружила обман и открыла глаза людям, а те прогнали колдуна. Но он отомстил ей, заставив во время свадьбы принять льняное поле с его голубыми цветами за бурный поток, чтобы перейти который, надо поднять платье, и люди над ней посмеялись.

В одной очень страшной литовской сказке девушку преследуют два мертвеца, и, после того, как все заклинания оказались бесполезными, она укрывается в хижине, а на замок её двери вешает свой венок из роз, но и там ей является в виде горящей сосновой лучины мертвец, который начинает двигаться. Вот-вот девушка достанется обоим преследователям. Она удерживает его рассказом о том, как обрабатывают лён, пока вдруг первый крик петуха не разрушает чары, и она видит, что стул, на который она опустилась, это пень, хижина — болото, а два мертвеца — сгнившие стволы¹⁹².

Все эти примеры ясно показывают, что ни один факт не относится к сущности явления, скажем теперь точнее, не может быть тем же самым, а в один и тот же момент он *и то, и другое*. Но этот вывод будет неполным, если мы не подумаем и о среде как самого сна, так и бодрствования, и не докажем, что уничтожение вещественности *затрагивает также время и пространство*. К этому выводу приводит нас вдохновенное творение другого великого поэта снов Конрада Фердинанда Мейера, известное стихотворение которого «Лета» мы процитируем ниже. Хотя нам для нашего анализа нужна только четвёр-

¹⁹² Лескин и Бручман. Литовские народные песни из сказки. — *Прим. автора.*

тая строфа, часть её снотворческой силы будет потеряна без остальных строф.

Лета

*Видел я во сне совсем недавно
Чёлн, который по волнам без вёсел плыл,
Как в начале и в конце дня, равно
Ослабел реки и неба пыл.
В нём в венках из лотосов сидели
Юноши, девицы в воду руки отпускали,
Друг другу все они передавали,
Ту чашу, из которой каждый пил.
В той песне, полной сладкою тоскою,
Какую пели, пльвишие в челне
Твой голос через хор проник ко мне,
И я узнал, какая ты в покое.
«И нырнул я в волны и продрог в них,
Страшно холодна была вода.
И доплыл до тихо пльвишей лодки,
Посвящённым в хор стал я тогда.
И настал черёд твой, чашу выпить
И подняв её, наполнив до краёв,
Ты сказала, подмигнув мне: «Милый,
Пью я за забвение Твоё!»
Вырвав у неё в любовной страсти,
Чашу, бросил чашу я в поток,
Утонула чаша в той реке, а щёки
На лице твоём покрыл кровавый сок.
Целовал тебя я в дикой скорби,
В бледные, раскрытые уста
Ты исчезла из моих объятий,
Вспомнил я тогда, что ты мертва.*

Представим себе на миг такую же ситуацию в мире вещей. Стоя на берегу реки или озера, некто видит челн с юношами и девушками. Среди них его возлюбленная, и он хочет оказаться среди них. Ему достаточно было их окликнуть, но он этого не дела-

ет, а принимает решение добраться до челна вплавь, преодолевает расстояние до него и залазит в лодку. Таким или похожим образом, только более красочно, описал бы это автор, не будучи вестником богов. Но К. Ф. Мейер погружается в глубину сонного сознания, и там происходит нечто совершенно другое. Увидев челн и услышав страстно зовущую песню, человек приходит в такое состояние, когда волевой акт и его исполнение совершаются без промедления — это признак патического восприятия потока явлений — он сам подобно волне скользит по волнам, и едва страх спящего перед стихией потока будет им осознан, он уже доплывёт до лодки и замешкается (мы не знаем, как он выбрался из потока) в группу посвящённых. Мы переносимся в ситуацию, которую описывает поэт, и допускаем, что здесь описаны не процесс и действие: мы присутствуем при беспричинном преображении явлений, при котором спящий, стоя на берегу, видит себя последовательно в потоке и среди находящихся в лодке. Если мы на основе идентичности сонного сознания, в котором возникают и исчезают эти картины, представим себе спящего как живое целое, как единство переживающего субъекта, то, в соответствии со сном, он сменил место, т. е. преодолел расстояние между двумя местами, но он не делал для этого ничего, не двигался, и даже не чувствовал, хотя допускал это, что его передвигают, он был *здесь* и *также уже там*, точно так же как во сне о родине в «Зелёном Генрихе» персонажи сна поют о себе: мы *здесь* и *там*, мы уходим, оставаясь. Феномен сдвига, о котором мы говорили в начале, это лишь особый случай беспричинной смены места, а для этого требуется, чтобы и пространст-

во перестало быть реальным, а вместе с ним и неотделимое от него время.

Если мы захотим отнять протяжённость и непрерывность у пространства и времени, каким мы можем их только себе представить, то не будет больше ни «раньше», ни «позже», и прямая перестанет быть кратчайшим путём между двумя точками. Мы можем мысленно преодолевать этот путь со скоростями в миллион раз быстрее молнии, но это всё равно будет движение (либо движущейся точки, либо самого пути) и оно будет происходить во времени, так что нигде не останется места для пробелов. Но во сне мы воспринимаем окружающее нас пространство теряющим протяженность, а время с промежутками между точками, так что можно мигом преодолеть и то, и другое, каждое «там» и «здесь», каждое «некогда» и «теперь». Не только вещи теряют свою предметность, когда они появляются во сне, но также пространство и время, и теряет свою действительность элемент любого разделения: протяжённость. Разделение теряет тот смысл, который оно имеет при бодрствовании; то что, было, снова есть, а то, что должно ещё произойти, уже свершилось. Само движение, как воспринимаемая форма соединения времени с пространством, переходит в безразмерную сферу явлений и становится *фантомом* движения, призраком, который мы ещё можем наблюдать, иногда с радостью, но чаще с муками. Мы больше не находимся в потоке времени, где перед каждым «теперь» непрерывно проходит «некогда», а в вечной современности с *неограниченно подвижной точкой «теперь»*, и точно так же мы не находимся во внешнем пространстве, для преодоления которого требуется время, а в неограниченно подвижном «здесь».

В основе иногда высказываемого мнения, согласно которому мир сна и особенно магический мир находятся *вне* пространства и времени, лежит типичное смешение понятий, которое проходит через всю историю западного мышления: смешение явлений с осознаваемым, образов с предметами, Души с Духом. Вне времени и пространства в действительности находится Дух, каждый мысленный акт не имеет протяжённости во времени, каждое понятие — вне пространства. Наоборот, способное к восприятию явлений и прообразов сознание, мыслимое по аналогии с сонным сознанием, само по себе пространственное и временное, находится и пространстве, и во времени, но и то, и другое становится беспредметным, и его нельзя больше удержать в фиксированном «теперь» и «здесь».

Тот, кому трудно понять это с помощью своих воспоминаний о снах, может сделать это, придав предметность аналогичной реальности. Пространство в зеркале мы, несомненно, не только представляем себе, но и видим; и столь же несомненно, что ни одного соответствующего реальности предмета восприятия нет, так как за зеркалом, в которое мы смотрим, находится, может быть, стенка, но в любом случае не пространство, которое мы видим в зеркале.

Словами хоть и непоэтичной, но продуманной мудрости мы можем назвать её гносисом — Гёте во II части «Фауста», используя древний символ Матерей, истинное значение которого Фауст, как бодрствующий разум, не может разгадать, описал реальную форму временного ясновидения в следующих стихах:

*Здесь в одиночестве царят богини,
Ни места нет, ни времени у них
И трудно о них что-нибудь сказать¹⁹³
... Ты не увидишь ничего в пустой дали,
Твой шаг никем услышан тут не будет,
Нет тверди под ногами никакой.
...Прочь от возникшего в разверзшихся пространствах.
Ото всего, что минуло давно.*

Мы понимаем теперь смысл отсутствия памяти во сне. Достаточно много воспоминаний о нём, которые, как известно, могут быть весьма обширными, но нет разумной формы воспоминаний, потому что из-за моментального сдвига точки современности, воспоминание тоже сразу становится современным. Едва Зелёный Генрих вспомнил во сне о яблоках, которые он ел вместе с Юдит, как эти яблоки сразу же приняли образ яблочного пирога, в который превратился её поцелуй. И так же исчезает любая отдалённость в пространстве, как только она попадает в точку зрения спящего, а с другой стороны, этой точки нельзя достичь никаким усилием и целенаправленным движением, так человек во сне часто представляет её себе во сне, так же, как при бодрствовании. Прежде чем рассмотреть конечную точку, мы должны осмыслить совершенно непостижимые для бодрствующего сознания сдвиги, которым подвергаются все соотношения величин с понятным только спящему значением «бессмыслицы истинной стихии», так как их измерения теряют силу и возможна моментальная замена далёкого близким, большого малым, широкого узким, содержащего содержимым.

¹⁹³ «Говорить» у Гёте часто означает «думать», например: «Как только человек заговорит, он сразу начинает заблуждаться». Смысл: напрасно пытаться представить себе прообразы. — *Прим. автора.*

Песнь ребенка манго Моули (в индийской сказке) на протяжении двенадцати дней путешествия разносится по лесу и привлекает Конлу, хотя пелась негромко; принцесса Анат Рани имеет обыкновение спать со своим двумя фрейлинами на гранатах, и каждый из этих плодов представляет собой расстеленную постель; Вселенский Рау (в немецкой сказке) укладывает свои солнечные, лунные и звёздные одежды, словно это само собой разумеется; в скорлупе ореха — шатре феи Пари Бану, умещаются четыре армии (в арабской сказке), но её можно зажать в руке, и это не вызывает удивления, как в «Щелкунчике» Гофмана маленькая Мария не удивляется тому, что она вместе с мышинным королём проникла в чудесный мир через рукав отцовской шубы. Умышленная невозможность в т. н. лживых сказках греков и татар оказывается при ближайшем рассмотрении не обычной шуткой, а карикатурой на сонное сознание: человек проскальзывает через игольное ушко или кольцо с пальца; в белой блохе находится город, в котором живёт король; некто рассказывает, что пятнадцать лет укачивал своего отца в колыбели, а его мать тогда ещё была его дочерью¹⁹⁴.

Настоящий призрак из сна и умышленное искажение смешаны в присказке ведьмы из «Фауста».

*Девять равно одному, десять — ничему,
Вот ведьмина таблица умножения.*

Вряд ли надо напоминать, что наряду с колдовскими превращениями вторым упражнением магов всех времён и народов была дематериализация про-

¹⁹⁴ Советую прочесть книгу «Сказка» фон дер Лейена, где собрано много подобных невероятностей по Крузиусу. — *Прим. автора.*

странства путём уничтожения протяженности и что это, как верили все мистики, дар демонов и типичный случай путешествия душ. Так в сцене в кабачке Ауэрбаха в одном стихе выражена магия унификации мест, с помощью которой Мефистофель морочить головы своим собутыльникам:

*Неверный образ и слово меняют смысл и место
Вы и здесь, и там.
Счастлив тот, кто это понял*

Согласно Тертуллиану¹⁹⁵ демоны это существа, подобные птицам, они могут молниеносно менять место и даже появляться в нескольких местах. В своей «Оккультной философии» Агриппа¹⁹⁶ учит, что когда дух человека в результате самоотречённого созерцания Божества наполняется его светом, его тело становится звёздным и блестящим и может мигом перемещаться в отдалённые места. Согласно часто искажаемым, но полным глубокого смысла словам Парацельса, «сидерическое тело» имеет природу отражения в зеркале и поэтому способно к воздействиям и восприятию, подобных слияниям и отражениям проникающего вдаль луча света.

Незаметно мы пришли к пониманию того ещё не объяснённого момента сонного состояния, к пониманию чувства отдалённости, — при поверхностном наблюдении невозможно показать, что соответствует ему в настоящем сне. Но здесь мы должны иметь в виду два момента. Как от реальности дневного сознания никогда нельзя отделить расстояние

¹⁹⁵ Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (160–240) — древнеримский раннехристианский писатель и теолог.

¹⁹⁶ Агриппа (псевдоним) Неттесгеймский Генрих Корнелиус (1486–1535) — немецкий гуманист, натурфилософ, алхимик и астролог.

между субъектом и объектом, так нельзя отделить от неё и противоположность между внутренним и внешним и несоединимость здесь и там, теперь и некогда. Тот, кто уже покинул твёрдую почву дневного сознания, чтобы «самозабвенно» отдаться потоку фантазии (или быть прибитым в самом себе к кресту безумия), чьи мысли и желания исходят не из сознания бытия, здесь и теперь и в каждый момент включает современность своего там и некогда, место бодрствования, заслуживает того, чтобы мы сказали о нём, что он здесь. К тому же мы не можем бодрствовать, если не работаем, — бодрствование само по себе это уже работа, которая утомляет, — а всякая деятельность включает в себя отношения между здесь и там. Сама жизнь погружает нас в сон или опускается во внутренний мир сна, если бы нас постоянно не пробуждали акты саморазличения фиксированного здесь и автономно противостоящего ему там, так что мы видим, что силы бодрствующего сознания развиваются из постоянно обновляющегося расстояния между ними. Мы должны ещё задать вопрос, как вообще в таком случае возможна связь и каким образом в реальности нашего бодрствования может принимать существенное участие феномен протяженности как пространства, так и времени, хотя это не может быть предметом восприятия. Здесь мы обращаем внимание на качественные различия наших чувств при переходе от близких к удалённым во времени и пространстве целям. Чтобы переживаемая связь между здесь и там воспринималась как расстояние, надо, чтобы привязанное к здесь «Я» могло воздействовать на там, либо путём непосредственного движения к нему, либо путём подготовки к такому движению. Но если мы теперь представим

себе, что чем больше мы к чему-то стремимся, тем больше думаем о воздействии на него и наши мысли ограничиваются планами и пожеланиями с их двойным характером частично необузданности, игры, излишеств, частично сомнительности, неопределенности, нерассчитанности. Если далёкое недостижимо и не побуждает к действию, то с увеличением расстояния до него предмет теряет акцент достижимости, но не теряет силы его образ, и он может только теперь полностью нас захватить. В отдалённости от предмета представления бодрствующее сознание теряет напряжённость и силу и исчерпывается, будучи лишённым спонтанности, представлением о собственной жизни потока образов. И когда из-за отсутствия стабильности «Я» его место оказывается потрясённым, и оно не *ведёт* вдаль, а *увлекается* туда, это именно место сна, где только и переносятся в настоящее время там и некогда. Итак, более решающим, чем в чувствах мимолётности и самоотдачи, образом и более отчётливо проявляется в чувстве отдаленности характер сна, ибо то, что ощущается далёким, не только лишает силы «Я», но и переносит жизнь из него на место явления. Поэтому, если в действительности вечно далёкое оказывается воистину близким и подлинным предметом сна, то подтверждается предположение, что в мире явлений чувство отдалённости преобладает над чувством близости, и мы не должны удивляться тому, почему никакое психофизическое предположение не срабатывает, когда мы пытаемся объяснить с его помощью несомненные черты любого опыта, пережитого во сне. Они не могут быть поняты, если исходить от возбуждения, следов памяти, ассоциаций, а только если брать за основу реальную форму явлений сна,

не исключая и слепорождённых, которые живут в том же пространстве и в том же времени, что и другие, и у них при переходе из дневного бодрствующего состояния в ночное происходит такая же смена места действия. Тот вывод, который мы можем сделать из этого для учения об ощущениях и одновременно для понимания чувства отдалённости, должен быть взаимосвязан с анализом значения сна для жизни в бодрствующем состоянии для их последующего синтеза, но пока мы не можем обойтись без принципиального анализа встречного вопроса о характере зависимости сна от бодрствующем состоянии. И начнём мы с ответа на ещё не опровергнутое возражение против нашего отрицания реального присутствия «Я» во сне.

ПИСЬМО ОБ ЭТИКЕ

(1918)

Чего хочет учитель этики? Улучшить, нравственно улучшить, сделать совершенней, в конечном счёте даже достичь совершенства. Нет сомнений в его благих намерениях, в чистоте намерений, но сначала надо задать щекотливый вопрос: какова, собственно, его цель, откуда он получил уверенность в правильности этой цели, и кто поручил ему сделать то, что растёт, развивается, *иным*? И мы хотели бы задать ещё один вопрос: имеет ли вера в улучшение *человечества* хоть какую-то перспективу осуществления?

Этика может быть любой, при условии, что она стоит на почве фактов. Мир, который имеет ввиду учитель этики, называется человечеством, это фактически существующее человечество, а не взятое из сочинений поэтов, не предмет мечты или фантазии, а исключительно то, о прежнем процессе жизни которого рассказывает нам мировая история.

Я ранее уже указывал на то, что знает каждый, если только он не сбит с толку: *это* человечество обогрено кровью, убийствами, предательствами, низостью и подлостью, поэтому не может соответствовать никакому идеалу, в том числе и идеалу учителя этики, который думает, будто оно может стать лучше. Он переносит свой идеал добра в будущее, рассуждая, примерно, так: да, раньше человечество было дурным и злым, в нём этих качеств и сейчас с избытком, но оно будет всё больше очищаться от них и когда-нибудь, пусть даже в очень далёком будущем,

приблизится к идеалу добра, хотя никогда его вполне не достигнет. Таким образом, осуществление этого идеала лежит в области возможностей, но оно ничуть не повлияет на те злодеяния и преступления, которые уже произошли: можно ли улучшить миллионы известных и неизвестных негодяев, доносчиков, клеветников, отравителей сердец, завистников, клятвопреступников, интриганов, духовных и физических паразитов, которых давно уже похоронили? Разве человечество состоит только из ныне живущих людей? Можно ли считать человечеством именно тех людей, преимущество которых в том, что они жили в столетии, более близком к осуществлению нравственного идеала? Может ли мерзость минувших столетий стать меньше, если последнее из них достигнет совершенства? Сколь мало в этом истины, нам, может быть, станет немного ясней, если мы на один момент вспомним о тех, кто страдал от мерзостей других столетий, кого мучили измены, ложь, несправедливость, грабёж и подлости всех видов!

Гнев благородного человека, который со скрежетом зубов вынужден склониться перед гнусным насилием или голова которого падает под топором палача; тайные рыдания всех жертв кровопийц, бесильные страдания гнусно преданных и безвинного оклеветанных — разве станут они хоть немного меньше от того, что через *x* тысяч лет будет жить очищенное поколение людей? Как нельзя считать происшедшее не бывшим, так и нет смысла в желании улучшить то, что безнадежно испорчено!

Мимоходом укажу одновременно на родство этой абсурдной веры в улучшение человечества с двумя основными учениями христианства. Первое из них — мнение, будто *вера* в основателя христианской

религии «делает блаженным». Но тогда, понятно, блаженными могут стать лишь те, кто по воле случая родился позже него, и поэтому многие люди эпохи позднего Средневековья считали, что, Платон и Аристотель находятся в Чистилище, если не в Аду. Второе — утверждение, что заслуги и *прегрешения* будут окончательно определены только на Страшном суде. Никаких дополнительных пояснений не требуется.

Так что предполагаемое улучшение человечества невозможно, а тот, кто о нём говорит, обманывает нас, разумеется, неумышленно, бессознательно, т. е. инстинктивно. Обман сидит у него в сердце, а голова, как всегда, только выискивает обоснования для его предубеждения.

Чистому практику этики это ничуть не мешает. Он скажет: мёртвое человечество уже не спасти, я стараюсь ради тех, кто живёт и будет жить. Я возражу, что с ними ничего не получится, но теоретик, знаток этики, с этим никогда не согласится, потому что тогда он не сможет больше говорить о вечно законном или просто хорошем, к осуществлению чего он стремится, а всё улучшение свелось бы к простой санации, вроде осушения болота, чтобы не было комаров, которые его кусают, или вставки прокладки в ботинок, который жмёт ему ногу. Но для этого не нужны никакие нравственные требования, никакой категорический императив, а только более или менее убедительные речевые обороты, которыми пользуются, чтобы подчеркнуть нерушимость долга. Но вернёмся к этике, о которой идёт речь.

Как мы видели, улучшение человечества — это благочестивый самообман, потому что нынешнее человечество, которое подлежит улучшению, вымрет и испортится скорей, чем улучшится. Теперь зада-

дим себе вопрос: можем ли мы рассчитывать на улучшение хотя бы одного будущего поколения? Разве мы, живущие теперь, не являемся физически, психически и духовно *потомками* запятнанного кровью и низостью человечества, которое нам предшествовало? Разве не *его* кровь течёт в *наших* жилах? И даже если бы мы принадлежали к совершенно чистой и сравнительно безгрешной расе, сохранили бы мы эту безгрешность при всё более быстром и широком расовом смешении? Разве продолжают жить только невинные, а не преступники, не те, кто совершил преступления, а те, кто лишь вынашивал их в сердце своём? Разве не происходит сплошь и рядом противоположное, партия худших всегда одерживает верх над партией лучших? Разве надо зачитывать весь необозримый перечень доказательств? Константин¹⁹⁷, именуемый Великим, Карл¹⁹⁸, именуемый Великим, Григорий¹⁹⁹, Торквемада²⁰⁰, Кортес²⁰¹, Кромвель²⁰², Робеспьер²⁰³, и т. д. — разве они по *сути* своей были чем-либо иным, кроме как бесстрашными и страшными, если не одержимыми массовыми убийцами? И разве не эти т. н. «великие», деяния которых определили путь человечества и судьбу по-

¹⁹⁷ Константин Великий, Константин I — Флавий Валерий Аврелий Константин (272–337) — римский император, сделал христианство господствующей религией.

¹⁹⁸ Карл Великий, Карл I (742/747–814) — король франков, император Запада, основатель династии Каролингов.

¹⁹⁹ Вероятно, автор имеет в виду одного из римских понтификов.

²⁰⁰ Торквемада Томас де (1420–1498) — организатор испанской Инквизиции, великий инквизитор.

²⁰¹ Кортес де Монрой и Писарро Альтамирано Эрнан (Фернандо) (1485–1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики.

²⁰² Кромвель Оливер (1599–1658) — английский политический и государственный деятель Английской революции, глава индепендентов.

²⁰³ Робеспьер Максимилиан Франсуа Мари Исидор де (1758–1794) — один из главных политических деятелей Великой Французской революции.

следующих поколений, почему их до сих пор называют «великими»! Не благородная, а скорее преступная духовность творила и продолжает творить мировую историю, наследниками которой мы являемся, так что очень велика вероятность, что мы увидим, наоборот, неуправляемое *ухудшение* человечества.

Учитель этики возразит, что, хотя нравственный идеал не вполне или вообще неосуществим, это не меняет того обстоятельства, что он существует и предъявляет к каждому обязательные требования. Успех или неудача его воздействия для нравственного человека не главное — пускай он хоть сто раз потерпит поражение, добро всё равно останется его единственным ориентиром. Но давайте присмотримся повнимательней к этому идеалу.

Ранее я уже показал, подтвердив многими доказательствами, что для объяснения исторического человечества мы вынуждены исходить из наличия двух не сводимых друг к другу сил; я показал также, что эти силы противоположны друг другу, и рост одной означает соответствующее ослабление другой. Это, как уже было сказано, можно доказать и доказано. Но невозможно доказать, почему люди отдают предпочтение той или иной из этих сил, и каждой личности предоставляется определять самой, какую считать положительной, а какую отрицательной. Несомненно, лишь одно: если я назову одну + х, то другую я вынужден буду назвать - у, а если я наоборот буду видеть в одной - х, то другая будет называться + у. Народные названия положительной, с *моей* точки зрения силы, т. е. + х, природа, чувственность, сердце, более точные и правильные названия — жизнь, космос, *душа*. Противоположный этому *мой* - у — воля, действие, Логос, Нус, идея, Бог, высшее существо, чистый

субъект, абсолютное «Я», дух. Одна сторона этого утверждения большинством современных учителей этики признаётся, хоть и с оговоркой, но тоже содержащей признание того, что человечество формируется под действием двух сил. Они отрицают, что идея добра исходит от природы, но ни в коем случае не хотят признать, что эти силы противоположны и отношения между ними враждебные. Они уверяют нас, что природа — это проявление или откровение идеи добра. Прежде чем доказать, что они тем самым вступают в противоречие с самим собой, примем во внимание происхождение их взглядов.

Идея добра имеет в первую очередь свойство предъявлять требования или, точнее говоря, отдавать приказы. Да, это, так сказать, приказ в себе, абсолютная команда, категорический императив. Тот, кто уверяет нас, будто эта идея действует и в пространственно-временном мире, тот утверждает тем самым, что мир возник по приказу. Но это не что иное, как моисеев миф о сотворении мира по слову да будет древнего еврейского бога Яхве. И мы не должны упускать случая, указать на то обстоятельство, что это исключительно иудейское представление, какого нет ни у одного другого народа, — оно противоречит здравому смыслу любого, кто находится в здравом уме. Только христиане, которым это вдалбливают в голову с нежной юности, не могут обойтись без этого безумного представления, по сравнению с которым все истории о призраках и чудесах кажутся более правдоподобными. Христиане смеются над теми, кто верит в привидения, издеваются над фетишами и идолами первобытных народов, но держатся за чудесный мозговой призрак, подобно тому, как, орфические теологи древней Греции выводили мир из се-

ребряного изначального яйца, и не замечают, что предположение о сотворении мира по команде более невероятно, чем любая другая гипотеза о его сотворении. Что показывает нам опыт? Никогда ничто не может появиться только по команде, даже дождевые капли на оконном стекле.

Когда фельдфебель отдаёт команду «Стой!» или «Марш», то команда своей энергией приводит в движение тела солдат или живые силы повинующихся солдат? Как в этом случае, так и всегда: не команда может что-то осуществить, а только те, кто повинуются команде благодаря своим природным способностям. Иными словами, приказ предполагает наличие всего пространственно-временного мира, особенно живых энергий и, наконец, сознания, чтобы он был выполнен, иначе он ничего не значит. Моисеев миф о сотворении мира, наоборот, описывает сотворение мира по команде из ничего. И тоже самое делает учитель этики, когда он объявляет пространственно-временную реальность проявлением Идеи добра, категорического императива, абсолютной команды. Но, в то время как он, таким образом, противопоставляет чудовищную фикцию обеим силам, наличие которых он не может отрицать, в качестве теоретического обоснования, он подтверждает её противоположность им собственным учением, ибо как мы хотим теперь показать, то, что он проповедует, не что иное, как смертельная враждебность жизни. Но, если он ведёт себя, таким образом, мы понимаем, почему он вынужден плести мозговую пряжу, чтобы скрыть под ней положение вещей, ибо мужества признать такую борьбу у современного человека больше нет. Здесь мы должны углубиться в т. н. мрачное Средневековье, вплоть до апологетов и от-

цов церкви, чтобы найти личности, которые, как, например, агитатор Августин²⁰⁴, в принципе знали и ещё выносили знание того, что Божья заповедь это по сути проклятие чувственному миру. С таким учителем этики философ жизни может найти взаимопонимание. Оба они могут признаться самим себе и друг другу, что принадлежат к двум партиям, неуклонно выполняющим приказы, и по крайней мере в этом могут быть одного мнения. Их различие ясно и объяснимо: оба одинаково верят в непримиримую противоположность Неба и Ада, только то, что для одного Небо, для другого — Ад. Зато невозможно взаимопонимание с современным учителем этики, который ведёт войну против жизни, но не говорит об этом ни слова. Он тоже на стороне противников жизни, но не признаёт этого, скрывает, лжет, — понятно, неосознанно. Но это доказывает его внутреннюю противоречивость.

Что такое, собственно, команда или приказ? Нам могут ответить: заповедь. А что такое заповедь? На этот вопрос ответим *мы*: всегда и при всех обстоятельствах *запрет*! Приказ гласит: «Ты должен». А теперь оказывается, что для этого вообще нет повода, раз то, что приказано, уже произошло, само собой. Но если что-то не произошло само собой, только тогда необходим приказ, так как при отсутствии приказа, несомненно, произошло бы что-то другое, либо тот же самый процесс, но без приказа, либо вместо него произошел бы противоположенный процесс. Какова же цель приказа? Помешать процессам или состояниям жизни! У меня в руках католический катехизис, и я вижу, что из десяти Заповедей Божьих

²⁰⁴ Августин Аврелий Иппонийский или Блаженный (354–430) — христианский богослов и проповедник.

семь буквально гласят: «Ты не должен», и только три: «Ты должен». Но не надо никакой проницательности для того, чтобы понять, что эти три фактически имеют отрицательный смысл, только обличённый в утвердительную словесную форму. Суть любой заповеди, любого категорического императива, любого понятия долга это запрет, а запрещается всегда природное или жизненное. *Категорический императив — это категорическое отрицание жизни.*

Более понятным будет следующее доказательство. Каждое нравственное «Ты должен» направлено против того, что оно считает грехом, что предполагает греховность человека или его склонность к греху. Оно нуждается в грехе, чтобы вообще иметь хоть какой-нибудь смысл! Если мы вычеркнем понятие греха, мы тем самым вычеркнем и категорический императив, любое нравственное требование, любую добродетель (об этом можно прочесть у Павла). Животное, например, поскольку человек не признаёт за ним способности грешить, не может и совершать преступлений и не знает нравственных требований. Значит, их не знает и жизнь, она безгрешна и невинна. Если мы зададим теперь вопрос, в чём, собственно, суть придуманного Моисеем понятия грех, мы получим в руки ключ, как только поймём, что не только согласно канонам церкви, но и на самом деле есть только один смертный грех — грех против Святого Духа. Прилагательное святой говорит нам также о том, что понятие высшее благо (*summum bonum*), реальнейшее сущее (*ens realissimum*) нравственного сознания это Дух. Значит, есть вообще только один грех, грех против Духа. Но если Дух, как мы знаем, противоположен Жизни, значит, то, что он называет греховным, что Жизнь!

От этого вынужденного выбора не уйти. Чтобы познать нравственное «Ты должен», надо устранить понятие греха, а чтобы установить понятие греха, надо сделать Дух мерилом Жизни, чтобы он имел какое-то отношение к этому греху! И теперь мы поймём, какое открытие скрывает учитель этики за своей верой в сотворение мира по приказу: он сам со своим стремлением к нравственному улучшению находится на службе у силы, которая стремится к уничтожению жизни. Этическое улучшение заключается в протягивании духовной, колючей проволоки, на которой жизнь разрывается на куски и истекает кровью; в распространении духовного яда, из-за которого мысль о грехе становится маниакальной; в выдумках, которые вносят страшную путаницу в инстинкты. Нравственный воспитатель всего лишь анонимный наследник творческого священника, а тот был защитником и исполнителем отрицания. Обычный учитель этики не имеет об этом ни малейшего представления. Инициаторы были гениальными обманщиками, а их последователи только обманутые, невинные обманщики, обманщики со спокойной совестью.

Тут у меня вырвалось слово, за которое учитель этики уцепится, чтобы меня опровергнуть. Он оспаривает «Гётерономию» и, наоборот, утверждает автономию своего категорического «Ты должен» и ссылается для этой цели на только что упомянутую совесть, пытаясь убедить нас, что это данное человеку от природы реальное внутреннее переживание. Имея это в виду, он вероятно скажет: ты отрицаешь голос совести, значит, ты адвокат бессовестности, ты защищаешь зло и преступление!

Может ли совесть быть реальным переживанием, если она не наблюдается во всём животном ми-

ре? Но даже если мы отвлечёмся от животных, поскольку нам могут справедливо возразить, что уже первобытный человек отличался по своей сути от животных, то разве не доказывает наличие самоутверждающегося преступника, что, по крайней мере, он не знает переживаний совести. Кто-то усомнится в этом? Шекспир, который знал о человеке больше, чем все учителя этики вместе взятые, вкладывает в уста своего Ричарда III²⁰⁵ торжественные слова: Я хотел стать злодеем! Шекспир знал, что действительно великий злодей не раскаивается в своих злодеяниях, а лишь в том, что они ему не удалось из-за неправильного их осуществления. А где пряталась совесть Цезаря²⁰⁶, Нерона²⁰⁷, Тиберия²⁰⁸, Кромвеля, Наполеона²⁰⁹ и т. д.? «Действующий человек всегда бессовестный, совесть есть только у наблюдающего» (Гёте). Так что мы отвергаем как ошибочное утверждение, будто совесть это реальное общечеловеческое переживание, и добавляем, что при этом было упущено из вида следующее. Тот, кто приказывает, нуждается в ком-то, кто ему повинует, иначе его приказы ни к чему; так и категорический императив нуждается в личностях, которые верят в его святость, или, если отбросить общие понятия, Господь, как в немецком переводе называется Яхве, нуждается

²⁰⁵ Ричард III (1452–1485) — король Англии из династии Йорков, был последним представителем мужской ветви династии Плантагенетов.

²⁰⁶ Цезарь Гай Юлий (100–44 гг. до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель.

²⁰⁷ Нерон (Луций Домиций Агенобарб) (37–68 н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, римский император.

²⁰⁸ Тиберий Юлий Цезарь Август (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, римский император.

²⁰⁹ Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — французский полководец, государственный деятель, император.

ся в рабах, иначе ему не над кем господствовать. Этическая совесть существует, без неё не было бы этики; существует также враждебная жизни сила, которая проявляет себя, в частности, в виде совести, но нет общечеловеческой совести, зависимость от совести это скорее стигмат тех, кого Ницше называл рабами. Но в том, каким образом возникают рабы, не может быть больше никаких сомнений у тех, кто внимательно следил за нашим изложением. Они возникали и возникают всегда и везде в результате расового смешения и ухудшения крови, и их необходимое дополнение — преступники. Исследователь жизни видит в феномене нравственности лишь одно: духовное выражение плохой крови.

Но если, как выяснилось, неверно считать веру в долг присущей жизни, то мы должны обвинить во лжи, по крайней мере, основателей этики, когда они дают понять, что неэтичный или аморальный человек представляет собой противоположность совести, бессовестность. Это мнение включает в себя дерзкое утверждение, будто никаких ценностей кроме нравственных нет и быть не может. Это не относится к человеку, как носителю разума, ибо, например, логическая норма не имеет ничего общего с этической. Пока я только ищу, нахожу и доказываю истину, я нравственно индифферентен. Но кроме рациональной есть и оценка мира, включая человечество, с точки зрения жизни. Если духовный философ отвергает противное Духу как *грех*, то философ жизни отвергает зловерное для Жизни как *преступление*. Понятие греха (ἁμαρτία) возникло на почве этики, но не понятие преступления (υβρίς), язык не позволяет нам в этом сомневаться. Если слова о грехе против Духа вполне уместны, столь же уместны и слова

о преступлении против жизни. Никому не придёт в голову говорить о грехе против дерева, но мы и сегодня с полным правом говорим о преступлении против дерева. Дерево не дух и не имеет духа, против него нельзя согрешить, но дерево *живёт*, а преступление против жизни вполне возможно. И так же как грешника воля к уничтожению карает с помощью людей, так и преступнику грозит ответный удар жизни согласно вселенскому принципу возмездия, и преступное человечество в конце концов неизбежно постигнет месть Эринний. Воспитатель нравственности бессознательно систематически совершает преступления против жизни.

После бурной полемики пора подумать и об утверждении. Если есть ценность, которая обращается против преступления, должна быть и ценность, успех которой — *забота о жизни*. Я не очень охотно называю это воспитанием, потому что, как мы видели, это слово нравственные люди поставили на службу своему руководству душами. Само слово меня не беспокоит, если ясен смысл.

Ни один жизнеутверждающий руководитель душ не должен воображать, будто он может что-то изменить или улучшить. Из еловой шишки вырастет ель, из букового орешка — бук, из жёлудя — дуб, и тот, кто ухаживает за ростком, не вызывает рост и не определяет форму. Но растению нужны свет и влага, и оно расцветает более или менее пышно в зависимости от наличия того и другого. Жизненное руководство душами заключается не в установлении заповедей и построении стерилизующей веры на угрожающем «Ты должен», а в обеспечении духовной пищи. Если бы слова забота о душе не имели цер-

ковного привкуса, не было бы лучшего определения деятельности эзотерического руководителя душ.

Каковы основные виды духовной пищи? Это *чудо, любовь и образец*. Чудо душа находит, например, в природе, в поэзии и в красоте. И надо предоставить в её распоряжение природу, поэзию и красоту и посмотреть, расцветёт ли она. Любовь в самом широком смысле слова, включающем в себя также почитание, поклонение, восхищение, т. е. все виды сердечного признания действительно согревают, когда они исходят из того, кто любит. Вечный образ такого руководства душой — образ любящей матери и любимого ребёнка. Достаточно дать душе все лучи материнской любви, и мы увидим, как она расцветёт. Образцами, примерами являются боги, поэты и герои. Надо, чтобы душа смотрела на героев сопричастно, и мы увидим, как она расцветёт. Если же она не расцветёт ни от одного из этих трёх видов духовной пищи, значит, ей не дано силы расцвести, и ни один воспитатель душ не сможет её расколдовать. Тайна души в том, что она *становится богаче только в отдале*. Не любовь, которая воспринимается, а любовь, которая разгорается от взаимной любви в том, кто её воспринимает, — именно она питает душу. И все чудеса и образцы мира остаются лишь театральными представлениями, если они не могут разбудить в душе тайное чудо и тайного героя. Если душа не откликается, пусть воспитатель душ оставит её в покое, и тогда она может без ущерба для себя прослушать курс этики.

Словно всепожирающий пожар бушует прогресс над Землей, и на выжженном им месте ничего уже больше не вырастет, пока еще есть люди! Уничтоженные виды животных и растений не появятся снова, сердечная теплота человечности остыла, засыпан внутренний источник, который питал расцвет песенного творчества и священные празднества, остался лишь угрюмо-холодный рабочий день с фальшивой мишурой шумных развлечений. Несомненно, мы живем в век **ГИБЕЛИ ДУШИ.**

ISBN 478-5-9216-2344-6

9 785921 623446 >

ALGIZ

ТОТЕНБУРГ